

**Юлия Набокова
Заклятье зверя**

Disciples –

«Заклятье зверя / Юлия Набокова»: АСТ, Астрель; Москва; 2010
ISBN 978-5-17-065650-9, 978-5-271-26961-5

Аннотация

Они не должны были встретиться, но падение звезды Иноэль внесло поправку в их судьбы. И теперь Вернер, молодой, амбициозный ученик мага должен сопровождать красавицу Ивонну в ее долгом странствии домой. Леса Невендаара кишат разбойниками, по дорогам рыщут орки. Некроманты только и ждут, чтобы заманить их в ловушку. Против них зеленокожие и вампиры, демоны и сами инквизиторы. Кто придет путникам на помощь, когда силы будут неравны, а враг неуязвим? Как остановить действие чар, которые постепенно превращают Вернера в зверя? И что ждет их за поворотом? Ведь с каждым днем опасностей только прибавляется...

Юлия Набокова

Заклятье зверя

Пролог

Синее безоблачное небо Невендаара уже тронул румянец заката. Не разбирая дороги, по нехоженным тропам густого тенистого леса мчался молодой волк. Высокая трава хлестала бока. Сильные мышцы перекачивались под серой шерстью, в открытой пасти виднелись острые клыки. Птицы и мелкое зверье, почуяв приближение хищника, спешили укрыться. Но волку было не до охоты: он бежал прочь, подальше от леса с его густой листвой, с его заливистым пением птиц, с его волнующими запахами живности.

Выскочив из леса, волк стремглав пронесся по полю к яблоневому саду почти у самых крепостных стен. Появляться здесь было опасно: повсюду сновали люди. Но сегодня ему повезло: вокруг не было ни души. Лишь у самых ворот человеческого жилища вилась пыль, словно внутрь только что въехал целый отряд всадников.

Волк скользнул в яблоневый сад, промчался по знакомой ему тропинке и остановился на пригорке у кряжистого дерева, ветви которого сгибались под тяжестью спелых плодов. Отсюда был хорошо виден большой балкон дома, стоявшего за высокой каменной стеной. И на этот балкон на закате солнца часто выходила необычайной красоты девушка. Тогда волк замирал в тени яблони и, часами оставаясь неподвижным, мог следить за Солнечной, так он ее называл за золотистый, как утреннее сияние, цвет волос.

Зверь и сам не знал, зачем сюда приходит. Словно какая-то непреодолимая сила влекла его к Солнечной. Стоило не увидеть ее хотя бы день, как волк терял покой и начинал хандрить. Вид Солнечной приносил ему радость и тепло, такое же, какое дарила волку волчица. Но если волчица согревала ему тело, то Солнечная грела душу. Зверь не задумывался, почему так происходит. Просто чувствовал, что наблюдать за Солнечной для него так же жизненно важно, как дышать, пить, есть, охотиться. И прогулка в яблоневую рощу превратилась для него в ритуал, который он исполнял изо дня в день.

Сегодня ему повезло. Солнечная уже была на балконе. Она прохаживалась вдоль перил, и ее тонкая, гибкая фигура, озаренная закатным светом, казалась такой хрупкой и беззащитной, что у зверя защемило сердце. Вдруг она остановилась, повернулась к дому лицом, будто бы прислушиваясь к чему-то. Волк нахмурился: рядом с Солнечной появился высокий человек в стальных пластинах. Это не понравилось волку. В Стальном чувствовалась угроза. Да и Солнечная явно не обрадовалась гостю. Своим зорким зрением хищника зверь увидел, как напряглось ее лицо. Стальной заговорил, Солнечная огрызнулась. Зверь досадливо тряхнул головой: дом был слишком далеко, чтобы он мог услышать, о чем говорят люди. Оставалось только наблюдать за тем, как Стальной надвигается на Солнечную, а та отступает к краю балкона.

Волк заскулил от бессилия и, вскочив на ноги, в тревоге заметался по пригорку. Ему хотелось защитить Солнечную от Стального человека, прогнать его далеко-далеко, чтобы больше никогда не возвращался, не причинял Солнечной горя. И это желание было таким сильным, таким естественным, словно защищать Солнечную было его предназначением, словно в прошлой жизни он уже служил ей – верно и преданно.

Внезапно Стальной отшатнулся и как будто переспросил. Солнечная гневно ответила ему. Стальной широко раскрыл рот и сделался похожим на каркающего ворона. Солнечная побледнела и что-то выкрикнула.

– Ты не посмеешь! – донес ветер ее слова.

Волк не понял смысла человеческой речи, но его сердце заныло от боли, которую он почувствовал в звонком, как журчание лесного родника, голосе Солнечной.

– А кто меня остановит? – хрипло раскаркался в ответ Стальной.

И этого волк уже стерпеть не мог. Он поднял голову к небу, на котором медленно умирало солнце, и завыл. Протяжно. Звучно. Долго. Сначала в его вое излилось утешение, которое он хотел донести до Солнечной, а затем отчетливо зазвучала угроза Стальному. Злой

человек не смеет обижать Солнечную. Волк ему этого не позволит.

Когда зверь замолчал и взглянул на дом за каменной стеной, Стальной уже исчез. Солнечная стояла на краю балкона, вцепившись пальцами в перила, и до боли вглядывалась вдаль. Тщетно. Для ее человеческого взора расстояние слишком велико, чтобы увидеть волка. А вот волк своим звериным чутьем почуял опасность прежде, чем ворота крепости открылись, опустился подъемный мост и на дорогу выехал вооруженный отряд охотников во главе со Стальным.

Волк уже не слышал задиристых криков Стального, знаменующих начало травли. Он торопился в лес, в свое надежное укрытие под поваленной сосной, где его уже ждет, тревожась, волчица. Солнечной сегодня уже ничто не угрожает. А ему надо беречь себя. Ради волчицы и будущих волчат.

Вслед ему неся звук охотничьего рога.

Глава 1

Знамение

Дом тетушки Нильды не шел ни в какое сравнение с замком отца Ивонны. Приземистое двухэтажное здание с красной черепицей, стенами из серого камня и простыми квадратными окнами не могло соперничать с изысканной красотой белоснежного замка, с его устремленными в небо узкими башнями и стрельчатыми высокими окнами. Не отличалось роскошью и внутреннее убранство комнат и залов. Хотя тетушка всеми силами благоустраивала дом, украшала его гобеленами и ткаными коврами, все же ее муж значительно уступал в достатке богатейшему дворянину Левенделла, за которого вышла замуж младшая сестра Нильды. Однако племянница Ивонна любила гостить здесь каждый год. Не отличавшийся изяществом дом тетушки был для нее уютным и благодатным уголком, в котором всегда царила гармония и ключом была жизнь.

Дом тетушки Нильды оживал с рассветом. Стоило первым солнечным лучам коснуться красной черепичной крыши, скатиться вниз и пробраться внутрь через начищенные до блеска стекла, как дом пробуждался. И вот уже трубой гудел, отражаясь от гулких каменных стен, энергичный голос тетушки, распределявшей работу на день, затем внутренний дворик наводнялся прислугой, торопившейся исполнить многочисленные поручения своей строгой хозяйки. Звенела посуда на кухне, раздавался стук топора на заднем дворе, топали по каменным ступеням и деревянным подмосткам шаги господ и их работников.

Ивонна отдыхала здесь душой. С той поры, как умерла ее мать Элисса, сестра Нильды, девушка находила утешение в беседах с тетушкой. Тетушка была мудрой, доброй, отзывчивой хохотушкой, что не мешало ей держать в строгости всю немалую прислугу. «Сурова, но справедлива», – шептались о ней слуги. Нильда была нетерпима к лени и лжи, но работающим честных крестьян щедро одаривала и всячески поощряла. Случись свадьба – Нильда и крестьянский пир не погнушается посетить да подарков богатых принесет. Случись беда – оплатит услуги лучших целителей и монахинь. Ничего удивительного, что в доме у Нильды всегда полный порядок. Двор выметен, полы намыты до блеска, подвалы полны провианта, замки смазаны, лошади подкованы.

– Для того, чтобы все было должным образом сделано, нужен глаз да глаз, – поучала Нильда племянницу, совершая ежедневный обход дома и попутно то отчитывая прачку за недостаточно прилежно выстиранную скатерть, то хваля пряжу за новый гобелен, то утверждая с поварихой меню на обед и ужин.

– Надеюсь, и я со временем научусь так управляться с хозяйством, – застенчиво призналась Ивонна. – И папе не придется за меня краснеть, а Дамарис будет гордиться, что у него такая толковая жена.

– Научишься! – махнула рукой Нильда. – Наука это нехитрая. Главное – держать их вот где! – Тетушка красноречиво сжала крепкий кулак. – А Дамарис твой уже гордиться должен. Такие красавицы, чай, не всякому в жены достаются.

Ивонна стыдливо зарделась, и Нильда с улыбкой взглянула на племянницу. У нее самой трое сыновей, а дочери Всевышний не дал. Так что Ивонна ей как дочь. И на мать покойную, на сестру Нильды, диво как похожа. Тот же мечтательный взгляд синих глаз, те же по-эльфийски утонченные черты лица, те же мягкие золотистые локоны, тот же тонкий стан, тот же тихий журчащий голос. Полная противоположность ей, Нильде! Вот ведь как бывает – от одних родителей рождены, только сестра Эллиса – небесное создание, все в облаках витала, а сама Нильда твердо на земле стоит и характером настырная, любого гнома переспорит. А уж про внешность что говорить?

Нильда и ростом ниже, и телом шире, и лицом попроще, и волосом жестче, и голосом грубее. А ничего, нашла себе мужа, который в ней души не чает, и трех сыновей родила да выкормила – не развалилась. А Эллиса едва Ивонну выносила, потом болела целый год – девочка у няnek на руках росла. А уж вторая беременность сестру и вовсе подкосила – скончалась, сердечная, в родах. Ребеночка не спасли, и одиннадцатилетняя Ивонна сиротой осталась. Казалось, только недавно это было, а посчитать – уже шесть лет прошло. Вон какая невеста выросла – и собой хороша, и воспитана, и характером мягкая, уступчивая, слова грубого от нее никогда не услышишь. Ох, повеют из нее слуги веревки, пользуясь ее добротой!

– Главное, спуску никому не давать, – повторила Нильда, потряхнув кулаком. – И с первых же дней поставить себя в доме хозяйкой. Хозяйство-то у Дамариса большое?

– Большое, – вздохнула Ивонна.

– Да уж побольше вашего будет, – усмехнулась Нильда, – раз он племянником инквизитору приходится.

– И за что ты так инквизицию не любишь? – В голосе племянницы прозвучал мягкий укор.

– А за что мне ее любить? – громко возразила Нильда. – Вечно что-то разведывают, вынюхивают, науськивают, замышляют. И недели не пройдет, как очередной отряд инквизиции скачет. Всех накорми, напои, привети, а они возьмут да и лучшую мою пряху ведьмой объявят и с собой заберут! Уж сколько они у меня искусных девок и мастеровых мужиков перетаскали! А сколько я еще отбила, золотом откупившись!

– А пряха правда была ведьмой? – Синие глаза Ивонны в испуге раскрылись.

– Да будь она хоть нежитью, их-то какое дело? – сердито откликнулась Нильда. – Она ж у меня в замке живет, никого не трогает. Ах, какие Беттина гобелены ткала, – она сокрушенно покачала головой, – другой такой мастерицы во всей Империи не сыскать.

Ивонна в задумчивости накрутила на палец локон, выбившийся из высокой прически. С тетушкой никогда не поймешь, правду она говорит или шутит. И девушка еще не решила, как относиться к постоянным нападкам Нильды на священную инквизицию. Дамарис гордился своим родством с инквизитом, часто говорил о том, какую важную службу несет его дядя, как инквизиция заботится о благополучии жителей Империи.

В рассказах Дамариса ведьмы, которых ловили инквизиторские охотники, были жестокими и опасными старухами, разбивавшими семьи, наводившими порчу на детей и вызывавшими засуху ради собственной потехи. Пряху же, о которой говорила Нильда, Ивонна знала. Она была молчаливой и услужливой девушкой, старше самой Ивонны года на три.

Ивонна любила наблюдать за ее работой, следить за тем, как на глазах рождаются сложные плетеные узоры. А Беттина терпеливо учила ее своему мастерству, когда Ивонна проявляла к нему интерес. Сложно было поверить в то, что эта милая безобидная с виду девушка с робкой улыбкой – опасная ведьма, способная наводить порчу и нести людям вред. Надо будет поподробнее расспросить Дамариса о ведьмах и инквизиторах, решила Ивонна. Заодно и о дядюшке Себастьяне разузнать.

Прежде Ивонна особенно не интересовалась этим родством, но сейчас, когда вопрос о свадьбе уже решен, ее вдруг встревожило отношение любимой тетушки Нильды к инквизиции, и особенно взволновал рассказ о Беттине. Не хватало еще, чтобы из-за родства с

Дамарисом между ней и тетушкой возник раздор.

Нильда тем временем молча любовалась племянницей. А жениху повезло, что и говорить. Второй такой красавицы во всех северных землях не найти. Если только в столице поискать! Старший сын Таусенд, который служит в войсках императора, рассказывал, что дамы в столице носят богатые наряды и сложные прически, каждая из которых имеет свое название – «лесной луг», «замок», «водопад мерфолков», «эльфийский лес». Зато Ивонна и безо всяких «ласточкиных гнезд» на голове хороша. А когда распускает на ночь свои длинные шелковистые локоны – это прелестнее каких-то там «водопадов мерфолков».

– Ну что, – спохватилась Нильда, – пора уже об обеде позаботиться. Ты со мной на кухню? Или опять в сад?

Тетушка лукаво взглянула на племянницу. Ивонна не любила заходить на кухню – ее нежная кожа моментально краснела от тамошнего жара, а уж при виде тушки зайца на разделочном столе девушка и вовсе могла упасть в обморок. Зато в небольшом садике с розами и цветущими деревьями Ивонна могла провести весь день. От палящего солнца она укрывалась в беседке и там с книгой в руках могла просидеть до самого заката.

Сейчас девушка замешкалась. С одной стороны, было бы правильным отправиться вместе с тетушкой, набраться опыта в ведении хозяйства, лишний раз посмотреть, как Нильда беседует с поварихой и распекает поварят. С другой стороны, Ивонна мечтала побыстрее очутиться в беседке в окружении розовых кустов и продолжить чтение романа о приключениях доблестного рыцаря Торвальда. Вчера книгу пришлось отложить на самом интересном месте – Торвальд полюбил спасенную им даму Донателлу, и Ивонне не терпелось узнать, как пройдет новая встреча героев и добьется ли рыцарь взаимности.

Видя, что племянница колеблется, Нильда с улыбкой махнула рукой:

– Иди уж, мечтательница. Без тебя как-нибудь справлюсь.

Проводив девушку взглядом, хозяйка покачала головой. Хотя Ивонна рано лишилась матери, ее мечтательный характер она унаследовала в полной мере. Та же любовь к выдуманным историям, которых сама Нильда никогда не понимала, та же неприспособленность к жизни. Виданное ли дело – в обморок бухаться при виде курицы с отрубленной головой, которая еще несколько мгновений продолжает бегать по двору? Поди, не на облаке живем, не маковой росой питаемся.

Но в то же время, мягко журя племянницу про себя, Нильда ее по-матерински жалела. Успеет еще девочка повзрослеть, стать жестче к людям, равнодушно смотреть на убитую к обеду курицу. Жизнь – лучший учитель. И взрослеть ей придется уже скоро: свадьба – дело решенное, приготовления начаты. Жених, хоть и родственник инквизитора, по словам Корнелия, юноша достойный. А уж Корнелий свою единственную дочь абы кому отдать не решится! Раз уж одобрил Дамариса в мужья, значит, проверил его вдоль и поперек и не сомневается ни в его доблести и честных помыслах, ни в любви к Ивонне. Да и Ивонне жених по сердцу.

Хоть Нильда и не видела в племяннице пламенной любви, от которой горят глаза и особым сиянием озаряется лицо, но чувствовала уважение, доверие и симпатию Ивонны к жениху. А на этой основе часто рождаются самые крепкие чувства. Так что в счастливом будущем Ивонны Нильда не сомневалась. И в то же время не могла не тосковать, сознавая, что это последний приезд к ней племянницы. Потом у Ивонны с Дамарисом пойдут дети (помоги Всевышний, чтобы племянница оказалась крепче здоровьем, чем ее мать), и длительные поездки к тетушке в окрестности Меласема станут попросту невозможны для замужней дамы и матери. Теперь, чтобы увидеть Ивонну, Нильде придется ехать на другой край Империи, в Левенделл. А как бросишь хозяйство? Путь неблизкий, а за прислугой каждый день нужен глаз да глаз. Да и возраст уже дает о себе знать – куда уж ей в долгие путешествия отправляться? Но ничего, Нильда смахнула набежавшую слезинку – никому нельзя показывать своей слабости, особенно слугам, которые снуют туда-сюда по двору, выполняя ее поручения. Ивонна пробудет у нее еще месяц, за это время у Нильды будет еще уйма возможностей наговориться с ней, посекретничать, передать свой жизненный опыт,

подготовить девочку к замужеству. На Корнелия-то что полагаться? Лучше матери никто не объяснит дочке женских секретов. А раз уж Элиссы нет на свете, то эта деликатная задача ложится на плечи Нильды. Опыта таких разговоров у Нильды нет – у нее одни сыновья, с ними пусть отец беседует! Но ничего, она что-нибудь придумает. Главное – выбрать подходящий момент. А уж за оставшийся месяц удобный случай как-нибудь да подвернется. А пока надо думать о насущном. Ужин!

И Нильда поспешила по делам, решая, какому блюду отдать предпочтение – рагу из зайца или утке на вертеле.

Этот день обещал быть точно таким же, как множество остальных. Ни Нильда, ни Ивонна, устроившаяся в беседке с томом рыцарского романа, и представить не могли, что уже ночью их жизнь перевернется и им придется расстаться на месяц раньше запланированного срока.

Рагу из зайца удалось на славу. За столом по традиции собрались все обитатели дома. Тетушка Нильда, ее муж Томаш, младший сын Кельвин, слишком юный и для имперской службы, как старший сын Таусенд, и для женитьбы, как средний, Брайдон, а также гостившая Ивонна.

День закончился, и, налегая на сочное жаркое, домочадцы наперебой делились новостями. Отец с сыном хвастались охотничьими трофеями – им удалось затравить большого волка, который намеренно задрал одну из служанок, пошедших в лес по грибы. Девушки, которым повезло спастись, с содроганием подтвердили, что это тот самый волк, так что теперь обитателям замка нечего было бояться. Нильда сообщила о беременности прачки – вскоре ей придется подыскивать замену. Мужчины бурно обсудили кандидата на роль папаша, но так и не пришли к единому мнению. Отец утверждал, что здесь не обошлось без плотника – у любвеобильного молодчика подрастало уже пятеро детишек от разных матерей, а сын настаивал, что прачка понесла от кого-то из имперских асасинов, когда Таусенд с дружиной гостил пару ночей в родном доме.

– Уж лучше от асасина, чем от инквизитора, – вставила свое словечко Нильда.

Молчала только Ивонна. Она переживала из-за того, что Донателла оказалась обрученной с другим и не могла остаться с рыцарем Торвальдом. Разлученные герои книги мучились, а Ивонна страдала наяву. Даже рагу из зайца показалось ей пресным и безвкусным. Как тут насладиться едой, когда у Торвальда, на месте которого она, читая книгу, представляла Дамариса, и у Донателлы, в роли которой она видела саму себя, такая трагедия?

– Ивонна, а ты что, девочка? – Нильда заметила состояние племянницы и встревожилась. – Не приболела ли?

– Что-то мне нездоровится, – ухватила за эту версию Ивонна. – Можно, я пойду прилягу?

Хотя световой день закончился, запершись в своей комнате, можно зажечь свечу и читать книгу дальше. Ивонна точно знала, что не заснет, переживая за героев. Но у нее оставалась надежда, что на следующих страницах книги их печальная судьба изменится к лучшему.

– Конечно, иди, отдыхай! – засуетилась Нильда. – А ведь и не поела толком... – с беспокойством вздохнула она, когда девушка, взяв подсвечник, вышла из обеденного зала. – Как птичка поклевала.

– Наша Ивонна питается ароматом роз и лунным светом, – мягко пошутил над кухней Кельвин. – Наша пища не для нее.

Домочадцы обсудили оставшиеся новости – об орках, которых видели в окрестностях, о недавней стычке между имперцами и нежитью неподалеку. Когда закончили трапезу и поднялись из-за стола, за окном уже совсем стемнело. Нильда проследила за тем, чтобы слуги убрали всю посуду со стола. Муж и сын помогли погасить настенные факелы и камин. Зал погрузился в темноту, нарушаемую только мерцанием свечей в переносных

подсвечниках, которые взял со стола каждый из домочадцев. Медленно, стараясь не погасить трепещущее пламя, они двинулись к выходу.

Томаш с сыном уже вышли в коридор, когда Нильда замешкалась на пороге, дабы последний раз обвести подсвечником зал и проверить, не укрылось ли что от ее зоркого взгляда. Однажды нерадивая служанка забыла на столе кусок сыра, и наутро в зале невозможно было завтракать – стол был измазан мышинным пометом, а от головки сыра осталась одна веревочка. Служанке тогда здорово влетело, но и себя Нильда корила, что недосмотрела. Сейчас все было в полном порядке. Нильде не в чем было себя упрекнуть.

– Скоро ты там? – поторопил ее муж.

– Уже иду.

Нильда сделала шаг назад и уже собиралась притворить дверь, как вдруг случилось невероятное. Пол покачнулся, посуда, аккуратно расставленная в комод, задребезжала, издав донесшийся гул, словно армия гномов стремительно приближалась к дому, и в следующий миг трапезную озарило, как полуденным солнцем.

Не сговариваясь, домочадцы перескочили через порог и помчались к окнам. Засыпающий дом тем временем наполнился возгласами и криками прислуги.

– Что это?

– Что происходит?

– Караул! Горим! – неслось на разные голоса.

– Вы это видите? – взволнованно пробормотала Нильда, высоко задрав голову и глядя на небосклон, на котором творилось что-то непонятное.

Казалось, в чернильно-темном небе распустился алмазно-белый цветок, и теперь, оторвавшись от стебля, он стремительно приближался к земле, озаряя своим ослепительным светом всю спящую Империю.

– Это солнце? – испуганно вскрикнул Томаш, вцепившись жене в плечи.

– Кажется, это звезда, – завороченно отозвался Кельвин, не в силах отвести взгляда от чудесного зрелища.

Лучистая и мерцающая звезда промчалась перед их взором и устремилась на восток, скрывшись за верхушками леса, темнеющего на горизонте. В небе еще раз полыхнуло, земля отозвалась громким стоном. За спиной домочадцев что-то надрывно звякнуло. Это тарелка упала из комода и разбилась вдребезги.

Нильда в тревоге кинулась подбирать осколки и порезалась.

– Оставь, – дрожащим от волнения голосом произнес Томаш, – я позову слуг.

Кельвин молча протянул платок.

– Не к добру, – пробормотала Нильда, перетягивая порез.

И в этот миг мерцание, которое еще озаряло небосклон, окончательно померкло. Зал погрузился в непроницаемый бездонный мрак, не освещенный даже пламенем свечей – они потухли еще тогда, когда, взволнованные необычным видением, домочадцы бросились к окнам. В суматохе пламя погасло, подсвечники были брошены куда попало. В крошечной тьме их уже и не найдешь! Нильда нащупала руку мужа и дрогнувшим голосом прошептала:

– Это все не к добру.

Ее шепот громом прокатился по пустому залу. Кельвин в темноте наступил на осколок тарелки, и под ногами захрустела стеклянная крошка. Нильде было слышно, как бешено колотится сердце мужа. Томаш никогда не отличался особой храбростью. Но сейчас и ее собственное сердце билось ничуть не тише. Произошло что-то невероятное, необыкновенное, сулившее значительные перемены, навсегда изменившее жизнь не только их семьи, но и всей Империи.

Домочадцы на ощупь двинулись к выходу. Они проделали только половину пути, когда в коридоре зазвучали взволнованные голоса, двери распахнулись, и на пороге возникла Ивонна с подсвечником в руках. За ее спиной толпились слуги.

– Тетушка, дядюшка, кузен! – с облегчением выдохнула она. – Вы в порядке?

– Мама тяжело ранена, – в шутку брякнул Кельвин.

– Как?! – ахнула Ивонна, подавшись к ним.

Слуги встревоженно загалдели. Кельвин перехватил у кухни опасно накренившийся подсвечник, дав ей возможность обнять тетушку обеими руками.

– Что ты слушаешь этого прохвоста, – пробормотала растроганная Нильда. – Я всего лишь порезалась о разбитую тарелку.

Ивонна огляделась, увидела осколки и удрученно сказала:

– Мой подарок...

«В самом деле, – подумала Нильда, – я и не сообразила, что это та самая тарелка, которую мне подарила Ивонна, когда приехала сюда».

«Не к добру», – тревожно забилося сердце. «Ох, не к добру», – мысленно согласилась Нильда.

Встревоженные хозяева и слуги заснули уже перед рассветом. Хотя наведение порядка решено было отложить до утра, все взволнованно гадали, что за происшествие случилось сегодняшней ночью и какие события оно сулит.

– Одно я могу сказать твердо, – подвела итог ночной беседы Нильда. – И без того-то в Империи беспокойно было, а теперь волнения только усилятся. Разбойники с зеленокожими совсем осмелеют, а там и нежить на наши земли еще больше полезет. На дорогах такое начнется!.. Вот что, девочка, – обратилась она к притихшей Ивонне, – тебе нужно срочно возвращаться домой, пока еще дороги не стали опасными. Была бы моя воля, я бы тебя, конечно, никуда не пустила. Но твой отец будет о тебе волноваться. О женихе я уже не говорю. Да и дома тебе будет безопаснее, – рассудила она. – Если нежить хлынет в Империю, то Меласем как раз на пути из Алкамаара лежит. Тяжело нам тут всем придется. А в ваших краях тишь да благодать – резиденция Великого Инквизитора неподалеку, вот и обходят вас стороной и лихие люди, и орки проклятые. Опять же, жених твой – хороший воин, сумеет тебя защитить. Так что, золотая моя, собирайся в путь, – наказала она и с озабоченным видом добавила: – А я завтра же начну искать тебе отряд для сопровождения.

– Отряд? – удивленно переспросила Ивонна. – Но сюда я приехала с тремя воинами отца. Разве их мало?

– В нынешних обстоятельствах – мало, – отрезала Нильда. – Воинов нужно вдвое больше, а еще не помешали бы маг и целительница.

– Они-то зачем? – еще больше изумилась Ивонна. – Как-нибудь обойдемся без волшебства и лечения.

– Раньше, быть может, и обошлась бы, – твердо возразила тетушка, – а сейчас нужно быть готовыми ко всему. И что магия понадобится, и что дорога растянется. Мало ли, какие непредвиденные обстоятельства в пути возникнут? Надо предусмотреть все.

– Хорошо, – покладисто согласилась Ивонна. – Но оплачивать все буду я.

– Еще чего придумала! – заворчала Нильда. – Ты моя гостья, и мой долг хозяйки – вернуть тебя домой в целости и сохранности. Чтобы ни один золотой волосок с твоей хорошенькой головки не упал.

Но неожиданно Ивонна решила настоять на своем. Она понимала, что содержание хозяйства обходится тетушке недешево и лишние траты ей совсем некстати.

– Ты же сама меня учила, что вознаграждать нужно не до, а после проделанной работы – каждому по заслугам, – напомнила Ивонна. – Лодырю – медный грош, прилежному работнику – золотой. Вот и я вознагражу своих сопровождающих в конце пути, когда они проявят себя.

Поворчав для порядка, тетушка согласилась с доводами племянницы. Домочадцы разбрелись по комнатам. А Ивонна, вернувшись к себе, обнаружила невосполнимую потерю и безутешно прорыдала в подушку до рассвета. Накануне странного происшествия она, склонившись над столиком, в упоении читала книгу. Когда небо озарила падающая звезда, она неосторожно смахнула подсвечник на стол, и пламя в один миг охватило страницы. И хотя Ивонна торопливо загасила огонь и только потом бросилась разыскивать тетушку,

теперь она увидела, что от приключений рыцаря Торвальда осталось лишь начало, а продолжение сгорело. И уже никогда не узнать, удалось ли герою соединиться с возлюбленной дамой Донателлой. Торговец, продавший ей книгу, уверял, что она уникальна и второго такого списка романа не найти. Отчаянию Ивонны не было предела. Перед испорченной книгой меркли и ночное происшествие с упавшей звездой, и предстоящее путешествие.

Глава 2 Заклятье

Наутро об упавшей звезде говорили во всей Империи. «Вы видели?» – судачили деревенские кумушки у колодца. «Видели?» – перешептывались ученые мужи в столице. «Видали?» – громко, во весь голос вопрошали имперские воины у товарищей. «Видели, ночью-то?» – шушукались инквизиторы. «Все видели!» – гневно цедил Великий Инквизитор Иоганн, нервно меряя шагами просторный зал.

Но, пожалуй, одно из самых горячих обсуждений велось на заднем дворе дома волшебника Гидеона, где с самого утра собрались его ученики. Взбудораженные ночным происшествием, юноши с нетерпением ждали толкования от своего мудрого наставника. А пока волшебник не спустился, высказывались самые неожиданные версии.

– Ребята, – несмело произнес Дир, сутулый парень с мертвенно-белым лицом и тонкими, бескровными губами, – а если это Бетрезен? Что, если он вернулся на землю, а звезда по его велению упала на один из разломов, и теперь Легионы Проклятых вновь вырвутся наружу?

– Как вырвались, так и обратно вернутся. – Широкоплечий Норд показал свой крепкий кулак. – Я лично первым в войско запишусь.

Его товарищи уважительно притихли. В магии Норд был не силен, и для многих оставалось загадкой, почему волшебник до сих пор держит его в учениках, если за три года обучения парень не продвинулся ни на один уровень. Магические умения Норда, как и на момент поступления к Гидеону, ограничивались топорным вызыванием молнии. Однако дразнить Норда никто не осмеливался – он был самым старшим из всех и самым физически крепким.

– А мне кажется, это добрый знак, – вмешался самый младший из учеников, хорошенький, как эльф, Сандр, и выдал свою версию: – Всевышний не оставил нас. Ведь звезда упала с самого неба.

– Просто так звезды с небес не падают, – с беспокойством возразил круглолицый полный Бейл, сын местного мельника. – Что, если это не милость, а гнев Божий?

– А я вам что говорю? Это проделки Мортис! Пойдет мор по всей земле, как в былые времена, и увидите, что я был прав. Если еще сами живы останетесь, – с трагическим надрывом доказывал долговязый парень с темными кругами под глазами, за свой пессимистический склад характера прозванный Вороном.

– Опять вороны раскаркались, – с насмешкой произнес только что подошедший смуглый юноша с лукавыми карими глазами, веселым, подвижным лицом и слегка вьющимися каштановыми волосами, выгоревшими на солнце.

Роста он был среднего, но умудрялся смотреть свысока даже на Норда, возвышавшегося над ним на целую голову. При его появлении другие ученики оживились еще больше и загалдели:

– Вернер, где тебя носит?

Из всех учеников Вернер жил ближе всех к дому учителя, в конце улицы. Другим повезло меньше – им приходилось топать из других деревень и окрестных сел. И при этом те, кто жил дальше всех, являлись на занятия самыми первыми, а Вернер умудрялся постоянно опаздывать.

– А что, я что-то пропустил? – Вернер лениво откусил домашнюю булку, которую

держал в руке. – Из-за вас даже позавтракать толком не успел, – посетовал он, прожевав, – разгалделись тут с самого утра!

– Как ты можешь думать о еде, когда случилось такое? – упрекнул его Сандр.

– Малыш, – Вернер насмешливо потрепал его по подбородку, и мальчик, зардевшись от обиды, отвернулся, – поживи с мое, поймешь, что сытный обед – это одна из тех вещей, о которых следует заботиться прежде всего.

– А по тебе и не скажешь. Одни кожа да кости, – обиженно огрызнулся Сандр. И почему вредный Вернер всегда напоминает ему о том, что он здесь – самый младший? Главное, что в магии он не последний. Гидеон не раз хвалил его на занятиях, а однажды даже привел в пример Вернеру, чтобы тот слишком много о себе не мнил. И ведь не зря привел! Заклинание Сандра и впрямь получилось куда удачнее попытки Вернера, который отнесся к заданию учителя спустя рукава.

Но в ответ на его колкость Вернер только рассмеялся – аж крошки изо рта брызнули.

– Не в коня корм, – давясь булкой, произнес он. – Вот Хлебушек наш, – он подмигнул круглобокому Бейлу, – не зря на мельнице папаши околачивается. Скоро уже шире него станет.

Бейл обиженно заалел и, сжав кулаки, подался вперед.

– Эй-эй! – Вернер отступил, выставив руки в примирительном жесте. – Ты чего? Хорошего человека должно быть много. Сам подумай, если бы ты был такой, как я, – юноша провел руками по поджарым бокам, – разве отец смог бы тобой гордиться? Да лично я бы, глядя, что у мельника сын худой, никогда бы не купил у него муки.

Бейл с сомнением потоптался на месте. Вроде бы в словах Вернера уже не было ничего обидного. Да и ввязываться в драку не хотелось. В том, что он одолеет Вернера силой, Бейл не сомневался – он был почти вдвое крупнее. Однако с Вернером, несмотря на все его обидные шуточки, никто не рисковал сцепиться. Вернер был не только одним из самых одаренных учеников, он еще знал такие магические приемы и заклинания, которым не обучал Гидеон.

Однажды Норд побил его, и Вернер отомстил ему, выкрикнув незнакомое заклинание, которое сделало низкий бас силача тонким и писклявым, как писк мыши. Даже Гидеону, к которому помчался Норд, не сразу удалось снять заклятье. С тех пор открыто сталкиваться с Вернером даже Норд не решался. Мало ли, какие штучки у него еще припасены для обидчиков!

Вернер сам как-то заявил Бейлу в дружеской беседе, что ученик должен не только стать подобным своему учителю, но и превзойти его в мастерстве. «Каждый ученик мечтает стать белым магом, – сказал тогда Вернер. – А если ты не хочешь стать самым великим магом во всей Империи, зачем тогда вообще учиться?» Бейл в тот раз промолчал. Ему самому было бы достаточно стать самым искусным магом в своей деревне, чтобы отец наконец-то зауважал его необычные способности, а мачеха отвязалась и не смела повыситься на него голос. О большем Бейл и не мечтал. Но признаться тогда Вернеру в своих скромных желаниях он не решился. Уж слишком у того горели глаза. Бейл только спросил у него: «А ты мечтаешь стать белым магом?» И услышал в ответ: «Я мечтаю стать единственным в своем роде, сильнейшим и опытнейшим. Самым могущественным магом во всей Империи».

– Мир? – Вернер напоследок откусил большой кусок булки и с обезоруживающей улыбкой протянул ее половину товарищу.

Тот в нерешительности замялся. В конце концов, Вернер не такой уж и злой. Только вредный слишком. И гордый, как какой-нибудь дворянский сын. Недаром в деревне ходят слухи, что никакой его погибший отец, которого здесь отродясь не видели, не стражник вельможи, а самый что ни на есть знатный господин.

– Бери уж! – Вернер по-братски обнял его за плечи и вложил булку в пухлую натруженную ладонь Бейла – в свободное от занятий магией время тот прилежно помогал отцу на мельнице. Точнее было бы даже сказать – в свободное от работы на мельнице время Бейл находил силы проходить пару деревень пешком, чтобы поучиться магии. Учитывая

немалый вес Бейла, такие пешие прогулки были для него настоящим подвигом. Непонятно было, что больше его толкает к Гидеону – желание преуспеть в магии, которую отец ни в грош не ставил, или стремление оказаться подальше от мачехи, склочной и вредной женщины, чьи непрестанные издевки не шли ни в какое сравнение с подколками Вернера.

Бейл жадно захрустел – булки мать Вернера была печь мастерица, и в который раз взгрустнул о своей судьбе. Вот бы его отцу жениться на мягкой, доброй, отзывчивой Гелене – мать Вернера давно вдова. И тогда, быть может, и ему, Бейлу, перепали бы хоть крохи той нежной любви, которые достаются на долю его товарища.

Обиднее всего, что сам Вернер заботы матери совсем не ценит. Уж сколько он ей доставил неприятностей за четыре года их совместного обучения и сколько еще доставит! И из дому-то он сбегал не раз – то за имперскими стражниками вслед увяжется, то услышит от Гидеона легенду о старинном кладе, который якобы спрятан на Пропащем болоте, и рванет туда в глухую полночь.

Хорошо, что в первый раз воины, заприметив мальчонку, сжалились над матерью и отправили его с провожатым домой. А в случае с кладом уже Гидеон помог: когда встревоженная Гелена пришла к нему вечером и рассказала, что сын не вернулся домой после занятий, волшебник сразу смекнул, что ученик слишком серьезно воспринял рассказанную им легенду, и поспешил к болоту. Как раз вовремя успел – еще бы немного, и не было бы уже на белом свете неисправимого задиры Вернера с его вечными шуточками, подковырками и обидными прозвищами, какими он награждает всех и всякого.

Норд у него Скала, Сандр – Малыш, Дир – вампир... Даже к учителю никакого уважения – за глаза он зовет его Гномом, за то, что долгое время учитель провел с жителями горных кланов и от них перенял много диковинной магии, знаниями о которой щедро делится с учениками.

Бейл дожевал булку, стряхнул в рот последние крошки – вкуснейшей выпечкой тетюшки Гелены не хотелось делиться даже с птицами – и обернулся на окна дома волшебника. Скоро он там? Сегодня Гидеон обещал рассказать им о рунной магии, и Бейл уже притоптывал от нетерпения в ожидании интересного урока.

Ученики тем временем возобновили спор об упавшей звезде и хотели узнать мнение припозднившегося Вернера на этот счет. Однако любимчик Гидеона, похоже, не разделял всеобщего возбуждения.

– Не понимаю, чего вы так всполошились? – Вернер лениво повел плечами. – Ну, звезда, ну, упала. Подумаешь...

Во дворе на мгновение воцарилась изумленная тишина, а потом всех будто прорвало. Шум, гам, гвалт! За всеобщей суматохой ученики даже пропустили появление волшебника. Гидеону пришлось протиснуться в самый центр возбужденно галдящего кружка, который образовался вокруг Вернера.

– И что здесь происходит? – рявкнул волшебник, перекрывая возгласы.

Шум разом смолк, и ученики почтительно отступили, склонив головы в ритуальном поклоне.

– Довольно! – Гидеон нетерпеливо махнул рукой и обвел притихших учеников строгим взором. – Разгуделись тут, как деревенские кумушки!

– Но ведь звезда!.. – взволнованно воскликнул Сандр и тут же сконфуженно замолчал, когда на него цыкнул стоящий рядом Норд. С такой махиной разве поспоришь? Прав Вернер, что кличет его Скалой. И Бейлу прозвище Хлебушек очень подходит. А вот насчет него самого, Сандр обиженно шмыгнул носом, Вернер не прав. Он еще вырастет и всем покажет. И Норду, который смеет на него цыкать, и задаваке Вернеру, который почему-то считает себя самым способным из них, и своим старшим братьям, которые из зависти кличут его волшебником-недоучкой.

– Да, – Гидеон с глубокомысленным видом погладил окладистую бородку, – звезда. – И замолчал.

– Учитель, – не выдержал Норд, – скажите же нам, что теперь будет?

– Что же, – Гидеон обхватил себя за плечи, что говорило о высшей степени напряжения, – однозначного ответа тут быть не может. Поживем – увидим. Пока ясно одно: случилось это не просто так, и последствия не заставят себя ждать. Готовьтесь к большим переменам. Будьте мужественны, будьте готовы защищать своих родных и магией, и кулаками.

– Вы считаете, что это к беде, учитель? – влез в разговор тот, кого Вернер назвал Вороном.

– Я не знаю наверняка, Сильвер. – Учитель развел руками, и парень торжествующе заулыбался, заглядывая в лица стоящих вблизи товарищей: мол, видали, я оказался прав!

– Но сердце подсказывает мне, – веско добавил Гидеон, – что перемены очистят наш мир Невендаара от скверны и пусть не сразу, но принесут покой и благодать. Что может быть еще хуже того смутного времени, в котором мы живем? Когда отряды зеленокожих совершают набеги на беззащитные земли? Когда гномы заперлись от мира в горах и не желают даже видеть того, что происходит в Империи? – Звучный голос волшебника переполнился горечью. – Когда эльфы все чаще преступают наши земли, и отнюдь не с добрыми намерениями? Когда невозможно проехать из южных земель в северные без того, чтобы не столкнуться в пути с нежитью? Когда то тут, то там на нашей земле возводятся святилища Мортис? Да что говорить о нежити и эльфах, когда мы сами, люди, сделались врагами друг другу! – с горечью заметил он. – На дорогах лютуют разбойники. Дворяне идут войной друг на друга, не поделив земли и власть. Крестьяне устраивают мятежи, в которых гибнут дворяне. Инквизиция одинаково беспощадно преследует и тех, и других.

Ученики испуганно примолкли, пораженные трагизмом в голосе волшебника. А Гидеон, глядя на их растерянные лица, вздохнул. О чем он говорит этим детям, которые уже родились в это смутное время? Другой жизни они и не знают, они уже свыклись с ней, и любые перемены кажутся им концом света.

– Тогда что нас ждет, учитель? – с дрожью в голосе уточнил Бейл. – Война?

– Вот и отлично. Наконец-то мы сможем проявить свои умения в жизни! – запальчиво воскликнул Вернер, и на него тут же зашикали. А Гидеон строго посмотрел на юношу.

– А что? – принялся оправдываться Вернер. – Надоело уже сжигать деревья в роще и бить молниями по белкам. Я бы с радостью подпалил какого-нибудь живого скелета или вступил в схватку с демоном!

Однако приятели его оживления не разделяли – слово «война» тревожным вздохом пронеслось по рядам.

– Мужчина всегда должен быть готов к бою, – заметил Гидеон. – Но я искренне надеюсь, что в ближайшее время воевать нам ни с кем не придется. А сейчас, – он хлопнул в ладоши, призывая всех к тишине, – приступим к уроку.

Он подошел к широкому, с жернов, пню, стоявшему у забора, достал из-за пояса синий тряпичный мешочек и, ослабив его тесьму, высыпал на пень пластинки, иссеченные диковинными письменами.

– Руны! – взволнованно ахнул Бейл и подался вперед, чуть не затоптав стоящего впереди Сандра.

Ученики с интересом столпились у пня, разглядывая гномьи письмена, хранившие древнюю магию. Лишь один Вернер не разделял всеобщего любопытства. Он демонстративно уселся на бревно у забора, всем своим видом являя скуку, достал из котомки яблоко и принялся жевать. Его поведение не укрылось от зоркого взгляда наставника.

– Ты чем-то недоволен? – обернулся он к юноше.

– К чему нам это? – Вернер дерзко взглянул на учителя. – Эти никчемные костяшки служат тому, кто готов заплатить за них высокую цену. Что толку с них нам, беднякам? Не лучше ли нам полагаться на собственные силы и умения?

Гидеон побледнел от оскорбления, а остальные ученики испуганно примолкли. Все знали, что к магии гномов волшебник относится с особым почтением, и подвергать древние знания гномов критике – значило не уважать учителя.

– И какую же магию ты считаешь толковой, мальчик? – тихо спросил Гидеон.

– Ту, которая способна обратить вспять целое войско, – казалось, не замечая гнева наставника, ответил Вернер. – Хотя бы магию демонов!

Последние слова Вернера грозovým залпом пронесли по двору, заставив всех онеметь. «Да он с ума сошел!» – мысленно ахнул Бейл. «Как можно говорить об этом вслух?» – поразился малыш Сандр. «Запретная магия, – тревожно забилося сердце Норда, – не к добру...» Гидеон же побледнел от гнева.

– Не смей даже упоминать ее! – с негодованием оборвал он ученика. Взгляд волшебника сделался страшен, и в нем словно запылало зарево пожара. – Магия демонов – жестокая, темная, противоестественная. Это магия смерти, направленная на уничтожение всего живого. Она не пощадит никого – ни ребенка, ни женщину, ни старика. А того, кто посмеет ею воспользоваться, она приведет под власть Бетрезена. Даже одно демоническое заклинание навсегда изменит судьбу того, кто его применит. Если долго вглядываться в Преисподнюю, Преисподняя начнет вглядываться в тебя.

Речь наставника не оставила равнодушными учеников: юноши застыли в ужасе. Никто не посмел бы послушаться волшебника, никому не хотелось стать рабом страшного Бетрезена. Никто, кроме Вернера, который все так же дерзко смотрел на учителя, отбросил в сторону огрызок и упрямо добавил:

– А я считаю, что настоящий маг должен владеть всеми видами магии.

– Вон! – гневно выдохнул Гидеон. – Прочь с глаз моих!

Ученики застыли в замешательстве. Происходило что-то немыслимое! Вернер всегда считался любимчиком Гидеона, ему прощалось то, что не сходило с рук другим, но сегодня впервые за четыре года обучения учитель разгневался так, что выгоняет Вернера с урока. «Проси прощения, дурень!» – мысленно взмолился Бейл. Но Вернер и не думал раскаиваться.

– Как скажете, – с равнодушным видом бросил он и поднялся с места, дернув за собой котомку. Слишком резко – котомка упала в пыль, и ее содержимое высыпалось на землю. Покатались под ноги Гидеону спелые медовые яблоки, спланировали на землю исписанные ученические свитки, отлетела в сторону рогатка, с грохотом упала тяжелая книга в черном кожаном переплете, подняв в воздух облачко желтой пыли. Вернер потянулся за рогаткой, а Гидеон внезапно подался вперед и переменялся в лице: его губы побелели, сделавшись пепельными, а взгляд, прикованный к книге, стал мертвым, как будто он заглянул в самую Преисподнюю...

Исчез залитый солнцем двор, стерлись лица учеников, и все вокруг вдруг заволокло туманом. Этот туман долгие годы преследовал волшебника в ночных кошмарах, отравлял его жизнь страшным мороком прошлого, когда молодой маг лишился всего и посидел за одну ночь.

Давным-давно Гидеон был молод и счастлив. У него был свой дом на опушке леса, и в этом доме с зари до заката звучали голоса – звонкий, мелодичный голос жены, которая любила петь, звенящий смех маленького сынишки, дрожащие от старости голоса бабушки и деда – родителей уважаемого в селе мага. Жизнь в отдаленном от волнений столицы селе была размеренной и спокойной. Гидеон совершенствовался в магии, жена растила ребенка, престарелые родители находили отраду в заботе о внуке и сами были окружены заботой сына и невестки. А вскоре в доме должен был зазвучать еще один долгожданный голос – плач новорожденного младенца. О большем счастье молодой маг и не мечтал.

Вот оно, его счастье. Лотта – темные, как ночь, кудри, смеющиеся карие глаза, солнечная улыбка, не сходящая с алых, малиново-сладких губ, пленительные изгибы тела, медовый аромат кожи... Как же ему с ней повезло! Такие женихи к первой красавице на селе сватались, а она выбрала его – не статного воина, не благополучного сына старосты, а нелепого мага.

Нэд – мягкие детские локоны, доверчивый взгляд, бархат щек – сложно представить, что когда-то он вымахает в высокого сильного мужчину, отрастит бороду. Мать – лучики

морщин на добром лице, милая улыбка. Отец – мудрый взгляд, благородная седина. Невозможно представить, что кто-то тяготится своими стариками, то и дело собачится с ними. В их семье такого никогда не было.

Все изменила одна ночь. Гидеон помнил ее до мелочей, ведь ее страшные события он еженощно переживал в своих кошмарах. Утром он нежно обнял жену, поцеловал сонного сынишку, простился с родителями и отправился в соседнюю деревню – накануне он сговорился с возвращавшимся через их село крестьянином о покупке коровы. Сейчас, когда в семье вот-вот должен был появиться младенец, возникла необходимость в расширении хозяйства.

В деревне он задержался до заката: зашел навестить старого приятеля, и за беседой день пролетел незаметно. Возвращался домой он усталый, но довольный, вел на поводу рыжую с белым корову, представлял, как обрадуется ей Лотта, как засветятся от радости глазенки Нэда, когда он вручит ему гостинец – сахарного петушка на палочке. И своих стариков не забыл – в наплечной суме лежит новенькое лоскутное одеяло, пошитое деревенской мастерицей.

Погрузившись в мечты, Гидеон не заметил, как его окутал плотный, густой, серый туман. Опомнился уже от тревожного мычания коровы, которая внезапно заартачилась и словно выросла копытами в землю.

– Ну что ты, моя хорошая, – принялся он уговаривать буренку. – Чего испугалась? Это всего лишь туман. Просто туман... – И вдруг осекся от страшной догадки.

Природный туман не бывает серым, как пепел Преисподней, и он не пахнет серой, от которой щемит в груди, а на глазах выступают горькие слезы. Колдовство! И колдовство не простое – злое, смертельное... Маг выпустил повод из рук, и корова, развернувшись, опрометью бросилась назад.

Но он даже не пытался ее вернуть. Гидеон принялся вертеть головой, пытаясь сообразить, в какой стороне находится его село, и тут туман разорвали людские крики и леденящий душу лай... Так лают не дворовые псы, так лают адские гончие. На его село напали демоны! И это в тот самый момент, когда он не рядом со своими близкими, а они так нуждаются в его защите.

Гидеон стремглав бросился на крики, моля Всевышнего о том, чтобы успеть отвести беду. Спасти пусть не всех сельчан – хотя бы свою семью. Всевышний услышал его мольбы. Благодаря тому, что дом Гидеона находился на окраине, а демоны напали с другой стороны села, его родные еще были живы. Лотта, прижав к груди плачущего сына, стояла на крыльце. За ее спиной испуганно жались старики.

Туман, плотной завесой накрывший село, пока не окутал дом, но уже стелился у крыльца, то опускаясь до самой земли (и тогда Гидеон, бегущий к дому, мог видеть родных), то взмывая выше крыши и отсекая видимость. Маг уже перемахнул за сельскую ограду, до дома оставалось рукой подать. Гидеон неспроста выстроил дом на самой окраине – во дворе находится круг силы, умножающий мощь магических заклинаний. Еще немного – и он уже окажется в нем, сможет защитить родных своим волшебством. Лотта обернулась, увидела приближающегося мужа. На ее побелевшем от напряжения лице отразилось облегчение и, забыв о предосторожности, она сбежала с крыльца, навстречу супругу, не видя, как за ее спиной, в густом тумане, сверкнули красным огнем глаза монстра.

– Лоти, нет! – заорал, срывая голос, Гидеон. – Назад!

Но его крик перекрыл лай адской гончей, и серый туман с головой накрыл Лотту. А потом раздался душераздирающий человеческий вопль, в котором не осталось ничего от хрустального голоса его жены.

Гидеон бросился сквозь пелену тумана – и уткнулся в невидимую стену, вдруг ставшую совершенно прозрачной. За этой стеной, усмехаясь ему в лицо, стоял незнакомец в черном плаще. Глаза смотрели холодно и надменно, правую щеку пересекал косой шрам, доходивший до самого рта, отчего уголок губ казался приподнятым в глумливой усмешке, а в красном в свете пожара лице не осталось ничего человеческого. За его спиной адский

пес ожесточенно ломал тело Лотты.

– Мой сын... – выдохнул Гидеон. – Прошу, сохрани ему жизнь...

В тот миг он был готов на что угодно. Даже стать таким же бессердечным демоном, одним взмахом руки сжигать целые села и ломать человеческие жизни. Лишь бы только его мальчик спасся. Лишь бы только на земле осталась частичка любимой жены, малыш Нэд...

– Он мертв, – равнодушно произнес демонолог и отвернулся, потеряв к магу всякий интерес.

А Гидеон бессильно забился о невидимую стену, за которой появились его старики, сбежавшие с крыльца на помощь невестке. Гончая хищно обернулась – и прыгнула.

Внезапно стена, удерживавшая мага, исчезла, он упал на землю и не смог шевельнуться, опутанный другим, парализующим заклинанием. В двух шагах от него трехглавая гончая терзала тела его родных. Мертвые уже не чувствовали боли, но Гидеон корчился от их мук и ждал лишь одного – чтобы адский пес наконец заметил его и прекратил его страдания. Целую вечность боли спустя гончая приблизилась, взглянула ему в лицо горящими, как головешки, глазами, оскалила острые клыки, дыхла смрадом – и умчалась, подчиняясь приказу своего хозяина.

Туман развеялся в один миг. Демоны покидали разоренное село, в котором не осталось ни одного живого человека, кроме мага. Лежа на боку, Гидеон видел сливающиеся с темнотой силуэты. Замыкал шествие демонолог. Обернувшись, он скользнул взглядом по руинам, на мгновение задержался на неподвижном теле мага и вдруг воздел руки. В ночном небе завихрился огненный смерч, и на землю хлынули огненные искры. Гидеон закрыл глаза. Вот и все. Гончая не оборвала его страдания, но теперь осталось недолго. Огненный дождь испепелит его дотла.

Запахло паленым, воздух наполнился треском и шипением. Искры опалили волосы, прожгли одежду, горящими звездами впитались в кожу. Когда от огня вспыхнули брови, Гидеон потерял сознание...

Он выжил чудом. Через их земли возвращался отряд гномов и, увидев зарево, свернул к горевшей деревне. Спасать уже было некого. Но искусный гномий маг, когда воины уже расселись по седлам, в последний миг обнаружил еле живого от ожогов человека. Рингольф снял обездвиживающие чары, исцелил страшные ожоги Гидеона и, видя, что тот едва жив от горя, увез его с собой, в Тиморию.

Несколько лет Гидеон провел в подземельях гномов, изучал рунную магию, а потом вернулся в Империю, остановился в деревне в противоположном краю от родных мест, взял себе другое имя и начал жизнь заново. Следуя совету Рингольфа, он набрал учеников. А о трагедии, унесшей жизни его близких, никому не рассказывал.

Мудрый гном оказался прав – ученики отчасти заменили ему утраченную семью, наполнили его жизнь смыслом. Взамен погибшего сына у него появилось множество юношей, к которым он относился с отеческим теплом, в уроках и беседах с которыми находил утешение. Когда юные маги подрастали и становились самостоятельными, Гидеон брал следующих.

Из нынешних учеников Вернер был самым талантливым, по возрасту приходился ровесником Нэду, и Гидеон выделял его особо. Юноша не только обладал магической силой, значительной для его лет, но и умел располагать к себе людей, несмотря на свой непростой характер. На него невозможно было долго сердиться, и хотя Вернер единственный из всех учеников осмеливался время от времени ему дерзить, Гидеон все прощал ему, как сыну. К тому же парень рос без отца, вил веревки из любящей матери, и Гидеон беседами с Вернером, который часто задерживался после занятий рядом с учителем, старался повлиять на юношу, передать ему свой опыт, как сыну.

Поэтому, когда Гидеон увидел среди вещей Вернера книгу демонических заклинаний в переплете из человеческой кожи, земля поплыла у него под ногами, и все вокруг заволокло туманом... Ученик, который был ему как сын, предал его, связавшись с теми, кого Гидеон ненавидел больше всего на свете.

– Откуда это у тебя? – Маг гневно кивнул, указывая на лежащую в пыли книгу.

– А вам-то что? – в привычной дерзкой манере ответил Вернер и потянулся, чтобы подобрать книгу.

Гидеон много раз прощал ученику его выходки, но на этот раз его чаша терпения переполнилась. Он подскочил к книге раньше, чем к ней приблизился Вернер, наступил на нее ногой, вдавливая в землю.

– Отдайте. Она моя! – подался вперед Вернер, и Гидеону показалось, что глаза юноши вспыхнули дьявольским огнем.

Таким же, каким горели все шесть глаз трехглавой адской гончей, растерзавшей его родных...

С пальцев Гидеона сорвалась синяя молния – и через мгновение от книги осталась только горстка пепла да запах паленой человеческой кожи, из которой был сделан переплет.

– Вот как! – угрюмо произнес Вернер и стремительно покидал выпавшие вещи в котомку. – Думаете, что остановите меня?

Он закинул котомку на плечо и размашистым шагом зашагал со двора.

Сердце волшебника тревожно сжалось. Вернер сам пока не сознает, какие силы ему даны. Что, если юноша выберет сторону Бетрезена и одним демонологом на земле станет больше? Этого допустить никак нельзя.

– Стой! – взволнованно вскричал Гидеон.

Но Вернер даже не замедлил шага.

– Стой, я сказал! – Волшебник бросился вслед за ним, путаясь в плаще.

Вернер уже завернул за угол дома, когда рука Гидеона вцепилась ему в плечо.

– Стой!

Волшебник развернул его лицом и содрогнулся при виде решимости в глазах Вернера. Да в него словно демон вселился!

– Вы меня не остановите, – упрямо процедил юноша. – Что вы можете мне сделать? – Он уже открыто над ним насмехался. – Заколдуете меня своими рунами?

И тут Гидеон вспомнил о древнем заклинании, о котором узнал от Рингольфа. «Вызов духа Фернира» во время боя превращал воина в волка. Сострадание и милосердие зверю были неведомы, поэтому не было на поле безжалостнее бойца, чем оборотень. Втайне от Рингольфа, который бы не одобрил его интереса, Гидеон досконально изучил заклинание. Еще больше времени ушло на его доработку.

В те времена сердце Гидеона еще пылало ненавистью, он мечтал стереть с лица земли и адских гончих, которые сеют смерть, и демонологов, которые их направляют. Расправиться с ними на расстоянии было недостаточно, хотя сил Гидеона уже хватило бы на то, чтобы вступить в схватку с небольшим отрядом Легионов Проклятых.

Он жаждал вцепиться в глотку адской гончей, разорвать ее на части, а потом растерзать ее хозяина. Обличье волка для этой роли подходило как нельзя лучше. Эксперимент с заклинанием был очень опасен. Рингольф, заметив его интерес к «вызову духа Фернира», предостерег, что человек, на которого спустился дух волка, полностью теряет свою человеческую сущность и навсегда становится зверем. Только опытным «повелителям волков», истинным гномам, доступны обратные превращения. Но Гидеону, путем долгих изнурительных экспериментов, удалось усовершенствовать заклинание и добиться невозможного.

Однако годы, проведенные рядом с мудрым Рингольфом, не прошли даром. Теперь желание взять учеников, передавать свой опыт оказалось сильнее чувства мести, которое со временем угасло. Но однажды применить заклинание все же довелось. Гидеон возвращался от гномов через родные края, когда услышал в лесу лай адской гончей... Маг и сам не понял, как это произошло, только плащ уже остался лежать на земле, а волк мчался на голос, и его клыки нетерпеливо клацали в предвосхищении схватки...

Позже он зализывал раны до самого утра, празднуя победу. Одной гончей и ее хозяином на свете стало меньше. Но когда на рассвете он обернулся человеком, то

обнаружил, что его превращение не прошло даром – и на память об этой ночи у него остался волчий хвост. «Мы – это наши деяния», – любил говаривать Рингольф, и в тот миг, когда Гидеон крутился на месте, пытаясь разглядеть, откуда растет хвост, он особенно ясно осознал смысл этого изречения.

Ни один поступок не проходит бесследно. Убийство человека, пусть даже из свиты демонов, уничтожило частичку человека в его душе и изменило его тело, сделав его на шаг ближе к зверю. Этот урок Гидеон запомнил на всю жизнь. За долгих двадцать лет он уже успел привыкнуть к хвосту и искусно прятал его под плащом, так что ни один из учеников не догадывался о его изъяне. Однако самому себе Гидеон поклялся никогда больше не использовать доработанное им заклинание «вызова духа Фернира».

А теперь перед ним стоит ученик, который открыто заявляет ему о своем желании изучать магию демонов – смертоносную, темную, разрушительную магию, у которой всего одна цель – погибель. Гидеон слишком хорошо знал характер своего ученика, чтобы понять – тот не остановится. Но он попробует ему помешать. Если сплести то заклинание, о котором он старался не вспоминать все эти годы, с наказующим заклетьем, то последствия применения губительной магии Вернером не заставят себя ждать. И если юноша не сделает выводов из своего поведения... Что ж, уж лучше пусть он станет волком, чем демоном. Другого выхода нет. Глядя в глаза Вернеру, Гидеон отчетливо понимал, что потерял влияние на этого потенциально сильного молодого мага и уже не сможет его контролировать.

– Ты хоть понимаешь, что магия демонов несет смерть? – Учитель предпринял последнюю попытку образумить юношу.

– И что? – Вернер с вызовом взглянул ему в лицо, и это все решило.

Гидеон положил руку на плечо юноши, силой удерживая его на месте, из уст учителя полились слова сложного, сплетенного из двух, заклинания. Закончив, он убрал руку, покачнулся и дрожащим голосом произнес:

– Отныне всякий раз, когда ты принесешь погибель другому существу, ты станешь постепенно превращаться в волка.

Другие ученики, с напряжением наблюдавшие за разворачивающейся на их глазах драмой, в ужасе ахнули. Только Вернер, все так же насмешливо глядя на волшебника, поднес руку к плечу и сделал несколько быстрых движений, словно хотел стряхнуть следы, оставленные Гидеоном.

– И это все, что вы можете? – прозвучал его скучающий голос. – Вы меня разочаровали, учитель. Прощайте.

И в полной тишине Вернер вышел со двора.

Глава 3

Решение

Что ж, это рано или поздно должно было случиться. За четыре года обучения у Гидеона он значительно продвинулся в магии, но ему надоело топтаться на месте. Наставник не может научить больше того, что знает сам. А тому, что знал, Гидеон его уже научил. Последние занятия не принесли Вернеру ничего нового. Недовольство учителем, копившееся в юноше, достигло предела сегодня, когда Гидеон, накануне пообещавший познакомить их с новой магией, вытащил горстку никчемных рун.

Что толку от этих покрытых пылью костяшек? Они готовы служить любому магу, в руках которого окажутся. Были бы деньги на их покупку. Совсем другое дело – те мощные разрушительные заклинания из найденной книги, которые можно создать самому. Разница между ними и рунами была так сильна, что от разочарования он не сдержался и надерзил учителю.

Вернер перехватил котомку и направился к дому.

Интересно, что подумал Гидеон, когда увидел у него книгу? Что он продал за нее душу Бетрезену? Поэтому Гном так и взбесился? Реальность была куда прозаичнее. Накануне

Вернер бродил по лесу, в надежде подстрелить дичь к ужину, и увидел костер, у которого сидел незнакомец в черных одеждах. Подойти к нему он не решился – уж слишком свиреп тот был на вид. Однако и уйти не мог, затаился за деревьями и наблюдал, как незнакомец побросал в костер какие-то свитки, затем встал и нервно прошелся туда-сюда, а потом подхватил с земли свою суму и зашагал прочь. Но напоследок свистнул так, что назойливо чирикавшая над головой Вернера пичуга свалилась замертво, а у самого юноши ноги приросли к земле. Когда оцепенение прошло, Вернер кинулся к догорающему костру, подстрекаемый любопытством. Однако от бумаг, которые жег странный путник, остался только пепел.

Но, осмотревшись, юноша издал вопль ликования при виде тяжелой потрепанной книги, которую обронил незнакомец. Он с почтением взял ее с земли, отряхнул от налипшей травы, провел рукой по кожаному переплету, отметив, как мягка на ощупь кожа, – наверное, страшно дорогая! Пробежавшись взглядом по старым пожелтевшим страницам, затертым от множества прикосновений, юноша возликовал еще больше – перед ним была книга заклинаний. Да таких, о которых он раньше и не слышал!

Прижав находку к груди, он опрометью бросился из леса, боясь, что незнакомец обнаружит пропажу и вернется. Он мчался к дому, обуреваемый любопытством. Скорей бы усесться на заднем дворе, где его никто не потревожит, и погрузиться в чтение, открыть для себя новые, неведомые знания, которые содержит книга. Об обещании принести к ужину дичь он вспомнил, только увидев ждущий взгляд матери, встретившей его на крыльце.

– Что ж, – устало вздохнула Гелена, нащупав в кармане последнюю мелкую монетку, заработанную стиркой. – Пойду к соседям, они нынче собирались птицу зарезать.

Кому нужна эта жалкая курица, уплетая сочное жаркое, думал вчера за ужином Вернер. Пусть пропитание добывают те, кто больше ни на что другое, кроме охоты да пахоты, не годен, вроде здоровяка Норда или толстяка Бейла. Много ли своим горбом заработаешь? А магия – ключ к славе и богатству. Но для того, чтобы преуспеть, знаний, которые дает им Гидеон, недостаточно.

То ли дело заклинания, о которых он вычитал из найденной книги! Одно из них способно парализовать отряд неприятеля на целый день, другим можно за считанные мгновения выжечь целый лес. О маге, который совершит подобное, будут слагать легенды! И уж в его суме всегда найдется полный мешочек золотых.

Так думал Вернер еще вчера, и вот сегодня все решилось само собой. Гидеон изгнал его из учеников. Обратного пути нет. Да и не надо! Вернер знал, куда отправится. В столицу, Фергал. Там находится Башня Магии. Там хранятся древние магические книги. Там преподают лучшие маги. И именно туда устремился незнакомец, обронивший книгу. Надо его найти и уговорить взять себя в ученики.

Книга – это, конечно, хорошо, но без опытного наставника всей ее премудрости не постичь. Да и самой книги больше нет... Как жаль, что Гном в припадке бешенства уничтожил ее! Но ничего, Вернер успел переписать несколько заклинаний в свою магическую книгу. И еще несколько запомнил – память у него хорошая, Гидеон всегда его хвалил. Осталось только дожидаться удобного случая, чтобы их применить и попробовать свои силы.

Вернер свернул к своему дому и толкнул калитку. Надо торопиться, чтобы нагнать мага в черных одеждах. Он только возьмет самое необходимое – смену одежды, буханку хлеба, флягу с водой – и сразу же в путь.

– Ты сегодня быстро.

Мать! Как некстати ее внимательный взгляд, ее мягкая улыбка... Нельзя поддаваться жалости.

– Что-то случилось? – не отставала Гелена.

– Все, что можно, уже случилось, – буркнул Вернер.

И, встретившись с тревожным взглядом матери, небрежно добавил:

– Звезда-то уже свалилась с неба. Что еще могло произойти такого, чтобы затмить это

событие?

– И что говорит по этому поводу учитель Гидеон? – живо поинтересовалась мать.

– Он пока не пришел к однозначному мнению, – уклончиво ответил Вернер. Главное – потянуть время, чтобы мать не сунулась к Гидеону, с которым была дружна и частенько угощала его своей выпечкой, и не узнала об их ссоре до того, как он покинет деревню. – Поэтому и заниматься с нами не стал – поспешил к своим ученым книгам.

Мать понимающе покивала головой.

– А у тебя как дела? Собралась куда-то? – решил разведать обстановку Вернер.

– Ох, да, пора мне! – спохватилась Гелена. – Криста меня сегодня к себе звала. По хозяйству помочь, постирать. – Мать виновато улыбнулась, и от этой улыбки сердце Вернера сжалось от жгучей обиды.

Сын прачки, вот он кто теперь. Мать вечно в услужении у более богатых соседей – за еду и мелкие гроши и стирает, и убирает, и с детьми нянчится – за любую работу берется. Знали бы крестьяне, что им прислуживает потомственная аристократка!

– У нее же ребенок малый, – словно оправдываясь, добавила мать, – не справляется одна.

– Да-да, конечно, иди, – в смятении пробормотал Вернер.

Кажется, целая жизнь прошла с тех пор, когда он с родителями жил в богатом замке. Жилые комнаты с роскошным убранством, просторные гулкие залы, длинные галереи с портретами предков снились Вернеру до сих пор. Вот только просыпаться приходилось в бедной деревенской избе, а на память о благородном семействе остался только медальон с фамильным гербом, который отец снял с шеи и отдал жене, навсегда прощаясь с ней и пятилетним сыном. Прошло уже тринадцать лет, а Вернер помнил тот день, как сейчас.

Они возвращались от родственников, у которых гостили пару дней. Ехали не спеша, кобыла матери прихрамывала, и отцу приходилось сдерживать своего резвого скакуна. Мальчик сидел с отцом, вцепившись в конскую гриву, и то и дело просил покатасть его быстрее. Тогда отец прищипоривал скакуна, и ветер бил в лицо, а лошадь мамы за считанные мгновения оставалась далеко позади.

Замок был уже недалеко, когда отец увидел, что ворота раскрыты, и с беспокойством осадил лошадей. Дальше все произошло в считанные мгновения. На крепостной стене, заметив их, забегали люди. Это были не их стражники. Поднялся шум. Из ворот замка повалили крестьяне, вооруженные вилами, косами и дубинами.

– Держись крепче, сынок! – Отец стремительно спрыгнул с коня, пересадил жену с хромой лошади на своего резвого скакуна и развернул его в обратную сторону.

– Бегите, я их задержу.

– Нет, – замотала головой Гелена, – я без тебя не поеду.

– Вместе нам не уйти, милая. Спасай сына. Люблю вас.

– И я тебя люблю, – с отчаянием прошептала Гелена.

– Даст Всевышний – еще свидимся, – ободряюще улыбнулся отец, хлопнул коня по крупу, и тот сорвался с места, стремительно унося всадников прочь.

Тогда они видели его в последний раз. Вести об убийстве знатного господина разнеслись по округе, настигнув Гелену и Вернера в пути. Замок родни, куда Гелена бросилась искать укрытия, оказался сожженным дотла. В те дни крестьянские мятежи прогремели по всей окрестности от Бесрунии до Кальдерии. Начавшись с недовольства жестоким правлением их соседа, Карабийса, восстание перекинулось и на другие замки, семьи которых ничем не заслужили крестьянского гнева, но были приговорены мятежниками к смерти по праву благородного рождения и высокого положения.

В ту ночь Вернер с Геленой лишились всего – главы семьи, немногочисленных родственников, живущих по соседству, замка, статуса, богатства. Во всем Невендааре не осталось никого, к кому бы они могли обратиться за помощью. Беззащитной женщине вдвоем с маленьким ребенком на руках далеко было не уехать, и судьба Гелены с сыном могла бы оказаться еще печальнее, если бы на дороге она не встретила бывшую служанку,

Фиби.

Девушка из крестьянской семьи помнила доброту своей госпожи, снабдившей ее хорошим приданым. Благодаря ему Фиби смогла выйти замуж за любимого плотника, а не за неприятного ей сына старосты, за которого ее сватали родители. Узнав о случившемся несчастье, Фиби рассудила, что единственный выход для беглецов – поселиться в деревне под видом крестьян. Она снабдила Гелену и мальчика простой одеждой и помогла приобрести старый дом в соседней деревне.

Драгоценностей, которые были на Гелене, как раз хватило, чтобы выручить денег на покупку дома, небольшой ремонт, необходимую утварь и одежду. Говоря по правде, на драгоценности можно было бы купить всю деревню, но беглецам в их положении выбирать не приходилось, и фамильные бриллианты отдали почти за бесценок.

Главное, что была крыша над головой и деньги на первое время. А то, что у простолюдинки оказались господские драгоценности, ни у кого подозрений не вызвало. Мятежники разворовали сокровищницы замков, и в те дни почти каждая крестьянка могла похвастаться золотым браслетом или колечком с изумрудом.

Деревенским жителям Фиби представила новоселов своей родней. Гелена с ее легкой руки стала бывшей служанкой, которая долгое время работала у господ в Кальдерии. Такая версия объясняла, откуда у молодой женщины хорошее воспитание и полная неприиспособленность к сельской жизни. На расспросы об отце мальчика Гелена отвечала, что тот был стражником в доме господ и погиб, сопровождая хозяина в путешествии.

Так они с матерью и зажили. Первое время хватало денег от продажи драгоценностей. Мать постепенно училась вести хозяйство, готовить еду и стирать. Вернер слышал, как тихо плакала она по ночам. Но днем на ее лице всегда была мягкая, виноватая улыбка. Как будто это она была виновата в том, что они лишились кормильца, что сын, рожденный в роскоши, вынужден привыкать к нищете.

Поэтому все прощала ему, поэтому стремилась не нагружать тяжелой работой, взвалив все хозяйственные вопросы на свои хрупкие плечи, а затем и пошла в услужение к более обеспеченным соседям, лишь бы заработать мелкую монетку. От прежней неженки не осталось и следа, мать бралась за любую работу, руки ее грубели с каждым годом, красота потускнела от забот. И теперь она уже ничем не выделяется из числа соседок, которые родились в деревне и прожили здесь всю жизнь.

Вернер, конечно, тоже помогает по мере сил – где дров нарубит, где воды из колодца натаскает, где согласится до другой деревни дойти, чтобы передать послание от соседей их родным. Но что скрывать, занятия магией увлекают его куда больше. Магия для него – единственный шанс выбиться в люди, вернуть утраченное положение и богатство. Босяку-то как еще успеха достичь? Для воина он недостаточно силен, слава великого героя ему не светит.

А вот в магии он уже весьма преуспел и возлагает большие надежды на будущее. И мать его выбор горячо одобряет, лишний раз старается не затруднять его просьбами по хозяйству. Сама мыкается с утра до ночи по деревне, приходит домой без сил, а он все обещаниями ее кормит – вот стану известным волшебником, тогда заживем!

Мать только покорно кивает: конечно, сынок, главное – тебе в люди выбиться, уважаемым магом стать, глядишь, станешь искусным, как твой учитель. Да только сделаться таким, как Гидеон, – слишком мелкая мечта. Вернер желал стать величайшим магом Империи, которому были бы подвластны магии всех рас, чья слава гремела бы по всей стране. А для этого придется сбежать из дому, принести матери огорчения ради того, чтобы порадовать ее в будущем. Кто знает, сколько они теперь не увидятся?

Поддавшись порыву, Вернер крепко обнял мать, легонько сжал ее натруженные мозолистые руки, которые давно забыли, как носить золотые кольца. Ничего, как только он преуспеет, сразу же купит ей лучших драгоценностей взамен тех, каких она лишилась. И платья – еще роскошнее тех, что она когда-то носила. И замок! У них непременно будет свой замок, в котором будут богато обставленные комнаты, и гулкие просторные залы, и длинные

освещенные факелами галереи с портретами предков. Он помнит лицо каждого из них и наймет лучших живописцев, чтобы те воссоздали картины.

– Что ты, сынок? – смущенно засмеялась Гелена.

– Ничего. – Он отвел глаза, словно устыдившись своей внезапной нежности. – Ступай.

Когда мать скрылась за калиткой, Вернер торопливо вбежал в дом. Побросал в котомку смену одежды – чистую рубашку да вытертые, искусно залатанные матерью штаны. Достал из печи оставленный к ужину хлеб, отыскал пустую флягу – воды наберет у родника, ему как раз по дороге. Помедлил у стола, затем опустился на карачки, приподнял нужную дощечку, открывая материн тайник. Из подпола тускло сверкнули две медных монетки, и юноша пристыженно вспыхнул румянцем. Не возьмет он у матери последнего, перебьется как-нибудь с хлеба на воду, а там, глядишь, работенка какая подвернется – не протянет ноги с голоду. А вот серебряный медальон с фамильным гербом сам попросился в руки. Вернер, поколебавшись, надел его на шею и спрятал под рубаху. Мама, конечно, расстроится, обнаружив пропажу. Но ему медальон нужнее. Вещица отца придала ему уверенности в своих силах и мужества. Память об отце поможет ему преодолеть все преграды и не даст свернуть с правильного пути.

Затянув полупустую котомку потуже и взвалив поклажу на плечо, молодой маг обвел прощальным взором родной дом и решительно переступил через порог, дав себе клятву: он вернется сюда знаменитым на всю Империю волшебником, или не вернется вообще.

Родная деревня осталась позади, лес встретил его громким щебетом одуревших от зноя птиц. Деревья смыкались высоко над головой, образуя тенистую арку, сквозь которую то тут, то там проникали солнечные лучи. Зеленые листья трепетали на ветру, густая трава обступала стволы деревьев, образуя сплошной зеленый ковер.

Невозможно было представить, что где-то все иначе. Из рассказов Гидеона Вернер знал, что в предгорьях гномов земля покрыта белым снегом. Он все пытался вообразить, каково это, когда с неба падают хлопья, похожие на утиный пух, а на улице так холодно, что не помогают даже теплые меховые куртки, и есть только одно спасение – согреться у костра или камина. Вернер смахнул со лба бисеринки пота, выступившие от жары и быстрой ходьбы, и усмехнулся. Трудно поверить, что в тот же самый миг в Тимории гномы кутаются в звериные шкуры и греют руки у огня, прячась от снега в своих подземных жилищах.

Есть еще эльфийские леса – не зеленые, как имперские, а желтые, что плавленное золото. Один из редких путешественников, которые попадали в их удаленную деревеньку только сбившись с пути, по имени Кайл рассказывал, как побывал там. По его словам, воздух в Священном лесу всегда прозрачен и свеж, как ранним утром. Деревья белоствольны. Земля, куда ни глянь, усыпана опавшими листьями, которые шуршат под ногами.

А стоит подуть ветру, как начинается золотой дождь – это, срываясь с ветвей, танцуют свой последний танец желтые листья, прежде чем упасть на землю. Чудно! Вернер на ходу сорвал зеленый листок с дерева, чья косматая ветвь нависла над дорогой, и задумчиво повертел его в пальцах.

В привычном с детства лесу тоже опадает листва: выглядывая в густой траве грибы, он не раз находил почерневшие высохшие листья. Но лес всегда оставался вечно зеленым, и кроны деревьев никогда не редели, так как на месте опавших тут же вырастали новые листики. И трудно себе было даже вообразить, каково это, когда золотые листья кружатся в воздухе...

А еще в эльфийских лесах живут волшебные единороги, диковинные кентавры и ожившие деревья – энты. Вернер с подозрением покосился на косматый дуб, свесивший ветви до самой земли, и ловко перепрыгнул через его корявые корни, взрывшие землю у дороги. Придумают же тоже – живое дерево! Вот уж сказки для дурачков! Хотя Кайл и уверял, что сам видел целую рощу энтов, и даже, понизив голос, рассказывал, как за ним гнался хуорн – энт, превращенный в нежить и служащий Мортис, однако Вернер несколько не поверил в эти рассказы.

Дуб зловеще заскрипел, полоснули по ветру узловатые, словно пальцы старика, ветви, и юноша невольно ускорил шаг, торопясь оказаться подальше. Энты энтами, а если тяжелая ветка, обломившись от дряхлости, упадет на голову, мало не покажется.

Вскоре тенистая часть пути, где дремал старый дуб, осталась позади, и дорога вывела на солнечную полянку. Вернер блаженно подставил лицо солнцу, шуганул шуршащего в траве ежа. Пахло травой, нагретой землей и спелой малиной.

Вдоль дороги кусты малины были оборваны – ни одной ягодки не оставили другие путники. Но Вернер точно знал – стоит ступить с тропы, как благодатный лес накормит усталого прохожего сладкой ягодой, кислыми дикими яблоками и сытными орехами. Набив котомку орехами с яблоками и вдоволь налакомившись малиной, Вернер набрал воды у родника и двинулся дальше.

Проторенная дорога, по которой могла проехать крестьянская телега, ровной полосой стелилась между деревьев, и Вернер уверенно шагал вперед, насвистывая себе под нос.

Отправиться в столицу он мечтал уже давно, хотя и не думал, что это случится так скоро. По словам его приятеля, деревенского охотника Дрездена, до ближайшего по дороге на Фергал города, Трамории, было два дня пути пешком. А оттуда большой торговый путь выведет в Фергал. Отважный, ловкий, веселый Дрезден был его лучшим другом, и, сколько Вернер его помнил, тот мечтал уехать в столицу.

В прошлом году приятель осуществил свою мечту, и с тех пор от него не было никаких вестей. Наверняка тот уже стал знаменитым на весь город охотником, может, поставляет дичь самому императору, подумал Вернер и решил, что обязательно разыщет Дрездена и повидается с ним.

В высокой траве, обступившей деревья, прятались яркие шляпки грибов – мама готовит из них вкусный бульон. Как она там? Хватилась его? Заметила его отсутствие? Побывала у Гидеона? Надо торопиться, чтобы его не догнали и не вернули обратно, как нашкодившего мальчишку.

Впереди мелькнул просвет, и Вернер ускорил шаг. Там заканчивался лес, который он знал вдоль и поперек, и начиналась выжженная земля – все, что осталось от некогда процветающей деревни Сольвейр. Мать рассказывала ему, что когда-то деревня была лишь немногим меньше их собственной.

В каждом доме жила большая семья, а поле, доходившее до самой границы леса, было засеяно пшеницей, считавшейся лучшей во всех окрестностях. Еще дед Бейла, прежний мельник, предпочитал закупать зерно именно здесь, в Сольвейре. Но однажды через деревню проходил небольшой отряд Легионов Проклятых. Демоны выжгли всю деревню, не оставив в живых никого.

Вернер, стараясь унять тревогу, ступил на мертвую землю. Его ботинки тут же сделались серыми от пепла, а душу захлестнула смертельная тоска. Земля была покрыта глубокими трещинами, в которых, казалось, застыла запекшаяся кровь. Нигде не было видно ни травинки, ни росточка. Мертвая земля была не способна дать начало новой жизни. Почерневшие остовы домов приковывали к себе взгляд. И Вернер вздрогнул при мысли, что когда-то здесь жили люди, которых не стало за одну ночь. Не стало просто потому, что их деревня оказалась на пути Легионов Проклятых. Может, Гидеон не так уж был не прав, когда разгневался на него? Вот они, свидетельства жестокости демонов, прямо перед ним. Руины, в которых поселилась смерть. Кажется, даже спустя годы воздух остался пропитан горечью и болью.

Где-то еще сохранились черные скелеты домов, но в основном жилища обвалились, превратившись в неровные угольные груды, которые высились то тут, то там. При мысли о том, что непогребенные мертвецы до сих пор лежат под рухнувшей кровлей, Вернеру сделалось совсем жутко. И он, уже не пытаясь совладать с охватившими его тоской и страхом, бегом миновал мертвую деревню.

Дальше перед ним расстилалась неведомая дорога, ведущая к столице, а на горизонте замаячили горы. От непривычно долгой ходьбы уже ломило ноги, но Вернер лишь плотнее

перехватил котомку и зашагал дальше. Ничего, ему бы только до Трамории добраться. А там уж он из шкуры выпрыгнет, только бы деньжонок подзаработать, да хоть какого-нибудь коня купить.

На тракте было на удивление малоллюдно. Как будто купцы и путешественники, взбудораженные падением звезды, решили отложить поездки. Только имперские воины и отряды инквизиторов по-прежнему продолжали нести службу и мчались по своим делам во весь опор, так что Вернер, завидев на горизонте облако пыли или заслышав топот за спиной, торопился сойти с дороги и переждать, пока всадники проедут. До бедно одетого паренька с полупустой котомкой в руках никому не было дела. А Вернер, отмахавший к закату столько пути, сколько, казалось, за всю жизнь не проходил, и рад был бы napроситься к кому-нибудь в повозку, да гордость не позволяла.

Ботинки растерли ноги в кровь, от палящего зноя одежда пропиталась едким потом, котомка, которая поначалу казалась легче перышка, с каждым часом наливалась тяжестью и теперь казалась набитой камнями. Каждый шаг отдавался мучительной болью и не приближал, а как будто отдалял от Трамории.

Несколько раз Вернер заговаривал с проезжавшими путниками, спрашивая, далеко ли до города, и всякий раз слышал в ответ: к вечеру будем. «Ты-то будешь, а мне еще до завтра плестись», – угрюмо подумал он, глядя в спину очередному всаднику, пришпорившему породистого скакуна, и откусил яблоко. Он еще не успел дожевать, как всадника уже и след простыл. Только пыль вилась в воздухе, забиваясь в ноздри, покрывая плетущегося позади юношу с ног до головы и оседая на волосах. Даже у яблока был пресный вкус дорожной пыли, и Вернер раздраженно отбросил его в кусты, не съев и половины. А в следующую минуту уже пожалел о своем импульсивном поступке. Где-то еще эта Трамория? Когда ему теперь выдастся перекусить? И чем, если в кармане – ни монетки?

К закату народу на дороге становилось все меньше: все торопились добраться до поселений засветло или заночевать на постоялом дворе. Один из них Вернер как раз не так давно миновал, сожалея о том, что у него нет денег, чтобы заплатить за постой. А когда он спросил у хозяина, не нуждается ли тот в услугах мага, тучный, лысый толстяк с оплывшим жиром лицом и мутными глазками презрительно посмотрел на него и расхохотался ему в лицо. Вернер сам не понял, как очутился на крыльце, где его тут же прижала полной грудью к стене уродливая толстуха, оказавшаяся женой хозяина, и пообещала впустить его переночевать на сеновале.

При этом она так омерзительно хохотала и сжала широкой пятерней его ягодицу, что Вернер из последних сил вырвался из ее удушающей хватки и припустил прочь. Даже направление перепутал – помчался в сторону родного дома. И опомнился только при виде поваленного дерева, на котором он отдыхал по пути.

На земле лежали два огрызка от яблок – ошибки и быть не могло. Пришлось возвращаться обратно, кляня толстяка с его женой последними словами за потерянное время, и обходить стороной постоялый двор, не желая еще раз наткнуться на развратную бабу.

За спиной раздался стук копыт, и Вернер уже по привычке отступил к краю дороги, с завистью глядя, как мимо него прогарцевал широкоплечий рыцарь на красивом скакуне. От блестящих доспехов отражалось закатное солнце, и всадник казался окутанным свечением. Движения коня были слаженными и отточенными, что выдавало в нем породу. Когда-то у отца Вернера была целая конюшня таких жеребцов, а теперь у его сына ни гроша за душой. «Вот бы и мне такого коня и такие латы», – тихонько вздохнул юноша и принялся невольно сравнивать рыцаря с собой, отчего приуныл еще больше.

Сравнение было явно не в его пользу. Рыцарь был и взрослее раза в два, и выше ростом, и шире в плечах. А сам Вернер уродился худощавым и нескладным. Разве что красоту от отца унаследовал – в деревне по нему все девчонки сохли. От самых сопливых до засидевшихся в старых девах. Только Вернеру ни до кого из них дела не было, даже до ясноглазой улыбчивой Леты, по которой тайно страдал толстяк Бейл. У Вернера была одна возлюбленная – магия, и изменять ей с глупыми девчонками он не собирался.

– Эй, парень! – Рыцарь попридержал коня, развернулся и теперь разглядывал его со смесью любопытства и снисходительности. – Куда путь держишь?

– А тебе-то что? – огрызнулся Вернер, покосившись на пристегнутый к седлу дорогой меч с рукоятью, украшенной золотом. Прежде у проезжающих всадников он видел только простые пехотные мечи, а этот явно мечта многих воинов. – Ехал бы ты своей дорогой, господин.

– Сердитый какой! – Рыцарь улыбнулся, и в его добродушно прищуренных глазах заплясали смешинки.

Вернер вспыхнул: эта груда железа еще насмехаться над ним будет! Эх, жаль, у него нет в запасе никакого заклинания, чтобы сбросить этого задаваку с коня, чтобы он всласть наелся дорожной пыли. Вот тогда уже он бы над ним посмеялся!

– В Траморию направляешься? – не отставал назойливый рыцарь.

– Ну, в Траморию, – ошетинился Вернер. – А ты кто, инквизитор, чтобы меня допрашивать?

– Смешной ты. – По-отечески добродушная усмешка рыцаря напомнила Вернеру Гидеона.

Точно с таким видом учитель, бывало, подшучивал над ним или указывал на ошибки.

Позади раздался стук копыт, скрип повозки, и рыцарь кому-то махнул рукой. Вернер обернулся и увидел приближающийся отряд. Впереди ехали два воина, за ними плавно, словно не касаясь колесами ухабистой земли, плыла карета, запряженная четверкой лошадей, на которую Вернер уставился со смесью любопытства и зависти. Давным-давно у его семьи была такая же, но с тех пор он не видел карет. В их глушь богачи, которые могут позволить себе такие удобства, не заезжают – что они забыли в их лесах да болотах? Вот стану знаменитым волшебником – вернусь домой на такой же карете, загадал Вернер. И пусть все соседи ахнут! Правил каретой молодой воин, его ровесник.

За каретой следовала подпрыгивающая на всех кочках повозка, которую тащили две лошади. В колымаге сидели усталый бородатый мужчина и закутанная в плащ невзрачная девчонка с длинным носом, с любопытством вытаращившаяся на него. Кто бы мог подумать – маг с послушницей, смекнул Вернер.

Позади ехали еще трое воинов. Вернер только сейчас заметил, что охрана вооружена до зубов. Как будто везут самого императора! А чем Бетрезен не шутит? Тогда неудивительно, что рыцарь, который ехал впереди и осматривал путь, так заинтересовался его чумазой персоной, заподозрив в нем злоумышленника.

Карета приблизилась к Вернеру. Кучер горделиво подбоченился, взглянул на него сверху вниз. Тонкая занавеска, защищавшая знатного путника от ветра и пыли, затрепетала, собираясь в складки. Сначала Вернер увидел изящную белую руку с тонкими длинными пальцами, унизанными золотыми кольцами с крупными камнями, и с массивным браслетом, слишком большим для узкого запястья.

Потом занавеска отодвинулась, и перед Вернером пронесся золотисто-коричневый вихрь. Золотые, как листва в эльфийском лесу, волосы, синие глаза, драгоценными камнями сверкающие на лилейно-белой коже, не знающей палящего зноя. Вернеру вдруг сделалось невыносимо стыдно за свою взлохмаченную прическу, за старенькую, пропотевшую одежду и даже за желтые от пыли башмаки, которых незнакомка и видеть-то не могла.

Карета промелькнула, увозя с собой путешественницу, и Вернер невольно подался вперед, замороженный волшебным видением. За что тут же поплатился: ехавшая следом колымага отдала ему и без того израненную ногу. Вернер не сдержал мучительного стона и, не устояв на ногах, повалился в пыльные кусты сбоку от дороги.

– Парень, ты в порядке? – Рыцарь успел спрыгнуть с коня и протягивал ему широкую ладонь в перчатке, другой удерживая под уздцы скакуна.

Вернер помощь проигнорировал, зло сверкнул глазами и поднялся, едва наступая на поврежденную ногу. «Допрыгался, – уныло думал он. – Теперь до ночи до города точно не доковыляю». Придется на своей шкуре проверять, правда ли, что с наступлением темноты по

дорогам Империи шастают зеленокожие и нежить, норовя закусить припозднившимся путником. И недолго ждать осталось: солнце уже повисло над верхушками высившихся впереди гор. Еще немного – и скроется за пиками.

Карета продолжала удаляться, а колымага со страшным скрипом притормозила, и сидящие в ней мужчина с девчонкой с сочувствием уставились на него. Ох, Вернер стиснул зубы, вот только не надо смотреть на него как на шелудивого пса, который случайно встретился по пути. И приласкать противно, и прогонять жалко.

– Больно? – пропищала девчонка и свесилась за бортик повозки. – Покажи!

– Еще чего, – возмущенно прошипел Вернер. – Катитесь, куда ехали.

– Мы в Левенделл едем. А Трамория нам по пути, – подал голос бородач и подвинулся, освобождая место с краю.

Вернер с недоверием взглянул на него, потом на рыцаря, все еще стоявшего рядом.

– Садись, садись, – кивнул рыцарь, снимая шлем, и Вернер наконец смог разглядеть его.

Лицо предводителя было волевым и располагающим к себе, золоченная загаром кожа обветрилась и загрубела в частых походах, но светло-карие глаза глядели ясно и приветливо, говоря о добром сердце воина. Каштановые волосы были подстрижены коротко, на висках серебрилась седина, как у древних старцев, хотя на вид воину было около сорока.

– До города пешком путь неблизкий, а с нами уже к ночи будешь там.

Предложение было слишком заманчивым, чтобы гордо его проигнорировать. А отзывавшаяся болью нога решила дело. Уж лучше с ветерком и под защитой вооруженного отряда доехать до города, чем ковылять впотьмах одному.

Девчонка, назвавшаяся Адонией, и впрямь оказалась искусной целительницей. Поддавшись ее настойчивым уговорам, Вернер позволил ей осмотреть поврежденную ногу и поводить над ней тонюсенькими ручонками. Уже через мгновение его скепсис сменился уважением – боль уходила, наполняя мышцы приятной прохладой и снимая усталость. Пока Адония продолжала свои манипуляции, Вернер завел разговор с магом, назвавшимся Огастесом. Осторожно расспросив его, юноша быстро выяснил, что тот менее искусен, чем его бывший учитель Гидеон, и потерял к нему всяческий интерес.

От болтовни Адонии вскоре загудела голова. Зато Вернер узнал все обо всех. Важного рыцаря во главе отряда звали Хартвиг, знатную девушку в карете – Ивонна. Отец ее был первый богач в Левенделле, туда-то и направлялся отряд. А возвращалась Ивонна из Меласема – там жила ее тетка. В Трамории путешественники собирались остановиться на ночлег и поменять лошадей, а оттуда – держать путь до Фергала.

Вот бы попроситься с ними в столицу, размышлял Вернер, тогда уж по дороге точно никто не привяжется. Но об этом не могло быть и речи: ему и так сильно повезло, что путешественники согласились подбросить его до ближайшего города. Там их пути разойдутся.

Золотоволосая Ивонна со своим отрядом с ветерком и без приключений доедет до Фергала, а путь Вернера растянется вдвое, а то и больше. Пока он найдет в Трамории работу, чтобы разжиться деньгами на лошадь, или сговорится о том, чтобы купцы, направляющиеся в столицу, согласились взять его в свой обоз, отряд Хартвига будет уже в Фергале.

– Прости, что ты сказала? – перебил он болтавшую без умолку Адонию.

– Свадьба совсем слажена, уже обо всем договорились, – возбужденно затрещала та. – А господин Дамарис – такой славный молодой мужчина, племянник важного инквизитора, вот повезло-то госпоже Ивонне.

Вернер поморщился: в голове у него стоял гул, напоминавший гудение пчелиного роя. Почему-то вполне естественная мысль о том, что у знатной и недостижимой Ивонны есть жених, показалась ему неприятной.

– Примолкни, трещотка! – осадил болтушку Огастес.

Адония обиженно отвернулась, а Вернер с благодарностью взглянул на мага. Тот вовремя вмешался. Слушать речи о выдающихся достоинствах «господина Дамариса»

Вернеру сейчас хотелось меньше всего на свете.

Глава 4 Испытание

Сгустившиеся сумерки озаряло лишь пламя факелов, которые везли всадники. Вопреки заверениям Хартвига, что вот-вот покажется город, впереди не было видно ни огонька. Дорога была пуста: другие путники остались на ночлег в придорожных тавернах.

Но Хартвиг не терял надежды заночевать в городе. Монотонное движение повозки убаюкивало, и, обессиленный от первого дня пути, Вернер задремал.

Разбудил его оглушительный визг Адонии над самым ухом. А потом кто-то схватил его за плечо и сбросил на землю. Жестокое падение развеяло остатки сна, и Вернер огляделся. На них напали! Зеленокожие, о которых он раньше только слышал по рассказам Гидеона, окружили их, перегородив дорогу и оттесняя к лесу, казавшемуся огромной черной дырой, ведущей в саму Преисподнюю.

Мечники, выставив щиты и обнажив оружие, обступили повозку с каретой и готовились отразить нападение приближающихся орков и троллей. Лучник, взобравшись на повозку, торопливо пускал стрелы. Вернер во все глаза уставился на костяной лук. Прежде он видел только простой имперский лук у своего приятеля Дрездена. От Дрездена же слышал и о более мощных боевых луках – с костяными вкраплениями. В бою, рассказывал охотник, они хороши тем, что позволяют пускать стрелы чаще. И владеют ими не простые стрелки, а уже искусные бойцы. Вернер с уважением покосился на лучника, едва успевавшего накладывать стрелы на тетиву. Затем обернулся на зеленокожих, и его сердце упало. Нападавших тварей это не останавливало, только злило – их было больше, и исход схватки был заранее предрешен. Понимал это и опытный лучник, поэтому руки его, натягивая тетиву, мелко дрожали.

Рядом с Вернером у повозки стоял Огастес, стиснувший посох и готовый защитить отряд от первой атаки. В воздухе пахло грозой, и, несмотря на испуганное ржание лошадей, воинственные крики орков и взволнованные переговоры между воинами, Вернер расслышал характерный треск, который издавали нервно сжатые пальцы мага.

Прозрачный камень, венчающий посох, зажегся всполохами голубого света и собирал магию из воздуха. Огастес готовился применить любимое заклинание Гидеона – молнию. Да разве молния остановит почти сотню разъяренных орков и гоблинов, почуявших легкую наживу? Одно только драгоценное колечко с руки Ивонны – знатный улов! А сколько еще ценностей в сундуках, которые она везет с собой?

Зеленокожие этого пока не знали, но богатая карета с охраной не могла не привлечь их внимания. Кстати, самой богатейки что-то не видно. Сидит в своей карете и носу не высовывает. А двое мечников подпирают карету спиной, готовые защищать госпожу до последнего вздоха.

– Далеко до Трамории? – Вернер обернулся к сжавшейся в комок Адонии, которая сидела на земле, прислонясь спиной к колесу повозки и вцепившись в Посох Верующего.

Ему пришлось дважды повторить вопрос и хорошенько встряхнуть девушку, прежде чем она его услышала.

– Не знаю, – испуганно пропищала она, глядя на него снизу вверх.

– Как это не знаю? – рявкнул Вернер. – Мы давно должны были приехать. Значит, город совсем близко.

И тут же осекся, поняв, что крупный отряд зеленокожих не стал бы нападать вблизи крупного города.

– Мы сбились с пути, – с нарастающей паникой прошептала Адония и от волнения выронила посох под ноги Вернеру. – Хартвиг остановил отряд, и они решали, куда ехать, когда появились эти...

Значит, помощи ждать неоткуда, помрачнел Вернер. Глядя на его изменившееся лицо,

девчонка просто затряслась от страха и тоненько взвизгнула:

- Что же теперь будет-то? Мы все умрем!
- Первый раз, что ли? – прикрикнул на нее Вернер.
- Умирать? – Адония, подобрав с земли посох, непонимающе округлила глаза.
- Первый раз в передрагу попадаешь?

Девчонка быстро закивала, и по ее некрасивому лицу вдруг покатались крупные слезы. Вернер, не выносивший женского плача, опустил глаза, разглядывая посох послушницы. Он казался чересчур громоздким для слабой руки Адонии, а металлический набалдашник в виде креста сверкал новизной.

Девчонка неумело сжимала его в кулачке, выдавая собственную неопытность. Наверняка посохом она обзавелась только на днях и еще ни разу не успела применить его по назначению. Толку от нее...

– Я из монастыря еду, отучилась только, – глотая слезы, всхлипывала она. – Думала, золота подзаработаю, родители порадуются, когда к ним вернусь. Ду-ура! – истерически провыла она. – Теперь я их вообще не уви-и-жу!

– Заткнись! – строго сказал Вернер и тряхнул ее как яблоню.

Адония шумно всхлипнула, уставилась на него во все глаза и спросила:

– А тебе уже не впервой?

Вернер в смятении отвел взгляд – не признаваться же этой нервной, что он орков впервые в лицо видит и прежде самой крупной битвой в его жизни была потасовка с Нордом!

– Уже и счет потерял, – соврал он. И добавил ободряюще, сжав дрожащую девчонку за локоть: – Все будет хорошо!

От взгляда послушницы, которая смотрела на него, как на ангела-спасителя, Вернеру стало не по себе.

– Сможешь мне помочь? – Огастес положил руку ему на плечо.

Глаза мага были усталыми и обреченными.

– Одному мне не справиться, – одними губами прошептал он, опасаясь еще больше напугать Адонию.

– Конечно, – мгновенно отозвался Вернер, торопливо отвернулся от умоляющего взгляда послушницы и стал плечом к плечу с магом.

Зеленокожие уже были совсем близко. В дрожащем свете факелов они казались созданиями, рожденными в Преисподней. Вернер смог разглядеть их уродливые, похожие на звериные морды с выпирающей нижней челюстью и искривленными клыками. Невозможно представить, что раньше орки и гоблины были людьми, но потом, то ли из-за чудовищной болезни, то ли по вине сумасшедшего колдуна, превратились в чудовищ. Вернер с содроганием смотрел на них – и не находил в них ничего человеческого.

Перед ним были хищники, звери. В маленьких глазах полыхали злоба и стремление убивать, кулаки с длинными когтями ожесточенно сжимали ятаганы и мечи, готовясь пустить их в ход при первой же возможности. С такими не договоришься, они пришли убивать.

Хартвиг с двумя воинами, которые прикрывали его сзади, выехал вперед, чтобы принять на себя первую атаку. Огастес побледнел от напряжения, собираясь с силами.

– Что ты умеешь? – спросил он, почти не разжимая губ.

– Что? – Вернер сделал вид, что не расслышал.

– Что ты умеешь? – нетерпеливо повторил маг. – Сможешь поставить защиту? Или увеличить силу отряда? Или разить орков молниями?

– Молнии, – ухватился за эти слова Вернер.

– Хорошо, – выдохнул Огастес. – Это будет значительной подмогой нашим воинам, а я тогда сосредоточу силы на их ускорении. Это единственное, что нас может сейчас спасти. Орки сильны, но неуклюжи, – озабоченно пояснил он. – Если у наших будет преимущество в скорости, появится шанс выбраться отсюда.

Топор, просвистевший в воздухе, вонзился в бок повозки у ног лучника, послужив

началом к атаке. Зеленокожие с боевым воплем бросились вперед, над головой жужжали стрелы, посылаемые лучником, а Огастес торопливо зашевелил губами и воздел посох, метнув в неприятеля сеть молний. Искрящаяся, похожая на паутину сетка проплыла над головами мечников, обогнула Хартвига и обрушилась на головы орков, сбив их с ног. «А бородач не так уж слаб», – с уважением подумал Вернер. Гидеон никогда не показывал им подобные фокусы – не умел или не хотел? «Надо будет попросить его после боя, чтобы и меня научил», – решил Вернер, выбрасывая руку вперед и наугад швыряя молнию.

За спинами воинов ничего не было видно, над головой жужжали стрелы, которые только успевал посылать лучник, и Вернер, чтобы улучшить свою позицию, вскочил на повозку рядом с ним. Положение было удручающим: орки наступали со всех сторон, от огней факелов зарябило в глазах. Один, два, три, десять, двадцать – принялся считать Вернер и сбился со счета.

А их самих всего одиннадцать – семь воинов вместе с Хартвигом, два мага, считая его самого, послушница, которая трясется от страха, и госпожа, богатый экипаж которой и навлек беду на их голову. Судя по тому, что из кареты не доносится ни звука, неженка наверняка лежит в глубоком обмороке.

– Вот бы подобраться к магическому кругу, – пробормотал Огастес.

– Что? – не понял Вернер.

– Круг магической атаки, я его чувствую. – Огастес кивнул в сторону, где все кишмя кишело орками. – Там сейчас зеленокожие.

Вернер угрюмо проследил за его взглядом. Разве туда сейчас попадешь?

Хартвиг, выехав вперед, принял на себя первый удар и ожесточенно рубил неприятеля направо и налево. Меч, который привлек внимание Вернера еще при знакомстве, был грозным оружием в опытных руках и нещадно разил врага. Но надолго ли его хватит? Вернер метнул молнии в двух гоблинов, атаковавших воина, и с этой помощью Хартвиг легко уложил их. Но на смену им тут же пришли еще шестеро. Мечники, защищавшие Ивонну, выступили вперед, не подпуская зеленокожих к карете. Судя по скорости их движений, заклинание Огастесу удалось.

Оскаленные зеленокожие морды мелькали уже в нескольких шагах, Огастес торопливо воздел вспыхнувший голубым сиянием посох – и стрелы, пускаемые лучником, полетели вдвое быстрее, а мечники замахали мечами так, что стальные лезвия стали похожи на серебристые молнии. Ускорение, понял Вернер. Что ж, маг разумно распорядился своими силами. Однако заклинания его порядком ослабили: мужчина побледнел, едва держался на ногах и надолго его не хватит.

Внезапно Хартвиг стал отступать, резко уведя коня в сторону.

– Куда? – простонал Вернер. Вот тебе и бесстрашный воин, вот и глава отряда! Он что, их бросить собрался?!

За Хартвигом, обрадованные его отступлением, бросилось около десятка зеленокожих. И уже через мгновение, когда воин одним размашистым движением меча обезглавил половину из них, Вернер понял его маневр. Хартвиг заметил круг силы и занял место в его центре, увеличив мощность своего удара вдвое.

Зеленокожие разделились – часть обступила Хартвига, оставшиеся продолжили наступать на мечников. Вернер, высматривая наиболее сильных неприятелей, стрелял по ним молниями. Убивать не убивал, но ослаблял изрядно. Так что «подстреленные» молнией зеленокожие падали от одного удара мечников. Адония, сосредоточенно вцепившись в посох, выглядывала раненых защитников и торопилась их исцелить.

Но возможности юной послушницы были не безграничны – один из мечников вскоре упал, сраженный ударом гоблина, его товарищ едва держался на ногах. Силы всего отряда были на исходе, да и Хартвигу приходилось нелегко – зеленокожие оттеснили его от круга силы, и теперь превосходство было целиком на стороне противника.

Преимущество в скорости, выручившее отряд при первых атаках, уже не спасало, когда зеленокожие навалились всей толпой. Они были неутомимы и неустрашаемы. Когда

замертво падали их товарищи, орки и тролли равнодушно переступали трупы и устремлялись вперед.

– Их не остановишь, не остановишь, – с нарастающей паникой в голосе пробормотал Огастес.

Второй мечник упал, и брешь, пробитая в обороне отряда, позволила зеленокожим прорваться внутрь. Огромный гоблин, сметая мечников, устремился к карете. Топор, брошенный орком, сразил лучника. Вернер подхватил под мышки верещающую Адонию и втащил ее на повозку.

Затем принялся палить молниями по наступающим оркам, понимая, что надолго это их все равно не задержит. «Как бы им сейчасгодились заклинания из книги демонов», – в отчаянии подумал Вернер. Жаль, что он не успел переписать те заклятия, которые парализуют противника на день или обрушивают на головы неприятеля огненный дождь! В голове крутилось заклинание из демонической книги, назначения которого он не помнил, и Вернер не решался его применить, полагаясь на знания Огастеса. Вот бы маг вспомнил о каком-нибудь мощном заклинании, которое мгновенно поразит противника. Или хотя бы повергнет орков в бегство и даст их изрядно поредевшему отряду возможность скрыться.

Но этим надеждам не суждено было сбыться: огромный гоблин смел мага с пути. Осиротевший посох выпал из мертвой руки, разбился вдребезги прозрачный камень на набалдашнике. Вернер отвернулся, закрывая собой Адонию. Теперь у них нет мага. А без поддержки магией мечников перебьют одного за другим. Это лишь вопрос времени. Исход битвы уже предрешен.

– Помоги ему, – встряхнул он послушницу и указал на израненного мечника.

Парня уже не спасти, как и всех их, но уж лучше пусть девчонка отвлечется и попытается исцелить его, чем, дрожа от страха, будет ждать приближения смерти.

Ждать помощи неоткуда, и заклинание демонов оставалось последним шансом на спасение. В голове зазвучал грозный голос Гидеона, предостерегающий от применения магии Легионов Проклятых, но Вернер пренебрег запретами учителя и забормотал слова заклинания, результата которого не помнил. Что бы это ни было, оно спасет ему жизнь и уничтожит противников.

Последнее слово сорвалось с губ, но ничего не произошло. По-прежнему продолжали наступать орки, по-прежнему воины Хартвига терпели поражение. Наверное, он напутал слова заклинания или его человеческих сил недостаточно, чтобы оживить магию демонов.

Гадать о причинах неудачи было некогда, надо было защищаться любыми доступными средствами. Молнии оказались слишком слабым оружием против полчища орков, и Вернер оглянулся в поисках чего-нибудь посущественнее. Если его магия бессильна, он будет биться наравне с обычными воинами. Костяной лук, выпавший из рук стрелка, в ближнем бою был бесполезен. Из других вариантов выбирать особо не приходилось. Вернер наклонился к убитому лучнику и, преодолевая тошноту, вытащил из его груди топор с изогнутым лезвием.

Морду первого зеленокожего, которого он убил, Вернер запомнил. Кажется, это был тролль – отвратительный лысый уродец с мутными глазами и злым оскалом. Топор разрубил череп на две части, а Вернер с дрожью отметил, что убить зеленокожего не сложнее, чем расколоть чурбан. Уж что-что, а колоть дрова он в деревне наловчился. От сознания содеянного Вернера окатило жаром, словно огонь пробежал под кожей ног от ступней до колен, а потом будто сотни комариных жал впились в кожу. Внезапно сделались тесны башмаки, судорогой свело ногу, и Вернер мучительно застонал.

– Тебя задели? – Адония, заметив его состояние, предлагала помощь.

Вернеру сделалось стыдно: девчонка и та взяла себя в руки, а он вдруг раскис. И юноша уверенно стиснул древко топора и с силой разрубил воздух перед головой высунувшегося орка.

Он успел ранить еще двоих, прежде чем кривое лезвие клинка вонзилось ему под ребро. От захлестнувшей его острой боли Вернер упал с повозки. Тело Огастеса смягчило

падение. Ничего, Адония его сейчас подлечит, и тогда он снова...

Но послушница не успела. Огромный гоблин рывком схватил ее за плечо и швырнул о землю. Ее шея неестественно изогнулась, посох выпал из руки. Это конец, понял Вернер, сползая с тела погибшего мага и не в силах отвести взгляда от мертвой послушницы. Адония смотрела на него остекленевшими глазами, словно укоряя за то, что он ее обманул. Обещал, что они выживут, и предал. Из уголка ее губ стекала струйка крови. А ведь она еще младше меня, вдруг подумал Вернер. Совсем девчонка. Наверное, и не целовалась никогда. Его взгляд упал на сломанный Посох Верующего. Да о чем он вообще думает! Она же послушница. Послушница, так и не ставшая монахиней.

Орки, устремившиеся к повозке, пинали его. Они уже не видели в нем противника, а торопились разделить добычу. Несколько зеленокожих запрыгнули на крышу кареты и теперь раскачивали ее.

Вот и все. Вернер закрыл глаза. Огастес и Адония погибли. Трамория далеко. Помощи ждать неоткуда. Он даже не успел добраться до города – какая глупая, никчемная, жалкая жизнь! К чему были все долгие занятия магией, если в первом же бою он не смог защитить ни себя, не доверившуюся ему девчонку? Вернер вспомнил, с какой надеждой на него смотрела Адония, и стиснул зубы. Не тому их учил Гидеон, ох, не тому... Совсем рядом мелькнул черный плащ, больно хлестнув его по лицу. Это замешкавшийся орк спешил урвать свою долю от добычи. Похожий плащ был и у незнакомца, обронившего книгу демонических заклинаний у погасшего костра. Уж он-то не дал бы себя в обиду, с неожиданной злостью подумал Вернер. Уж у него в запасе нашлись бы заклинания, которые обратили бы зеленокожих в прах.

Заклинания! Одно из них неожиданно вспыхнуло в памяти юноши, и Вернер огляделся, вспомнив о словах Огастеса. Знать бы еще, где круг магической атаки, о котором тот говорил! Полчище орков сейчас сгрудилось возле кареты, освободив пространство поля, на которое указывал погибший маг. Превозмогая боль в боку, Вернер ползком двинулся туда и вскоре ощутил бьющую из-под земли энергию.

Из последних сил он дополз до круга и упал в самом центре, вызывая в памяти заклинание демонов. Что там говорил учитель? Демоническая магия приведет человека под власть Бетрезена? Пускай, ему нечего терять. Как там было в книге?

Глухие, отрывистые слова чужой речи вырвались из его окровавленных губ, и Вернер затаил дыхание, ожидая спасительной помощи. Ничего! Тщетно! Заклинание не действовало! То ли он был слишком слаб, то ли напутал с заклинанием, то ли магия Легионов Проклятых отказывалась повиноваться человеку.

Вопли и гогот орков разорвал отчаянный женский крик. Ивонна, понял Вернер, эти твари добрались до нее. Он обернулся к карете и не увидел даже Хартвига. Получается, доблестный воин пал... Еще немного, и спасать будет уже некого. В памяти вспыхнуло еще одно заклинание из книги незнакомца, и Вернер торопливо забормотал его слова. Только бы получилось на этот раз, только бы успеть! Воздух вокруг него сгустился, сделавшись плотным, как земля. Вернер закашлялся от удушья. Что-то пошло не так! Вместо того, чтобы остановить зеленокожих, он убивает себя.

Так некстати вспомнились слова Гидеона: «Всякий раз, когда ты причинишь зло живому существу, ты станешь превращаться в зверя». И где же оно, его заклятье? Вернер убил орка, но что-то у него не выросло ни хвоста, ни шерсти. Юноша схватился за горло, готовясь к смерти.

Но внезапно совсем рядом запахло серой, и темноту ночи прожгли две горящие головешки, взмывшие высоко над его головой. Задрожала земля, сотрясаясь под мощными когтистыми лапами, забились, разгоняя воздух, большие кожистые крылья. Вернер в ужасе отшатнулся, упав на тело Огастеса.

Адское существо, явившееся на отчаянный зов Вернера из самой Преисподней, было ужасным. Юноша даже никогда не слышал о том, что кто-то видел нечто подобное. Наверное, потому, что выживших после встречи с чудовищем не оставалось. Монстр был

вчетверо больше самого крупного воина из числа зеленокожих, и его появление не прошло незамеченным. Орки тревожно загалдели, а чудовище, скользнув по Вернеру равнодушным взглядом, отвернулось, заскрежетало зубами и двинулось навстречу оркам, закрывая своей мощной спиной лежащего на земле юношу.

Ночь наполнилась криками боли и ужаса и леденящим душу ревом адского создания. Но самым страшным был незнакомый мужской голос, похожий на грохот разрушительного урагана. «Найди ангела! – бушевал он. – Ты должен найти и привести ко мне ангела!» Голос был так близко, что Вернер испуганно огляделся. Но вокруг мелькали лишь зеленые морды бежавших орков, перекошенные от ужаса. И чудилось, что на подмогу первому монстру со всех сторон спешат такие же, как он. Полностью обессиленный, Вернер упал на землю и закрыл уши руками. «Найди ангела! – продолжало реветь в его голове. – Приведи его ко мне!»

Вскоре все было кончено.

– Эй, парень, ты цел? – Голос доносился откуда-то издалека, и тьма, повинувшись его властному тону, начинала отступать.

– Оставьте меня, – глухо простонал Вернер, свернувшись калачиком на земле. – Я не знаю никакого ангела. Я не могу его найти.

– Сынок, да ты бредишь? – В голосе говорящего послышалось беспокойство, тяжелая жесткая рука легла на лоб, и Вернер, вздрогнув, открыл глаза, встретившись взглядом с Хартвигом.

– Как ты? – спросил воин, убирая ладонь, сбитую в мозоли в последней битве.

– Где эти?.. – Вернер завертел головой, но ничего не смог увидеть. Кругом была сплошная чернота. Факел, воткнутый в землю рядом с кругом силы, в котором Вернер по-прежнему лежал, освещал тьму только на несколько шагов. Не было видно ни орков, ни повозки с каретой.

– Зеленокожие? Многие погибли. Остальные сбежали.

– Они вернутся? – дрогнув, спросил Вернер.

– Сомневаюсь. – Хартвиг как-то странно на него посмотрел. – После того, что половина из них оказалась разорванной на части...

У него получилось? Неужели?

– Ты видел, что здесь произошло? – пристально взглянул на него Хартвиг.

– Нет, – пробормотал Вернер, понимая, что не стоит рассказывать воину о демоническом создании, которое он вызвал. – Я потерял сознание.

– Воины бредят. – Хартвиг кивнул в сторону, откуда доносились слабые стоны. – Говорят, что из-под земли явилось страшное чудовище и принялось рвать орков на части. Судя по их описанию, это Белиарх. Видел его?

– Я ничего не видел, – повторил Вернер.

– И я не видел, – с озабоченным видом заметил Хартвиг. – Тролль оглушил меня, и я отключился. А когда очнулся, все уже было кончено.

Вернер попытался подняться, но сразу же застонал, прижимая руку к болезненно пульсирующей ране на боку.

– Крепко тебя задели, – сдвинул брови Хартвиг. – Встать сможешь?

На этот раз юноша не стал отказываться от помощи воина и оперся на его руку, чтобы подняться. Удалось это ему с трудом: ноги не слушались, правая ступня совершенно отекала, сделавшись слишком большой для узкого башмака, к тому же вся нога до колена зудела и чесалась еще пуще прежнего. Вернер запустил руку под штанину, нащупал густую жесткую шерсть и похолодел, вспомнив слова Гидеона.

Заклятие начало действовать! И в тот самый момент, как только он убил первого орка. Ничего более дурацкого и вообразить нельзя. Вернер едва не заскрежетал зубами. Он спасал собственную жизнь и жизнь своих попугчиков, а заклиние, наложенное Гидеоном, посчитало смерть вонючего орка за возмутительное преступление, достойное наказания.

– Болит? – навис над ним Хартвиг.

Вернер торопливо одернул штанину, радуясь, что вокруг темно. Потом посмотрит, что там такое. А воину это видеть ни к чему, что бы там ни было.

– Идти можешь? – спросил тем временем Хартвиг.

Вернер кивнул и оперся на подставленное плечо. Лицо воина исказила болезненная гримаса.

– Да ты и сам ранен! – воскликнул юноша.

– Пустяки, – поморщился Хартвиг. – До Трамории дотерплю.

– А что в Трамории? – не понял Вернер.

– Не что, а кто. Монахини и послушницы. Да будут благословенны эти женщины, никогда не отказывающие в исцелении старому вояке. – Хартвиг попытался улыбнуться разбитыми губами, и от этой вымученной улыбки Вернеру сделалось горько. А еще горше – от воспоминания о том, что юной послушнице, сопровождавшей их отряд, уже никто не поможет. – А вот моей госпоже не пристало ждать, – обеспокоенно добавил он.

– Что с ней? – встрепенулся Вернер.

– Ранена, – коротко ответил Хартвиг, выдергивая из земли факел. – Идти сможешь?

Вернер с готовностью кивнул и, опираясь на плечо воина, поковылял к перевернутой карете, переступая через покалеченные тела орков. От жуткой картины ему сделалось не по себе: некоторые орки были словно перерублены надвое, попадались и безголовые, и разорванные на части.

Заглядевшись по сторонам, Вернер споткнулся. Под ногами звякнуло железо. В первый миг юноша решил, что наступил на меч, но потом заметил знакомую, сверкающую новизной крестообразную верхушку. Посох Адонии!

– Да, жалко девочку, – глухо сказал Хартвиг. – Не надо было ее слушать.

Вернер вопросительно взглянул на него.

– Я хотел нанять более опытную послушницу, но Адония так умоляла меня дать ей шанс, что я сдался. – Хартвиг, отвернувшись, замолчал.

В стороне раздался протяжный стон. Вернер испуганно повернулся, но Хартвиг успокаивающе сжал его плечо.

– Это трое наших воинов. Те, кто остался в живых.

– Как они?

– Плохо.

Ивонна лежала на земле, у перевернутой кареты. Вокруг были раскиданы распотрошенные орками сундуки с одеждой. Светлое платье Ивонны было все в бурых пятнах от земли и крови. Глаза девушки были закрыты, грудь бурно вздымалась. Из раскрытого рта с хрипом вылетал воздух.

Вернер опустился на колени, чтобы осмотреть повреждения. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: рана серьезная, если не смертельная. Кривой клинок взрезал платье девушки под грудью. Рана пульсировала, ткань напиталась кровью. При таких повреждениях может спасти только монахиня или очень искусный маг. Ивонна, не приходя в сознание, мучительно застонала.

– Сможешь ей помочь? – торопливо спросил Хартвиг. – Времени у нас мало.

– Зелья, – пробормотал Вернер. – У Огастеса были с собой зелья, я видел. Надо их найти. – Он поднялся с колен, зажимая свою собственную рану на боку, казавшуюся ничтожной в сравнении с раной Ивонны, но наткнулся на мрачный взгляд воина.

– Они все перебиты, умник, – угрюмо сообщил Хартвиг. – Не осталось ни одной целой стекляшки. Вся надежда только на тебя. Так ты сможешь помочь? – повторил он.

Вернер поднял голову. Недавно он уже солгал Адонии, и она ему поверила. Обманывать Хартвига он не стал.

– Я никого не исцелял раньше.

Надежда во взгляде Хартвига сменилась отчаянием. – Но ты ведь знаешь, как это делается? – не желал сдаваться воин.

– Мне нужна моя книга.

Он не смог признаться Хартвигу, что урок по исцелению намеренно прогулял. В конце каждого занятия Гидеон сообщал ученикам тему следующего. И, услышав, что завтра им предстоит осваивать целительство, Вернер решил пропустить урок, показавшийся ему бесполезным. К чему тратить время на исцеляющую магию, когда есть послушницы и монахини? Великому магу, каким желал со временем стать Вернер, ни к чему эти бабские премудрости.

Но заклинания, которые поведал ученикам Гидеон, Вернеру пришлось все же переписать. Зная щепетильность учителя, он одолжил магическую книгу у Бейла и перенес в нее пропущенный урок. Кто же знал, что он пригодится ему так скоро?

Книга, которую он обронил во время боя, нашлась неподалеку от повозки. К счастью, ее содержимое почти не пострадало. Чего не скажешь об обложке, залитой густой орочьей кровью. Берестяной переплет навсегда впитал в себя зеленые пятна – словно в знак боевого крещения своего молодого хозяина.

Пока Хартвиг светил ему факелом, Вернер торопливо искал нужную страницу. Среди заклинаний, исцеляющих от отравления и от огня, от зубной боли и от мигрени, было спасительное заклинание от колющих ран. Если повезет, он подлатает и Ивонну, и себя, и Хартвига. А вот и оно! Вернер склонился над книгой, изучая текст, и вдруг мрачно застонал.

– Что такое? – с тревогой спросил воин, и факел дрогнул в его руке.

– Для заклинания нужна манна.

– Это ваша магическая энергия? – уточнил Хартвиг. – И что, у тебя ее совсем не осталось?

От пристального взгляда воина Вернер в смятении отвел глаза. Как сказать ему, что манны хватит только на одно исцеление? И то не самое сложное. Он смог бы вылечить себя, но тогда Ивонну уже не спасешь. Хотя его рана менее опасна, чем у девушки, все же она болезненна и отнимает силы с каждой вытекшей каплей крови. Учитывая, что они одни в темном лесу и неизвестно, в какой дали от города, есть большой риск умереть от потери крови раньше, чем они встретят монахиню или раздобудут зелья в магической лавке.

В то же время Ивонне помощь требуется немедленно, она потерпеть до Трамории не сможет – они ее просто не довезут. Ее кожа и так уже мертвенно-бледна – девушка потеряла слишком много крови. Но если направить манну на спасение Ивонны, велики шансы на то, что оставшейся у него энергии не хватит на полное исцеление. Слишком серьезна ее рана и слишком мало манны у него в запасе. Может статься, что заклинание лишь уменьшит серьезность ранения Ивонны, переведя его из смертельных в тяжелые. И тогда их шансы на спасение сравняются. Только без скорой помощи мага или монахини им все равно не выкарабкаться.

– Так что, – настойчиво повторил Хартвиг, – ты ее спасешь?

Вернер стиснул зубы. Правильнее всего было бы исцелить себя: манны должно хватить на полное восстановление здоровья. Отвернуться от умирающей Ивонны, которая ему никто. Убежать от Хартвига, который из-за собственного ранения не сможет его догнать. Дождаться рассвета. Добраться до города. И продолжить свой путь в столицу, где его ждут Башня Магии, искусные учителя, слава и богатство. Кто ему Ивонна с Хартвигом, чтобы рисковать ради них своей жизнью? Всего лишь случайные попутчики. Попутчики, обреченные на гибель. И после их смерти никто не узнает о его постыдном поступке. Никто, кроме него самого.

«Маг должен помогать людям, попавшим в беду», – вдруг отчетливо прозвучал в его голове глубокий голос Гидеона. «Сынок, ты выбрал для себя достойный путь, – вторил ему мягкий голос матери. – Путь помощи людям. Я горжусь тобой, мой родной».

Мать не простит ему, если он сбежит, как трус, оставив истекать кровью умирающую девушку. Да что мать, он сам себе этого не простит! Разве можно стать великим волшебником, совершив подобную подлость? «Что тебе до нее? – вдруг прозвучал в голове страшный голос, который прежде требовал найти ангела. – Она тебе никто. Твоя жизнь – превыше всего. Ты должен думать о себе. И только о себе».

– Нет! – вскричал Вернер, отчаянно мотая головой и не желая слышать пугающего голоса. А ведь Гидеон его предупреждал, он его предупреждал...

– Что случилось? – Рука Хартвига легла ему на плечо.

– Я помогу ей, – с отчаянной решимостью воскликнул Вернер, зажимая пульсирующую рану в боку, которая становилась все мучительнее. – Не ручаюсь за результат, но помогу.

Страшный голос в голове стал утихать и постепенно удалялся, так что его речи было уже не разобрать.

– Хорошо, – кивнул Хартвиг. – Идем.

Воин помог Вернеру доковылять до Ивонны, и сердце юноши тревожно сжалось. За время, пока они искали книгу, девушке стало еще хуже. На ее лбу выступила испарина, кровь, текшая из раны, сделалась густой и совсем черной. Жить раненой оставалось считанные мгновения. Вернер торопливо присел рядом с ней и раскрыл книгу.

– Моя помощь нужна? – тихо спросил Хартвиг.

Вернер покачал головой.

– Тогда не буду мешать.

Хартвиг воткнул факел сбоку от Вернера, так чтобы свет падал на страницы книги, и отступил в тень, слившись с темнотой.

Вернер глубоко вздохнул, пытаясь сосредоточиться, и начал читать слова заклинания, отчетливо выговаривая каждое слово и вкладывая в него магическую силу. На последнем слове что-то сильно толкнуло его под сердцем. Вернер охнул и прижал руки в груди. В следующий миг ладони окутало теплом и мерцанием – это сияющий золотой шарик прошел сквозь его пальцы и плавно двинулся к Ивонне, паря в воздухе. За спиной ахнул Хартвиг. Шарик уверенно скользнул вниз и золотой кляксой пролился на рану Ивонны, которая стремительно впитала мерцающие искорки.

Одновременно с этим бледная кожа девушки заискрилась, наполнилась внутренним светом, словно внутри нее зажегся огонек. Ресницы Ивонны затрепетали, дыхание выровнялось. А вот Вернеру сделалось хуже – заклинание выпило из него последние силы, и он с тихим стоном повалился на землю, потеряв сознание.

Холодно, жестко, неудобно... Ивонна открыла глаза и в ужасе вскрикнула. Она лежала на земле, ее платье было мокрым от крови, и все вокруг было усыпано мертвецами с перекошенными зелеными лицами. Пахло тленом и смертью. Какой страшный кошмар ей приснился!

– Ивонна, ты очнулась?

В предрассветных сумерках лицо Хартвига было серым и смертельно уставшим. Где-то далеко, за его спиной, уже занимался рассвет. Часть земель Империи уже осветило благодатное солнце, а вокруг них еще царствовала ночь, наполняя все вокруг мрачными тенями. Это не сон, с дрожью поняла Ивонна, это все наяву.

И вспомнила события предыдущей ночи: обступивших карету зеленокожих уродов, отчаянные лица сопровождавших ее воинов, кружево молний, искусно сплетенное магом, звон оружия, мечи, с небывалой скоростьюдвигающиеся в руках воинов, омерзительные морды существ, которые неотвратимо приближались к карете, сметая все на своем пути, и леденящий душу рев чудовища, которое появилось словно из-под земли.

– Ивонна, тебе нехорошо? – с беспокойством наклонился к ней Хартвиг.

Что за глупый вопрос! Разве ей может быть хорошо – здесь, в окружении трупов? Она попыталась встать, но рука Хартвига удержала ее.

– Ты серьезно ранена, тебе нельзя резко двигаться.

Ивонна смиренно застыла, ошеломленная этим известием, и прислушалась к себе. Гудела голова от долгого лежания на земле, затекли ноги, что-то щекотало в боку. Но уж чего-чего, а раненой она себя не ощущала.

– Что за чепуха? – возмутилась она, стряхивая руку Хартвига и поднимаясь с земли.

Вдруг платье с боку разошлось, словно треснув по шву, и Ивонна стыдливо прижала

руки. Хотя Хартвиг знает ее с детства, но она уже давно не ребенок. И не пристало благовоспитанной девушке оголяться перед мужчиной, даже невольно! Пальцы тут же сделались влажными от крови. Превозмогая тошноту, она просунула пальцы в прореху и вскоре с облегчением убедилась, что ее кожа не повреждена. Кровь была чужой. Наверняка орочьей.

– Как ты себя чувствуешь? – пристально наблюдая за ней, спросил Хартвиг.

– Отвратительно, – честно призналась Ивонна, ища платок, чтобы отереть руку.

– Тебе больно? – с тревогой уточнил воин. – Рана кровоточит?

– Харт, – вскипела Ивонна, – сколько можно повторять: я не ранена!

Вот бы закрыть глаза – и очнуться уже в мягкой чистой постели, слушать пение птиц за окном, до самого обеда читать книгу о рыцаре Торвальде и мечтать, мечтать... О чем? Ивонна в смятении огляделась. Вот же то, о чем она читала в романах. Поле боя, тела мертвых врагов. Не хватает только рыцаря, устало опирающегося на меч, обгаренный кровью. Именно таковы будни книжного героя – бесконечные битвы, сражения, смертельная опасность, громкие победы.

Так ли давно она сетовала на свою спокойную размеренную жизнь и мечтала испытать все эти приключения? Так вот же они, перед ней. Почему же на сердце так горько? Почему так тихо? Не слышно ни щебета Адонии, который в пути заглушал стук копыт и невыносимо раздражал Ивонну, ни монотонного голоса мага, рассказывавшего о местах, которые они проезжают, ни смеха воинов, то и дело подначивавших друг друга.

– Где все? – с замирающим сердцем спросила она Хартвига, с дрожью отметив, что за прошедшую ночь он постарел лет на десять. А может, это просто ночь морочит ей голову, наложив на лицо воина болезненные тени и обострив его черты.

Хартвиг назвал имена двух мечников, Дина и Кельса, и махнул рукой куда-то в сторону.

– А остальные? – еле слышно спросила Ивонна.

Тяжелое молчание Хартвига было ответом.

– Никто не выжил? – с дрожью уточнила она. – Даже Огастес?... и Адония? Что же нас спасло? – Она огляделась.

– Не что, а кто. Мы живы благодаря Вернеру.

– Кто это? – не поняла Ивонна.

– Тот парнишка, которого мы выбрали по дороге. Он оказался учеником мага.

– Учеником? – с недоверием протянула Ивонна. – И ты хочешь сказать, что не удалось Огастесу, сделал ученик?

Хартвиг дернул шеей. Мол, сама погляди.

– И где же сейчас этот герой? – поинтересовалась Ивонна.

Воин взглядом указал куда-то в сторону. Ивонна повернулась и увидела распростертого на земле юношу. Рядом с ним валялась раскрытая книга.

– Он мертв?

Хартвиг со скорбным видом кивнул. И тихо добавил:

– Главное, что ты жива.

– О чем ты? – встрепелась Ивонна, ощутив недосказанность в его словах.

– Он спас тебе жизнь, – сообщил Хартвиг. – Истратил последние силы на то, чтобы исцелить твою рану.

– Опять эта чепуха? – возмутилась Ивонна. – Сколько раз повторять, у меня нет никаких ран и вообще...

Она внезапно осеклась, вспомнив перекошенное лицо тролля, оторвавшего дверь кареты. А когда она забилась в угол и не хотела выходить, он наотмашь полоснул ее искривленным клинком, и от мучительной боли под сердцем она потеряла сознание.

– Значит, он был хорошим учеником, – глухо сказал Хартвиг и отвернулся.

Ивонна, подобрав путающуюся под ногами юбку, поспешила к мертвецу, спасшему ей жизнь. Солнце постепенно подбиралось к полю, прогоняя мороки ночи. И в робком утреннем

свете можно было разглядеть лицо юноши до мелочей. Бледная до синевы кожа, болезненно запавшие щеки, решительно сжатые бескровные губы, черные круги под глазами, длинные ресницы. Веки были сомкнуты, и ей уже никогда не узнать, какого цвета глаза были у ее спасителя. Когда она мельком взглянула на него из окна кареты, он показался ей малоинтересным. Чумазый, перепачканный с ног до головы в пыли путник. Где уж там было запомнить цвет его глаз?

Теперь же, с этими тенями под глазами, с этими сжатыми губами, он напомнил ей рыцаря Торвальда – изможденного битвой с чудовищем, усталого и доблестного. Впервые в жизни Ивонна представила в роли любимого героя не жениха, а кого-то другого. Раньше ей казалось, что никто из тех, кого она знает, не может сравниться доблестью с Торвальдом. Кроме Дамариса.

И вот теперь безвестный паренек в старой залатанной одежде проявил отвагу и благородство, свойственные настоящему рыцарю. Ивонна отыскала безвольную руку юноши, сжала ее в своей ладони, и на глаза невольно набежали слезы. Он еще такой молодой – ее ровесник, или, может, чуть старше. Ему бы еще жить да жить! Почему он не смог исцелить себя, если сумел спасти ее? Ивонна вдруг замерла от внезапной мысли. Но нет, не может быть! Зачем ему спасать ее ценой своей собственной жизни? Она ему никто, он даже на службе у нее не состоял.

– Харт, – тихо позвала она воина, – почему он не успел исцелиться сам?

– Ты была на волосок от смерти. Он торопился спасти тебя.

Слезы брызнули из глаз Ивонны, упали на неподвижную руку юноши, которую она продолжала сжимать в ладони. Первые лучи солнца скользнули над лесом, осветили край поляны и побежали вперед, стирая тени ночи и возвращая краски дня. Преобладающими цветами были красный – цвет людской крови и зеленый – цвет кожи врагов. Как с отвращением заметила Ивонна, кровь орков была такой же зеленой, как их тела.

– Нужно убираться отсюда, – окликнул ее Хартвиг. – Карета сломана. Но, на наше счастье, несколько лошадей уцелели. Сможешь ехать верхом?

– Да, конечно. – Ивонна украдкой смахнула слезы.

За ее спиной Хартвиг отдал распоряжения двум оставшимся в живых воинам, и начались сборы к отъезду.

– А я ведь даже не знаю, откуда ты и зачем направлялся в Траморию, – прошептала Ивонна. – Кто ждет тебя там – мать, невеста, брат, учитель? Кто из них будет оплакивать тебя? Кто будет с надеждой ждать твоего возвращения?

Ивонна последний раз взглянула на Вернера. Солнце осветило его лицо, беспощадно обнажив и ссадину на лбу, и налившийся синевой синяк на скуле, и чумазые подтеки на щеках. Так вот какими рыцари бывают после схваток с чудовищами, горько заметила Ивонна. В книгах об этом не пишут. Сможет ли она теперь им верить?

В книгах герои никогда не погибают, самые страшные раны не мешают им продолжать путь, и даже после кровопролитной битвы они по-прежнему красивы, а их одежда чиста и свежа. А первая же битва, которая развернулась на ее собственных глазах, стала настоящим побоищем, и выжили лишь несколько человек. Если книги врут о жизни и смерти, что, если и о любви они врут? И такой любви, как между Торвальдом и Донателлой, на свете тоже не бывает? Луч солнца скользнул ниже, в ворота рубашки Вернера сверкнула золотистая цепочка, и Ивонна потянулась к ней, движимая любопытством. Интересно, что за подвеску носил ее спаситель на груди? Но тут ее окликнул Хартвиг.

– Иду, – отозвалась она, убирая руку. Что ж, пусть эта тайна останется с ним. А затем прошептала, глядя на мертвого юношу: – Спасибо тебе, Вернер.

Напоследок задержав руку юноши в ладони, Ивонна подумала, что перед отъездом надо похоронить его по-человечески. И Огастеса с Адонией и другими их погибшими воинами бросать на поле боя нельзя. Они сложили головы из-за нее и заслужили покоиться в земле. А вот орки пусть идут на корм птицам и зверям.

Она уже разжала пальцы, собираясь осторожно положить руку юноши на землю, как в

последний момент его пальцы дрогнули и стиснули ее ладонь, сиюсь удержать.

Ивонна ахнула.

Вернер открыл глаза.

Глава 5

Предложение

Дороги до Трамории Вернер не помнил. Ненадолго приходя в сознание, он внонь погружался в забытье. Наяву он слышал лошадиное ржание, стук копыт, протяжный скрип повозки, которая трещала под ним, и успокаивающий, мелодичный, как перезвон колокольчиков, незнакомый женский голос.

– Потерпи, – повторял он, – мы скоро приедем. Тебе помогут.

Это ангел, понял Вернер. Тот самый ангел, которого ищет обладатель страшного голоса.

– Он ищет... тебя... – пытался предупредить Вернер, едва шевеля пересохшими губами и преодолевая боль в боку. – Он не остановится... Беги...

– Он бредит, – удрученно сообщал кому-то ангел, и Вернер терял сознание, истратив последние силы на то, чтобы предупредить недоверчивого ангела.

Потом повозка куда-то исчезла. Он лежал на кровати. И уже не было слышно ангела. Лишь монотонное бормотание тихого женского голоса, похожего на шум дождя. А еще были руки: широкие, похожие на голубиные крылья, ладони, которые выступали из просторных коричневых рукавов и парили над ним, принося облегчение истерзанному болью телу.

Боль постепенно уходила, и он уже стал различать то нависающую над ним дубовую балку, то кусочек голубого неба в окошке под потолком, то деревянную дверь напротив, откуда являлась та, что дарила ему исцеление.

Однажды в эту дверь вошла девушка с тонким станом и гордо поднятой головой.

– Как он? – спросила она голосом ангела.

– Уже лучше, – успокаивающе прогудела монашка.

Из последних сил он приподнялся на кровати, пытаясь разглядеть расплывчатый силуэт ангела, и взволнованно пробормотал:

– Он ищет тебя... Беги...

– Вам лучше уйти, госпожа, – удрученно проговорила монашка.

И ангел снова покинул его, а он погрузился во тьму.

– Как он? – спросил Хартвиг, когда Ивонна вышла из дома монахини.

Девушка лишь расстроено качнула головой.

– Бригитта говорит, дело не только в ране. Она уже почти затянулась. Ее беспокоит его душевное состояние. Он все время твердит об ангеле, которому грозит опасность.

– А ты крепко запала ему в душу, девочка, – с иронией заметил Хартвиг.

Ивонна строго взглянула на воина, и тот сразу подтянулся, приняв серьезный вид.

– Куда направимся теперь?

– В гостиницу, – равнодушно кивнула Ивонна.

– Ивонна, – несмело начал Хартвиг, – я тут слышал про одного волшебника, который очень искусен в защитной магии... И он как раз сейчас ищет работу.

– Ни слова больше, Харт! – сердито оборвала его Ивонна. – У нас уже есть маг. И мы подождем, пока он окрепнет и сможет отправиться в путь.

– Но он всего лишь ученик! – угрюмо возразил воин. – К тому же мы его не нанимали. Что, если он не захочет отправиться с нами? Мы уже потеряли столько времени.

– Всего лишь три дня, – строго осаждала его Ивонна. – И задержимся столько, сколько потребуется. Я обязана Вернеру жизнью. И даже если он не отправится с нами, я хочу убедиться, что он в порядке и я сделала для него все возможное.

– Как будет угодно, – проворчал Хартвиг, с недоумением глядя на свою хозяйку.

С тех пор, как они подверглись нападению орков, он не узнавал Ивонну. Прежде она

никогда не перечила ему, полностью доверяла ему все дела и была равнодушной ко всем путевым хлопотам, витая в своих далеких мечтах. Теперь же в нее будто вселился дух тетушки Нильды! Она без капризов выдержала дорогу до Трамории.

И хотя он не раз предлагал остановиться и отдохнуть, прекрасно понимая, что привыкшая к езде в карете дочка господина утомилась в седле, Ивонна упрямо отказывалась, повторяя, что Вернера нужно доставить в город как можно быстрее. Парень и в самом деле был плох. И Хартвиг сомневался, что они довезут его до Трамории живым. Однако парнишка оказался крепче, чем он думал.

А Ивонна, едва они въехали в городские ворота, еще больше поразила Хартвига. Она поймала за шкурку пробегающего сорванца, посулила ему монетку и велела отвести их к лучшей целительнице в городе. Мальчонка, ни на миг не задумавшись, выдал, что лучше Бригитты во всей Трамории целительницы не сыскать, сам городской голова у нее лечится. «Да только берет она золотом, – присовокупил мальчишка. – Так что если госпожа желает кого попроще, то...» Договорить ему Ивонна не дала – велела немедленно отвести их к Бригитте. Так жизнь Вернера оказалась в руках самой искусной в городе аббатиссы. Та колдовала над ним уже три дня, и Ивонна перетаскала немало золота в дом монашки. Подлатала Бригитта и Хартвига с двумя мечниками. Физически крепкие мужчины оправились от ранений быстрее, чем тщедушный маг, и теперь в безделье слонялись по городу, ожидая дальнейших распоряжений хозяйки.

Сама же Ивонна на месте не сидела. Она посетила портного и заказала одежду взамен испорченной. Разузнала, кто в городе продает лучших лошадей и хорошие кареты, и выведала, где собираются лучшие наемные воины. Расспросила Бригитту о том, где нанять целительницу, которая сопровождает отряд до Левенделла, и женщина предложила ей свою лучшую ученицу, монахиню Бенедикту, которая давно хотела повидать мир. Хартвиг, глядя на Ивонну, только диву давался. Прежде хозяйка никогда не вмешивалась в эти дела, предоставляя ему полную свободу действия. Теперь же не было ни одного вопроса, который она бы пустила на самотек.

Ивонна живо интересовалась всем и принимала активное участие в подготовке к отъезду. Только нанимать воинов доверила ему – как более опытному в таких вопросах. Хартвиг терялся в догадках, что послужило причиной таких перемен в ее характере. То ли общение с тетушкой Нильдой, поведение которой Ивонна вольно или невольно копировала, то ли передряга, в которую они попали, заставила девушку стремительно повзрослеть. Пожалуй, второе, решил для себя он. Ведь при отъезде из Меласема Ивонна не принимала участия в хлопотах, целиком доверив их тетушке.

Однако кое-что не меняется, насмешливо отметил про себя Хартвиг, замедля шаг вслед за хозяйкой. Ивонна задержалась у витрины книжной лавки.

– Желаете зайти? – Увидев богато одетую девушку, на порог выскочил худенький седой старичок с очками на носу и услужливо затараторил: – Пожалуйста, госпожа. Моя лавка – самая крупная в городе. Здесь вы найдете такие книги, каких больше нет ни у кого.

Ивонна помедлила. А торговец продолжил заманивать ее в лавку:

– Мифологические сказания, самая полная история Невендаара от создания его Бетрезеном до наших дней, легенды эльфов, расшифрованные пророчества эльфийского провидца Лаклаана, жизнеописания эльфийской чародейки, королевы Таладриэль! Заходите, выбирайте.

– А нет ли у вас романа о приключениях рыцаря Торвальда? – решившись, спросила Ивонна.

– Торвальда? – Старик задумчиво поскреб бороду. – Что-то не припоминаю. Зато у меня есть другие книги о благородных и бесстрашных рыцарях. О Бэтмаре, Сильвестре, Шварце, Кассиане, – он принялся на одном дыхании перечислять имена.

Ивонна покачала головой и отвернулась от витрины, потеряв к ней всякий интерес.

– Благодарю, все это я уже читала.

– Посмотрите другие книги! – не сдавался торговец. – Таких вы не найдете больше

нигде!

Но Ивонна уже удалялась прочь, оставшись равнодушной к уговорам.

– А что эта книга про Торвальда, – подал голос Хартвиг, – интересная?

– Это неважно, – недовольно ответила Ивонна, давая понять, что не желает обсуждать эту тему.

Хартвиг пожал плечами. Не больно-то ему интересны эти книги. Он за всю жизнь ни одной не прочитал и не понимал, что может быть увлекательного в придуманных историях. Разве они сравнятся с настоящей жизнью? Он всего лишь хотел поддержать беседу, сделать приятное Ивонне. Если она этому не рада – он и помолчит.

– И все-таки, Ивонна, – нарушил он молчание уже у входа в гостиницу, – как скоро мы отправимся в путь? Наемные воины готовы выехать хоть завтра.

– Выедем, как только поправится Вернер, – тоном, пресекающим возражения, ответила Ивонна. – Увидимся за обедом.

Хартвиг тяжело вздохнул. Похоже, в Трамории придется задержаться дольше, чем он ожидал.

– Ну что, голубчик, хватит, навалаясь! – загудел над ухом Вернера строгий, назойливый женский голос, и сна как не бывало. – Все на тебе зажило, не вижу повода тебе здесь дальше прохлаждаться, нагостился! Пора уже и другому хворому место освободить. Не тебе одному моя помощь нужна. Да и хозяйка твоя уже заждалась, пока ты на ноги встанешь.

– К-какая хозяйка? – Вернер приподнялся на постели, сонно шурясь.

У изголовья сидела тучная монашка с невыразительным блеклым лицом и строгими глазами, которые, казалось, видели его насквозь. Вернер даже поежился от мысли, что монашка сумела подглядеть и его сны, в которых он получал награду от самого императора, признавшего его лучшим волшебником Империи, и теперь от души потешалась над ним.

– Какая! – передразнила его монахиня. – Госпожа Ивонна. Или ты слуга двух господ? – Она насмешливо прищурилась.

Вернер хотел возразить, что Ивонна ему никакая не хозяйка, но в горле вдруг пересохло, когда он вспомнил, какой беззащитной лежала Ивонна на земле, какой страшной была ее рана.

– Она жива? – хотел спросить он, но из горла вырвался только хрип, и он закашлялся.

Монахиня засуетилась, подала ему кружку с водой.

А когда Вернер откашлялся и смахнул с ресниц выступившие слезы, на пороге стояла она...

– Госпожа Ивонна, – заулыбалась целительница. – Можете забирать своего мага. Жив, здоров, целехонек! Кровь с молоком, а не парень!

Монахиня так нахваливала его, что Вернер почувствовал себя коровой на ярмарке и невольно покраснел, что не укрылось от пристального взгляда Ивонны. – Ты уверена, Бригитта? – строго спросила она целительницу и с заботой обратилась к Вернеру: – Вернер, у тебя, кажется, жар?

– Быть того не может! – всплеснула руками монахиня. – Я ведь от него четыре ночи не отходила, все хвори отвела.

– Нет у меня никакого жара, – угрюмо ответил Вернер. – И вообще, залежался я тут.

– А я что говорю? – обрадованно затараторила монахиня. – Собирайся, голубчик, собирайся. – И, подхватив Ивонну за локоток, вывела ее в коридор.

Вернер с облегчением выдохнул и откинул покрывало. Жар у него разыгрался от того, что он в одном исподнем на постели лежит, а Ивонна, одетая с иголки, его рассматривает.

На лавке вместо своих старых потертых штанов, искусно залатанных матерью, он обнаружил крепкие новые. Рядом лежали чистая рубаша и куртка из мягкой телячьей кожи. На полу стояли новые кожаные ботинки. Вернер еще больше вспыхнул при мысли о том, кто выбирал ему обновку. А уж мысли о том, во сколько влетело Ивонне его пребывание у монахини, которая четыре ночи с ним возилась, и вовсе от себя отогнал, чтобы не

расстраиваться.

Вспомнив об ужасном зуде после боя, он внимательно разглядел ногу до колена, дотронулся до гладкой, еще не успевшей покрыться мужским волосом, кожи.

– Примерецилось, – пробормотал он вслух. И не удивительно! Такую ночь пережил! Как вообще умом не тронулся. Перекошенные лица орков, оскаленная пасть адского чудовища, страшный голос, зовущий ангела... Вернер содрогнулся и торопливо натянул штаны. Они пришлись впору, рубашка тоже была словно сшита на него. Ботинки, предмет его давних мечтаний, оказались выше всяких похвал. А вот куртка была великовата в плечах, что расстроило юношу.

Внезапно он хлопнул себя по груди, вспомнив о семейном медальоне, и, не обнаружив его, похолодел. Исчезла единственная его память об отце! Неужели он потерял медальон на поле битвы с орками? Но внезапно на тумбочке у изголовья кровати, где стояла кружка с водой, что-то сверкнуло, и Вернер увидел свою пропажу. Слава Всевышнему! Он торопливо повесил медальон на шею, спрятал его под одеждой. Интересно, что подумала монахиня, когда заметила украшение? И знает ли о нем Ивонна?

Потом он вспомнил еще об одной важной вещи и бегло оглядел комнату – узкую, небольшую, с кроватью у стены и лавкой возле окна. Не найдя своей котомки, с беспокойством выглянул в коридор и увидел, как Ивонна вложила в широкую ладонь монахини увесистый кошель. Да там, должно быть, целое состояние! Целительница сноровисто убрала кошель и обернулась к нему:

– Готов, голубчик?

– А моя котомка... где она?

Монахиня непонимающе захлопала глазами, и у Вернера упало сердце. Неужели его книга заклинаний утеряна? И теперь, как новичку, придется начинать все сначала?

– Она в гостинице, – вмешалась Ивонна. – Все твои вещи там.

– Тогда идемте.

Сделав шаг за порог, Вернер задержался, чтобы поблагодарить Бригитту.

– Береги себя, сынок, – добродушно прогудела она. – Доброй дороги!

Вслед за молчащей Ивонной Вернер спустился во двор, где их ждал Хартвиг.

– Наконец-то! – Лицо воина просияло. – Хвала небесам, ты поправился!

Радость Хартвига была такой искренней, что Вернеру сделалось неловко.

– И хвала Бригитте, – с улыбкой дополнила Ивонна.

– И золотым запасам госпожи Ивонны, – с сарказмом добавил Вернер.

Ивонна безо всякого смущения взглянула ему в лицо.

– Это самое малое, чем я могла тебя отблагодарить за спасение моей жизни.

– Значит, теперь мы в расчете? – с вызовом спросил Вернер.

– А ты, парень, как будто не рад? – вмешался Хартвиг. – Ну-ну, не будем ссориться.

Вернер пожал плечами: ему-то что? Ссорься, не ссорься, теперь они порознь. Он уже в Трамории, отныне у него своя дорога, в столицу, к знаниям и славе, а у Ивонны с Хартвигом – своя. Но почему-то при мысли о том, что скоро предстоит расстаться с недавними попутчиками, на Вернера накатила тоска. Ничего, думал он, идя вслед за этими двумя к гостинице, где находились его вещи. Это все потому, что они вместе пережили такое, что никогда не забудется.

Ивонна с Хартвигом молчали, и невозможно было понять, о чем они думают. А Вернер, пользуясь тем, что на него не обращают внимания, глазел по сторонам. В городах он не бывал, даже будучи маленьким наследником знатной семьи, и теперь все ему было в диковинку. И блестящая на солнце мостовая, и красивые, в два этажа, дома из серого камня, похожие на замки в миниатюре, и многочисленные лавки, манившие вывесками, и гарцевавшие по мостовой рыцари и ассасины, и гном, стоявший на пороге оружейной мастерской, и чудно уложенные прически дам, и нарядно одетые жители.

Один из них, по виду его ровесник, как раз шел им навстречу, расфуфыренный, как жених на свадьбе. Вернеру сделалось нестерпимо стыдно за свою бедную, залатанную

одежду. Он невольно одернул рубаху и внезапно понял, что его одежды, в которой он вышел из деревни, больше нет. Стоит поблагодарить за это Ивонну. Хорош бы он был на улицах Трамории в своей пыльной ветоши и сношенных башмаках! Сразу было бы видеть деревенщину. Зато теперь он одет в новенькие вещи и выглядит ничуть не хуже идущего навстречу модника.

При этой мысли Вернер приосанился и торжествующе взглянул на юношу. Но тому не было никакого дела до Вернера и его одежды. Он не сводил глаз с Ивонны. Даже шаг замедлил, каков нахал! А когда и это не помогло, и Ивонна, не обращая на него внимания, прошла мимо, модник даже шею свернул, глядя ей вслед. За что и поплатился.

Вернер не отказал себе в удовольствии проучить горожанина и подставил ему подножку. Парень растянулся на мостовой, а Вернер со злорадной ухмылкой продолжил путь. Надеюсь, победно думал он, это отобьет у модника охоту засматриваться на чужих невест!

Вскоре Хартвиг с Ивонной свернули в кованые ворота. Войдя вслед за ними, Вернер замешкался при виде богатого двухэтажного здания из красного камня. Гостиница называлась «Красный цветок» и выглядела настоящим дворцом. Некстати вспомнился постоялый двор на тракте, откуда его прогнал хозяин...

Хартвиг окликнул его, и Вернер заторопился к крыльцу.

Владелец гостиницы, встретивший их у входа, оказался полной противоположностью тучному грубому хозяину постоялого двора. Это был энергичный мужчина средних лет, встретивший их с большим радушием.

– Комната для господина уже готова! – обратился он к Вернеру, онемевшему от такого почтительного обращения. – Какое счастье видеть вас в добром здравии!

Жаль, вздохнул про себя юноша, что не придется заночевать в этом дворце. Он только вещи свои заберет и тут же распрощается со своими попутчиками.

– Слышали последние известия по поводу звезды? – доверительно понизив голос, подмигнул хозяин, обращаясь сразу ко всем трем постояльцам. – Говорят, что это знак Всевышнего. Император послал отряд рыцарей к месту падения звезды. Интересно, что они там найдут?

Однако Ивонна пресекла продолжение разговора, вежливо, но твердо сообщив:

– Прости, Оствин, но мы торопимся.

– Да-да, конечно! – Оствин посторонился, пропуская их к лестнице, ведущей в комнаты. – Приходите на обед. Сегодня рыбная уха и жаркое из молочного поросенка.

У Вернера аж слюнки потекли от перечисления блюд. Сколько ж дней он не ел? В дороге питался одним хлебом и яблоками, а потом провалялся больным, и монахиня кормила его какой-то баландой.

– Благодарю, – кивнула Ивонна. – Обязательно придем.

Что ж, ободрившись, решил Вернер, если пригласят отобедать, отказываться он не станет. Надо же подкрепиться, прежде чем продолжать путь.

Наверху Хартвиг отвел Вернера в отдельную комнату – она оказалась втрое больше того закутка в доме Бригитты, где Вернер провалялся последние дни. Пока юноша в восхищении рассматривал красивое убранство, пуховую постель, огромную дубовую лохань в углу, расшитые занавески на окнах, Ивонна сходила к себе и принесла его котомку.

– Благодарю, – кивнул Вернер и в волнении заглянул внутрь.

Книга была там. Он аккуратно вынул ее, перевернул страницы, убедившись, что ценные заклинания, его единственный на сегодня капитал и возможный источник заработка, не пострадали.

– Все в порядке? – участливо спросила Ивонна.

– Да-да, спасибо. – Он сложил книгу обратно. – Что ж, не буду вас больше затруднять. Вы и так из-за меня задержались в пути.

– Что верно то верно, – ворчливо заметил Хартвиг.

– Тогда прощайте. Желаю доброго пути домой. – Слова прощания дались ему тяжелее,

чем он думал. Голос все-таки дрогнул, и Вернер торопливо развернулся, чтобы успеть уйти с достоинством.

– Постой, – окликнул его срывающийся голос Ивонны.

Он обернулся.

– Вернер, я совсем не знаю тебя и не знаю, что привело тебя в Траморию. У тебя здесь важное дело? – нерешительно спросила Ивонна.

Важное дело? Сперва ему предстоит искать работу, потом, если повезет заработать, он купит лошадь. А если не повезет, можно напроситься в повозку к купцам, едущим в столицу за товаром. Попытка не пытка. Только говорить об этом Ивонне неловко и ни к чему. А она меж тем смотрит на него с таким ожиданием, словно от его ответа зависит ее жизнь.

– Так, есть кое-какие дела, – туманно ответил Вернер.

– Срочные? – приуныла Ивонна.

Вернер важно кивнул: мол, важнее не бывает. И тогда Ивонна решилась.

– Вернер, нам надо продолжать путь. Воинов для сопровождения мы набрали, монахиню посоветовала Бригитта. Не хватает только мага.

Юноша непонимающе смотрел на нее.

– Я бы хотела, чтобы ты поехал с нами, – сказала Ивонна.

У Вернера перехватило дыхание. Она шутит?

– В качестве кого? – кашлянул он.

– Мага, разумеется.

– Но я только ученик, – возразил Вернер.

– А я что говорил? – проворчал Хартвиг, обращаясь к Ивонне. – Хорошо еще, что я запомнил адрес того мага, про которого тебе говорил...

– Харт! – строго оборвала его Ивонна и повернулась к Вернеру: – Ты доказал, что способен на многое. Я не хочу другого мага.

Хартвиг шумно вздохнул, всем своим видом протестуя против решения хозяйки в пользу более опытного сопровождающего.

Вернер в смятении переводил взгляд с воина на девушку.

– Ты для меня – лучший маг на свете, – продолжила уговаривать Ивонна. – И я вознагражу тебя так, как вознаградила бы самого искусного волшебника в Империи.

Далее прозвучало такое число монет за день, какое заставило Вернера онеметь. Он и не надеялся заработать столько в Трамории! К тому же служба у такой знатной особы, как Ивонна, сделает честь любому магу, а уж его, ученика, сразу поднимет на целую ступень. Вот только служба непроста. Путь от Трамории до Левенделла неблизкий, опасностей ждет немало. Возможно, придется еще не раз рисковать своей жизнью. И хотя их будут сопровождать воины, в прошлый раз не очень-то они им помогли... Сблэзн заработать и прославиться службой у Ивонны был велик, но и погибнуть можно почем зря. И тогда уж никакие богатства нужны не будут...

Кроме того, Вернеру некстати вспомнились слова Гидеона. Боевому магу в пути придется убивать, и не раз, а это грозит превращением в зверя. Но ведь он уже убил орка. И ничего не произошло. Юноша внимательно осмотрел себя, облачаясь в одежду, и ничего подозрительного не заметил. Значит, наставник просто припугнул его, и никакого заклятья на самом деле нет.

Вернер спохватился, поняв, что Ивонна по-прежнему смотрит на него в ожидании ответа. Конечно, ее предложение очень лестное. Но, прежде всего, надо быть честным и трезво оценить свои возможности.

– Ты должна знать, что я не так искусен, как ты обо мне думаешь, – предупредил он Ивонну. – И было бы разумнее прислушаться к Хартвику и нанять опытного мага.

– Мне будет спокойно, если рядом будешь ты, – упрямо повторила Ивонна.

И в ее голосе было столько мольбы, столько надежды и столько затаенного страха перед новыми опасностями, которые могут встретиться в пути, что Вернер сдался.

В конце концов, он был бы глупцом, если бы упустил такой шанс. На заработанные

деньги он сможет обучаться у лучшего мага в столице. А может статься, что о его подвигах заговорят еще раньше, чем он туда доберется!

О том, что ему одинаково трудно как отказать Ивонне, так и расстаться с нею, Вернер старался не думать. Она – хозяйка. Он – маг, который ей служит. Что тут еще можно сказать?

В путь было решено отправиться наутро. Остаток дня ушел на сборы. Хартвиг отправился предупредить наемников. Ивонна договаривалась с хозяином гостиницы о провизии в дорогу. Оствин выразил сожаление, что дорогие гости покидают его так скоро, но пообещал приготовить все в лучшем виде. Вернер же пошел искать лавку волшебника, чтобы разжиться необходимыми зельями, на покупку которых Ивонна выделила увесистый кошель.

С этого дня он отвечал за жизнь Ивонны и ее спутников, и осознание этой ответственности заставило его стремительно повзрослеть. Еще утром он шел по городу, глаза по сторонам и мечтая то посетить попавшийся по дороге трактир, то заглянуть в лавку с красивой вывеской.

Сейчас же молодой маг не обращал внимания на соблазны города. Выходя из гостиницы, он обстоятельно расспросил хозяина, где ему найти толкового волшебника, торгующего дорожными зельями, и теперь мысленно считал повороты, чтобы не заблудиться в лабиринте улочек.

В лавке волшебника Вернер провел примерно час, сперва дотошно расспрашивая о зельях, затем придирчиво выбирая колбочки и скрупулезно подсчитывая необходимое количество, так что со старика сошло пять потов. И когда привередливый покупатель покинул лавку, унося в заплечной суме два десятка бутылочек из небьющегося стекла, волшебник вздохнул с видимым облегчением.

Был доволен и Вернер – теперь в его распоряжении был целый арсенал средств от ожогов, отравлений, ран и даже от переломов. К тому же первоначальную цену удалось сбить вдвое, так что кошель Ивонны опустел лишь наполовину. Дорога дальняя – успеет она их еще потратить. Золото лишним никогда не будет.

По дороге в гостиницу внимание Вернера привлек шум на городской площади. Потолкавшись в толпе, юноша узнал, что дело вновь в упавшей звезде. Приехавшие из Фергала купцы рассказали, что страж столицы Мизраэль подтвердил слова провидцев о том, что звезда – посланница неба, ангел, отправленный небесами во спасение народа Невендаара. Отряд рыцарей под руководством капитана Ламберта отправился на ее поиски и сейчас, должно быть, уже нашел чудесную гостью. Горожане высыпали на площадь и бурно обсуждали новость, торопясь рассказать о ней тем, кто еще не слышал.

Утолив любопытство, Вернер повернул к гостинице. Небесная посланница – это, конечно, хорошо. Спасение Невендаара – это, несомненно, важно. Но его целей это никак не меняет. Для него сейчас самое важное – сопроводить Ивонну до дома в добром здравии, сдать на руке папаше и жениху, получить свое вознаграждение и причитающиеся ему благодарности.

Если повезет, отец Ивонны еще и рекомендательную грамоту ему напишет. А там Вернер отправится в столицу. И, если повезет, своими собственными глазами увидит спасительницу Невендаара. Почему-то она представлялась ему убеленной сединами монахиней, очень похожей на Бригитту.

Внезапно Вернер споткнулся, пораженный внезапной догадкой. Так вот о каком ангеле твердил страшный голос в его голове, вот кого ищут Легионы Проклятых!

Ликование от известия о небесной посланнице сменилось тяжелым чувством. Что ж, от него все равно ничего не зависит. Остается только надеяться, что капитан Ламберт в состоянии уберечь ангела от служителей Бетрезена.

Глава 6

Осложнение

Из Трамории выехали на заре. Ближайшим на пути городом был Триэль, следующим Фергал, а оттуда еще половина пути до Левенделла.

Во главе отряда выступал Хартвиг, рядом с ним, вцепившись в поводья, ехал Вернер. Для езды верхом ему не хватало опыта, но юноша отважно держался в седле, вспоминая, каким ловким ездоком был его отец. Хартвиг предлагал ему ехать в повозке с Бенедиктой, но Вернер решительно отверг это предложение. Не хватало еще трястись в телеге с унылой монашкой. Высокая, сутулая и неказистая, старше его самого года на два, она отчего-то невзлюбила его с первого взгляда.

При виде Вернера прозрачно-серые глаза Бенедикты становились строгими и разве что молнии не пускали, а тонкие бескровные губы сердито сжимались. Тусклые русые волосы монахиня собирала в две косы, которые плетями взлетали вверх, когда повозка подпрыгивала на кочках.

Сразу за предводителем и магом следовали два наездника – новый лучник Стив и мечник Кельс, которому повезло выжить в битве с орками. Еще один счастливчик, юный мечник Дин, все так же правил каретой Ивонны, которая ехала следом. Карета была новой, но по удобству ничем не уступала прежней. За ней плелась повозка с поклажей, в которой ехала монахиня Бенедикта. Замыкали шествие три наемника из Трамории – Гаррис, Ральф и Нейт. Их владение мечом Хартвиг проверял лично. Последнюю проверку он устроил им накануне вечером, и Вернер с интересом поглазел на захватывающую схватку.

Теперь же по сторонам от дороги тянулся знакомый пейзаж: зеленые озера лугов и пшеничные ковры полей сменяли живописные холмы и солнечные рощицы.

– Хартвиг, – обратился Вернер к предводителю, – скажи, что у тебя за меч?

– Этот-то? – Воин любовно погладил серебристую с золотым рукоять. – Карающий Меч Императора. А что?

– Никогда такого не видел, – простодушно признался Вернер. – Но в бою с орками он произвел впечатление.

– Хорошее оружие, – с улыбкой признал Хартвиг. – Служит мне уже не один год, и я его ни на что не променяю.

По левую руку показались горные пики, похожие на зубы дракона.

– Хартвиг, – с любопытством окликнул юноша, – а что это за горы?

– Эти-то? – Предводитель снял шлем, отер выступивший от зноя пот. – Паучьи.

– Паучьи? – настороженно переспросил Вернер.

– Да, – Хартвиг не упустил случая подтрунить над ним, – там живут страшные голодные пауки, размером вдвое больше, чем твоя лошадь.

Вернер отвернулся, ничего не ответив. Ему вспомнился один из рассказов путешественника Кайла, который побывал в эльфийском лесу и чудом спасся от хуорна. На этом его приключения не закончились. Сбившись с пути, он оказался в Паучьих горах и столкнулся с пауками, каждый из которых, по его заверениям, был размером с деревенский дом. А Хартвиг вон говорит, что с лошадь. На самом деле, наверное, паук не больше кошки.

Сейчас Вернера куда сильнее волновало то, что уже через несколько дней он увидит Фергал. Интересно, какой он, главный город Империи? Ему представлялось, как красивые замки с узкими окнами высятся из-за крепостной стены, по улицам, как быстрая широкая река, течет людская толпа, на главной площади перед императорским дворцом с утра до ночи журчат фонтаны, а над высокой Башней Магии парит грациозный дракон.

Жаль, что из-за слова, данного Ивонне, в городе он проведет всего одну ночь. Придется подождать до возвращения и отложить встречу со старым приятелем Дрезденом, который сейчас бродит по мощеным улицам столицы.

Дорога свернула в лес, и всадники сбавили ход. Ветви деревьев то клонились к земле, то сплетались высоко над головой зеленым сводом, закрывая небо. Дорога казалась узким коридором, прорубленным в живой изгороди леса.

– Будьте начеку! – предупредил Хартвиг, настороженно вглядываясь в обступившую отряд чащу. – По пути в Меласем я видел в этом лесу перевернутую телегу. Похоже, здесь

бушуют разбойники. Помоги нам Всевышний, чтобы миновать это место без задержек.

В звенящей, напряженной тишине отряд доехал до середины леса. Вернер обернулся и с тревогой увидел, как просвет в том конце пути исчез на глазах – словно деревья сошлись, отсекая путь назад. А потом какая-то быстрая темная тень мелькнула совсем рядом с дорогой.

– Здесь что-то есть! – в волнении вскрикнул Вернер.

Но отступить уже было поздно. Лес, прежде безлюдный и молчаливый, наполнился свистом стрел, взорвался людским криком. На дорогу, окружив отряд, высыпали разбойники. Сразу двое повисли на поводьях лошади Вернера и, не успев опомниться, стянули его на землю. Хартвиг сумел серьезно ранить пятерых, прежде чем его выбили из седла и он оказался на земле.

Между остальными головорезами и воинами, обступившими карету, завязалась драка. Монахини не было видно – Вернер надеялся, что она успела укрыться в карете Ивонны и сможет оказать посильную помощь воинам и ему самому. Быстро оглядев толпу нападавших, Вернер понял, что мага среди этого сброда нет, сноровкой противник тоже не отличается, и пока его преимущество заключается только в числе и в грубой силе.

Увернувшись от неуклюжего, но мощного удара меча, юноша откатился на обочину и ударил по разбойникам молнией. Молния отбросила их на несколько шагов, но затем они с еще большим ожесточением кинулись атаковать экипаж. Сбоку раздался рык: выхватив кинжал, на Вернера несясь крепкий бородатый мужик с безумным взглядом. Такого только подпусти близко – убьет, не раздумывая.

Вернер тоже колебаться не стал – ударил по силачу цепью молний, с юношеским азартом отметив: получилось! Разбойник рухнул, как подкошенный, косматая борода от разряда встала дыбом. Похоже, уже не встанет. Сожалений в сердце не шевельнулось. Вернер хорошо усвоил наставления Хартвига, которые тот дал воинам перед отъездом из Трамории. «Разбойники – дикари, в них не осталось ничего человеческого. Жалеть их нельзя, – строго втолковывал предводитель. – Или они нас, или мы их. А если они нас, то впредь пострадают ни в чем не повинные люди...» Вернер и не жалел, повернулся на движение сбоку, уклонился от удара, и крестьянские вилы вонзились в дерево за его спиной. А незадачливого головореза, высокого детину, похожего на здоровяка Норда, подкосила цепь молний.

Внезапно Вернера окатило жаром, словно огонь пробежал под кожей ног от ступней до колен. А следом начался нестерпимый зуд, как будто десятки пчелиных жал разом впились ему в ноги изнутри, норовя вырваться наружу. Совсем как тогда, на поле с орками. «Всевышний! – охнул Вернер. – Что со мной?» Но отвлекаться было некогда.

Позади раздался треск – это пробирался через кусты лучник, торопясь примкнуть к своим приятелям-разбойникам. Воины Хартвига пока успешно отражали атаку, не нуждаясь в помощи, и, движимый азартом, Вернер откатился в сторону, чтобы подкараулить лучника. Он дождался, пока разбойник окажется к нему спиной, и в прыжке повалил его на землю. Лучник зарычал, противники покатались по дороге, сбивая с ног разбойников, отступавших под натиском воинов, и нанося друг другу беспорядочные удары.

Вернер разбил противнику нос, тот едва не сломал ему челюсть, а потом локтем двинул в ребро, которое только недавно вылечила Бригитта. «Надеюсь, Бенедикта окажется достойной ученицей лечилки», – подумал Вернер, стиснув зубы и пытаясь перевернуть противника на спину. Сбоку сверкнула серебристая молния – острый клинок стилета взрезал его куртку в опасной близости от шрама, оставшегося от тяжелой раны орков. Смертельная опасность придала Вернеру сил, и он швырнул лучника на землю, оседлав его. Стиллет в руке поверженного врага взметнулся вверх, но Вернер обрушил тяжелый ботинок на запястье, раздробив кости. Лучник взвыл от боли и выронил клинок. Вернер, не медля, подобрал оружие и занес его, готовясь вонзить в шею противника.

Но вдруг, как наяву, перекрывая крики разбойников, команды Хартвига и звон металла, прозвучал громкий голос Гидеона: «Отныне всякий раз, когда ты принесешь гибель

другому существу, ты станешь постепенно превращаться в волка». Рука Вернера дрогнула, он обернулся, испугавшись, что Гидеон здесь или кто-то услышал его голос, но никому не было до него дела.

Хартвиг, вновь завладев своим конем, наотмашь разил разбойников мечом. Под натиском отряда те отступали, но грозный рык атамана вновь бросал их в атаку, и они кидались вперед, напарываясь на острые клинки. Разбойники проиграли, а их недалёковидный главарь не желал понять очевидное.

Однако поверженный лучник извивался, отчаянно борясь за свою жалкую жизнь и сию же минуту с себя Вернера, и в какой-то момент изловчился и вцепился зубами ему в руку. Собака, с омерзением подумал Вернер. Прав был Хартвиг, разбойники – это дикари, в которых не осталось ничего человеческого. Единственное, что ими движет, – это жажда наживы, и они, не колеблясь, убьют любого, кто встанет на их пути, будь то женщина, старик или ребенок. При мысли о том, что стало бы с Ивонной, если бы до нее добрались эти звери, Вернер взвился от гнева и выкинул ладонь, готовясь нанести смертельный удар, как вдруг с разбитых губ лучника сорвался стон, в котором он с изумлением расслышал свое имя. Клинок дрогнул, вскользь пройдя по шее разбойника и оставив неглубокую царапину.

– Вер... нер, – отчетливо повторил лучник.

– Откуда ты меня знаешь? – Вернер вцепился ему в плечо, пристально вглядываясь в незнакомое лицо.

Он был готов поклясться, что прежде не встречался с этим смуглым бородачом с отчаянным взглядом и грубым оплывшим лицом – говорят, такое случается, когда злоупотребляешь крепким гномьим элем.

– Не узнал? – горько усмехнулся лучник, и на его губах запузырилась кровавая пена, окрашивая красной влагой светлую щетину. – Это же я, Дрезден.

– Врешь! – с негодованием выкрикнул Вернер. – Ты не Дрезден, ты...

Врун, хотел добавить он, но осекся, заметив знакомый взгляд разноцветных глаз. Когда-то они светились лукавством, теперь были тусклы, как еле тлеющие головешки. Мягкие юношеские черты лица поглубели, ожесточились. Борода придавала приятелю совершенно другой вид, сделав из беззаботного юнца прожженного бандита. А солнечная улыбка превратилась в хищный оскал.

– Дрезден, – ошеломленно пробормотал Вернер, скатываясь с приятеля, – что с тобой произошло? Я думал, ты стал знаменитым охотником в Фергале, добываешь дичь к императорскому столу.

– Как же, – глумливо ухмыльнулся тот, поднимаясь на ноги и придерживая сломанное запястье другой рукой. – В столице и без меня полно искусных охотников. Это в деревне меня уважали, а в Фергале я оказался никому не нужным бродягой, которому приходилось вымаливать работу. Я быстро оттуда слинял.

– Но почему же ты не вернулся в деревню? – удивился Вернер.

– После того, что я видел в столице? – Дрезден хрипло, неприятно рассмеялся. – Фергал – это отравка. Побываешь там однажды, поймешь, какая она, настоящая жизнь, и уже другой не захочешь. Месяц на тракте – и я могу три дня гульнуть в Фергале. Больше радости мне и не надо.

– И это теперь твоя жизнь? – пораженно воскликнул Вернер. – Грабить и убивать?

– Осуждаешь меня? – Дрезден с вызовом взглянул на него, и юноша понял, что разбойник, который стоит перед ним, – лишь призрак его старого приятеля. И в нем уже не осталось ничего того, за что он любил охотника Дрездена, – радости жизни, безудержного веселья, сердечного тепла.

– А ты, я смотрю, магом заделался? – насмешливо протянул Дрезден. – Теперь охраняешь богатеньких от такого отребья, как я? Какая ирония Всевышнего!

– При чем тут ирония? – сердито возразил Вернер. – Всевышний не толкал тебя к разбою, ты сам выбрал эту жизнь.

Договорить им не дали: с другой стороны дороги раздался топот лошадей и людские

крики. Вдалеке показался большой отряд воинов в синих плащах и сияющих серебром шлемах.

– Уходим, стражники! – истошно завопил главарь и первым нырнул в лес.

Разбойники бросились врассыпную, ломая кусты и торопясь скрыться от имперской стражи, бывшей грозой преступников и защитой мирного населения.

Дрезден пристально взглянул на Вернера, будто хотел что-то сказать, но потом махнул здоровой рукой и кинулся в лес, крикнув на бегу:

– Бывай, маг!

Вернер с оторопью смотрел в спину бывшему товарищу. В голове не укладывалось, что этот заматеревший, почерствевший сердцем разбойник – его приятель Дрезден.

Дрезден уже добежал до кустов, откуда появился, еще мгновение – и скроется в чаще. Как вдруг над плечом Вернера просвистела стрела, и приятель, так и не сделав спасительного шага, неуклюже взмахнул руками и замертво рухнул на землю. Вернер бросился к нему на непослушных ногах, перевернул на бок, стараясь не потревожить торчавшую в спине стрелу. Но Дрездену уже было все равно. Стрела, пущенная искусным лучником, пронзила самое сердце разбойника, и с ее наконечника, пробившего грудную клетку, стекала алая кровь.

– Как же так, Дрезден, – пробормотал Вернер, глядя в удивленно застывшие глаза приятеля. – Как же ты так?

За спиной громыхали копыта лошадей. Предводитель стражи на ходу обменялся парой слов с Хартвигом и отдал команду своим людям. Воины императора устремились в погоню. Рядом с Вернером мелькнул синий плащ, сверкнул клинок, направленный на него. Стражник, увидев юношу в походной одежде рядом с телом разбойника, принял его за одного из них.

– Он с нами! – загремел голос Хартвига.

И стражник равнодушно отвернулся, направив коня в лес. Вернер в последний раз взглянул в разноцветные глаза приятеля – один был серым, другой карим – и закрыл их. Затем провел рукой вдоль мертвеца, вызывая магический огонь. Теперь тело Дрездена не достанется ни хищникам, ни Мортис.

Вернер поднялся с колен, развернулся и, прихрамывая из-за невыносимо жавших башмаков, побрел к карете, чтобы узнать, все ли в порядке с Ивонной. За его спиной трещал огонь, дотла сжигая тело разбойника. Не дойдя до кареты несколько шагов, Вернер обернулся. Он все сделал правильно: от приятеля осталась только горстка пепла.

Прежний Дрезден поблагодарил бы его за это, он бы не захотел после смерти стать марионеткой Мортис, которая может поднять из мертвых любого. А новый Дрезден? Что бы он выбрал, если бы ему представили выбор? Быть может, служба у Безмясой не показалась бы ему такой ужасной? Стараясь не думать об этом, Вернер шагнул к карете.

Ивонна была невредима, только сильно перепугана. Бенедикта отпаивала ее какими-то травяными каплями, пахнущими горечью. А Вернер вдруг вспыхнул при мысли о том, что это горькое зелье на губах Ивонны показалось бы ему медом. Глупец, как ему это только могло в голову прийти? Кто он? Начинаящий маг, босяк, сын прачки, и кто она – дочь знатного вельможи, чужая невеста. Если бы не крестьянский мятеж, лишивший его отца, титула и состояния, Вернер мог бы посоперничать с племянником инквизитора за руку Ивонны. А теперь и мечтать об этом не стоит.

– Ты цел? – беспокойно взглянула на него монахиня. – Подлечить?

– Нет, – поспешно отказался Вернер, – я в порядке. Отойдя от кареты, он увидел, как предводитель стражи прищпорил коня и последовал за своими воинами. Похоже, командир в них уверен, раз задержался с Хартвигом, а не поторопился преследовать разбойников первым.

– О чем говорили? – поинтересовался Вернер у Хартвига, пока остальные воины были заняты тем, что отгаскивали тела убитых, освобождая дорогу.

– Гайден рассказал, что местные разбойники так лютуют, что жители окрестных

деревень обратились с мольбой к императору защитить их. Имперские стражи прибыли, чтобы их уничтожить. Им даже не оставят шанса.

– Шанса? – удивился Вернер.

– А ты не знал? – Хартвиг с горечью усмехнулся. – По решению императора войска нынче пополняют не только воинами по призванию, прошедшими специальную подготовку и доказавшими свое мужество и благородство, но и разбойниками с крестьянами.

– Не вижу знака равенства, – нахмурился Вернер.

– Прости, не хотел тебя обидеть. Дело в том, что разбойникам дают шанс вернуться к нормальной жизни, послужить на благо Империи. Крестьян прельщают заработком и почестями. Про разбойников я вообще не говорю. Один такой гаденыш, – Хартвиг кивком указал на мертвеца, – оказавшись среди новобранцев, может развратить мальчишек. А крестьян просто жалко. Они еще не умеют толком совладать с оружием, а их уже отправляют в приграничный гарнизон, где что ни день – то бой, и они часто погибают в первой же схватке. Пока Ивонна гостила у тетки, я съездил повидать друга, служащего в крепости неподалеку, – добавил он. – И там такого насмотрелся – до сих пор опомниться не могу.

– А этим, значит, даже шанса не дали... – тихо сказал Вернер, глядя туда, где земля впитала прах его бывшего приятеля. Выходит, Дрезден вместе со своими приятелями наводил страх на всю округу. Вернер содрогнулся при мысли о том, какие зверства должны были совершить разбойники, чтобы крестьяне написали прошение самому императору.

– Получается, по дороге в Меласем мы чудом здесь проскочили, – хмуро заметил Хартвиг. – Тогда я видел брошенную пустую повозку и трех мертвых крестьян. Один был совсем ребенок.

И в который раз Вернер подумал, что прежний Дрезден, которого он знал, не мог совершить подобных зверств. Пользуясь тем, что Хартвиг отошел к Ивонне, а воины заняты своим делом, Вернер, прихрамывая на распухших ногах, завернул за густой малинник. Убедившись, что никто за ним не наблюдает, закатал штанину и чуть не вскрикнул от ужаса.

Похоже, Гидеон не шутил, когда говорил о заклятии. Превращение началось, свидетельством чему были ноги, покрытые до колен волчьей шерстью. Так вот в кого он превращается, в презренного волка! С детства Вернер ненавидел этих хищников всем сердцем. Укладывая его спать, мать нашептывала ему сказания о богах Невендаара, и одно из них, о боге Горных Кланов Вотане, который превратился в волка и вырвал сердце из груди эльфийского бога Галлеана, особенно врезалось ему в память. Как наяву он услышал печальный голос матери, рассказывающий о желании Вотана захватить земли эльфов и погрузить Священный лес в вечную зиму. Именно это толкнуло его на убийство Галлеана. Помнил Вернер и слезы в глазах матери, когда она рассказывала о горе светлой богини Солонизель, оплакивающей возлюбленного супруга. Страдания Солонизель были понятны Гелене, недавно потерявшей мужа. От всей души сочувствуя Солонизель, Гелена люто ненавидела ту, кем стала светлая богиня, – Мортис.

Когда волк Вотан забросил живое сердце Галлеана на солнце, чтобы тот не возродился уже никогда, Солонизель отправилась за своим возлюбленным и сгорела в ослепительном пламени. Богиня жизни Солонизель умерла, но в тот же миг возникла бесплотная богиня смерти Мортис. Та Мортис, которая наслала чуму на земли чародеев, Алкмаар. Та Мортис, которая подняла мертвецов и заставила служить себе. Та Мортис, которая создала ужасную армию нежити, чтобы отомстить Вотану и его народу. А отомстив, не пожелала обрести покой, и теперь уже разрозненные отряды нежити бродили по Империи, унося жизни невинных людей. А началось все из-за Вотана, покусившегося на земли эльфов.

И теперь Вернер сам превращается в ненавистного зверя. Худшего наказания Гидеон и придумать не мог! Морщась от боли, сдирая кожу в кровь, он с трудом стащил ставшие совсем узкими башмаки. Ступни, хотя покрылись шерстью, еще сохраняли человеческую форму, благодаря чему он не утратил способности передвигаться пешком, но увеличились и в длину, и в ширину, из-за чего башмаки сделались негодными. Вдобавок вместо ногтей выросли крепкие звериные когти, которые выдвигались из плоти на два пальца.

В шаге от него раздались голоса мечников, и сердце Вернера сжалось от ужаса. Нельзя, чтобы кто-нибудь увидел, что с ним происходит! Он торопливо расправил штанины, попробовал натянуть башмаки на изуродованные заклятием ноги, но тут же осознал тщетность своей попытки. Сейчас мечники шагнут за малинник, сейчас увидят его...

Время как будто замерло, застыло. Вернер уже представил себе брезгливые гримасы спутников, их ошеломленные возгласы, гнев на лице Хартвига, ужас в глазах Ивонны.

Но воины прошли мимо, потом затрещали кусты, что-то тяжело упало на землю. Мертвец, понял Вернер. Мечники продолжили расчищать дорогу. А Вернер, поддавшись наитию, осторожно подкрался к тому месту, куда упало тело. Это был тот самый бородастый силач, которого он убил первым и смерти которого был обязан активации заклинания Гидеона.

Мертвец лежал к нему ногами вперед, и в глаза Вернеру бросились длинные и широкие в стопе сапожищи с большими голенищами. Не раздумывая, он быстро стащил обувь и, пока его никто не увидел, вновь скрылся за малинником. Обувь пришлось в пору. И, успокоившись оттого, что разоблачение ему больше не грозит, Вернер вышел на дорогу.

Откуда-то из глубины леса донеслись истошные крики – это стражники настигли беглецов.

Мечники тем временем закончили расчищать дорогу. Лучник подобрал стрелы. Бенедикта перебралась в повозку. Отряд был готов продолжать путь, и Хартвиг дал знак отправляться.

Остаток дня прошел без происшествий. Лес остался позади, впереди расстилалась равнина, и все пространство было видно как на ладони. Хартвиг повеселел оттого, что застать их здесь врасплох, как это сделали разбойники, невозможно. Вернер, покачиваясь в седле, с тревогой соображал, как бы ему избавиться от заклятья, пока оно не распространилось дальше. Его нервная кобыла Звездочка тоже беспокоилась, чутко прядая ушами: похоже, чувствовала зверя, пробудившегося во всаднике, но пока не могла понять, откуда грозит опасность.

Вернер едва дождался первого привала, чтобы сесть в сторонку и полистать магическую книгу, оставшуюся от Огастеса. Воспользовавшись тем, что воины отдыхают, Бенедикта готовит похлебку из дичи, которую подстрелили по пути, а Ивонна, под чутким присмотром Хартвига, собирает полевые цветы, Вернер открыл книгу и принялся вчитываться в скверный почерк погибшего мага.

От мелкого, убористого почерка вскоре разболелась голова, но юноша до боли в глазах всматривался в тексты заклинаний, пытаясь отыскать в них свое спасение. Он одолел только четверть книги, когда монахиня стала звать к обеду, и Вернер был вынужден отложить свое занятие до следующего привала.

Обед удался на славу, Бенедикта оказалась настоящей искусницей и получила самую высокую оценку своей стряпни от всех спутников. На удивление, после сытной трапезы не клонило в сон, а откуда-то появились новые силы, и отряд бодро двинулся дальше.

К вечеру, как и планировал Хартвиг, достигли деревни, в которой Ивонна уже останавливалась по пути к тетушке. Хартвиг уверенно направил отряд к дому деревенского старосты. Тот с радушием встретил воина и девушку и, как и прежде, предложил им ночлег. Остальные воины вместе с Вернером расположились в доме напротив, у радушной пожилой женщины. Ее многочисленные дети разъехались по другим деревням, и Кассина была рада гостям, которые хоть ненадолго скрасят ее одиночество и наполнят дом оживлением.

Бенедикту определили по соседству, в дом местного пекаря. Но она даже не успела ступить в ворота. Стоило ей сойти с повозки, как ее тут же окружили крестьяне и наперебой принялись высказывать свои жалобы. У кого-то болел зуб, кто-то демонстрировал ожог от печи, кто-то – застарелую рану, которая ныла до сих пор. Своего лекаря в деревне не было, поэтому приезд монахини стал событием долгожданным, и все торопились воспользоваться случаем и поправить здоровье.

Бенедикта, призвав голосащую толпу больных к порядку, пообещала, что поможет

всем, даже если ей придется не сомкнуть глаз до рассвета. И монахиню увели в неизвестном направлении – в деревне было немало стариков, которым было нелегко ходить, подросток со сломанной ногой, угодивший в волчью яму, и кузнец, спяну раздробивший себе ногу молотом.

Воины, доставшиеся Вернеру в соседи, страшно шумели, хвастаясь своими подвигами. Так что невозможно было сосредоточиться над книгой. Поэтому Вернер ушел на задний двор. Помог нарубить дров хозяйке, а потом вернулся к чтению, а точнее, к расшифровке заклинаний Огастеса, и просидел над книгой, пока совсем не стемнело.

В окнах дома затанцевали огоньки – это хозяйка зажгла лучину. Сквозь неплотно закрытую дверь доносились оживленные голоса. Похоже, в избе спать не собирались. А возвращаться за стол и выслушивать рассказы вояк Вернеру не хотелось. Оставив книгу на крыльце, Вернер вышел за ворота, взглянул на окна старосты. Они были не освещены. Похоже, утомленные дорогой Ивонна и Хартвиг легли спать пораньше.

Вдалеке скрипнула калитка, раздались шаги, в тусклом лунном свете мелькнуло длинное монашеское платье. Вернер двинулся навстречу Бенедикте.

– Управилась до рассвета?

Девушка только вымученно улыбнулась: массовое исцеление словно иссушило ее и отобрало все силы, и теперь она едва держалась на ногах.

– Пойдем, провожу.

Однако, несмотря на усталость, монахиня не потеряла зоркости, и от нее не укрылась странная, вразвалку, походка Вернера.

– А у тебя что? – нахмурилась она, пристально глядя под ноги. – Я заметила, ты прихрамывал еще после нападения разбойников. Задели они тебя? Давай погляжу.

И Вернер на мгновение похолодел при мысли, что она увидит его страшные, покрытые звериной шерстью ноги.

– Все в порядке, – нарочито небрежно ответил он. – Просто не привык к долгой езде в седле.

Такое объяснение монахиню удовлетворило, и, похоже, она вздохнула с облегчением, поняв, что исцеления на сегодня закончились.

Проводив Бенедикту до крыльца, Вернер вышел за ворота и поднял голову. На небе висела полная луна – время оборотней. Сердце Вернера сжалось при мысли, что страшное заклятье разрушает его. Сколько еще осталось до той поры, когда он превратится в волка окончательно и тогда, уже подняв к небу не голову – морду, – станет выть на луну? Нельзя этого допустить, твердо решил он. Что случилось, уже не изменить, хотя попытаться стоит. Завтра он вновь продолжит чтение заклинаний из книги Огастеса. А если в пути встретит мага, то осторожно, чтобы тот ни о чем не догадался, расспросит его об оборотных заклинаниях, может, что и узнает.

Однако сейчас важнее не допустить дальнейшего превращения. С волчьими ногами он еще как-нибудь проживет – спрячет в сапоги, приноровится ходить ровнее. Но как быть, если волчьи когти вырастут на руках? Или, что еще хуже, появится хвост? В лучшем случае его убьют на месте, как только это обнаружится. В худшем – он сгниет в застенках инквизиции, как выродок, противящийся воле Всевышнего. И может, последним, кого он увидит, будет инквизитор Себастьян, который, обагряв руки его кровью, поспешит на свадьбу своего племянника и Ивонны. Вернер содрогнулся от страшного видения и в отчаянии взглянул на луну.

Нельзя этого допустить. Все в его руках! Он станет великим волшебником, известным на всю Империю, и тогда никто не посмеет указать ему на уродство. А пока нужно остановить процесс. Заклинание Гидеона таково, что только его собственные деяния могут спровоцировать дальнейшее превращение. Всего-то и нужно, что никого не убивать. Решено. Отныне в случае нападения он будет использовать преимущественно магию, усиливающую мощь отряда. А для защиты станет применять только легкие заклинания, ослабляющие противника или отвлекающие его внимание. А смертельный удар оставит наносить воинам –

для того они и наняты.

Приняв это решение, Вернер со спокойным сердцем вошел в калитку, поднялся на крыльцо, подобрал магическую книгу. Голоса раздавались уже тише – воины утомились за день, разомлели от обильного ужина и теперь отважно боролись с подступающей дремотой. Но можно быть уверенным, что вот-вот их сморит сон и воцарится долгожданная тишина.

Прежде чем войти в дом, Вернер в последний раз обернулся на луну и вздрогнул. Книга выпала из рук. Луна была красной, как кровь. Значит, тому, что он загадал, не суждено сбыться, понял он. Надо готовиться к худшему.

А потом он заметил, что красная дымка поднимается с земли. Всполохи огня прорываются сквозь стену леса, и в оранжево-алом мареве пожара луна кажется кровавой.

Вернер ворвался в избу, спотыкаясь в темноте о какие-то вещи в сених.

– Хозяйка, – севшим от волнения голосом окликнул он, – что у вас за лесом?

– За лесом? – откликнулась Кассина. – Да там деревня соседняя, Лестайн. – И добавила с ласковой улыбкой, от которой у Вернера сжалось сердце: – Там моя младшая живет, Гизелла, вместе с внуками – Тимором и Дарин.

Далекий всполох костра взмыл в окошке за спиной хозяйки, озарил погруженную в сумрак комнату. Кассина обернулась и заголосила.

Вскоре вся деревня уже была на ногах.

– Дорога между поселениями одна, – сообщил Хартвиг поднятому по тревоге отряду. – Так что, кто бы там этого ни учинил, попасть в деревню по другому пути они не смогут. Слева, как видите, холмы, справа – река. Мы выдвигаемся вперед. И в случае необходимости дадим бой, чтобы не подпустить их к деревне.

– А госпожа Ивонна? – с серьезным видом спросила Бенедикта.

– Она останется здесь. Староста спрячет ее в подполе. Все, едем.

Несколько крестьян, вооруженных кто вилами, чтобы разить врага, кто ведрами, чтобы тушить пожар, порывались бежать вслед за ними. Но Хартвиг убедил их, что от них будет больше толку здесь, а их семьям тоже может потребоваться защита.

Отряд выехал за ограду. Лошадей пустили во весь опор, но все равно опоздали. Хартвиг придержал коня у кромки леса, и приблизившиеся следом воины увидели, как уходит к горам неприятельский отряд: мощные, устрашающие силуэты демонов казались совсем черными в алых всполохах огня, пожирающего деревню. И над пожаром грохотал уже знакомый Вернеру страшный голос: «Приведите мне ангела. Она рядом». Вернер испуганно огляделся, но Хартвиг и воины будто не слышали ничего, кроме треска пожара. Стиснув зубы и отпустив поводья, они смотрели на горящую деревню.

Человек в развевающемся черном плаще шел последним. Выйдя за ограду, он, не оборачиваясь, махнул рукой, и огненный дождь пылающей лавой обрушился на деревню, не оставляя никому шанса на спасение. Вернер содрогнулся: он читал об этом заклинании в книге незнакомца, его слова были вписаны чернилами в его собственную магическую книгу, и он помнил их наизусть. Огненный дождь – так называлось заклинание из книги демонов. Он вспоминал о нем во время битвы с орками, но зеленокожие слишком быстро обступили их, смешались с их собственными мечниками, и Вернер не рискнул применить магию Легионов Проклятых – иначе пострадали бы и свои.

Теперь он до рези в глазах всматривался в черный силуэт демонолога, сияясь разглядеть его лицо. Сейчас бы ему очень пригодилась «приближающая трубка» гномов, о которой он слышал от Гидеона. Трубка состояла из наборов кривых стекол и увеличивала нужный объект в несколько раз. Почему-то Вернер был уверен – это тот самый человек, чью книгу он подобрал у потухшего костра.

Кто-то из молодых мечников порывался нагнать демонов, но Хартвиг грозно прикрикнул на него:

– Их больше, они намного сильнее, неуязвимы и равнодушны к боли. Нам их не одолеть. И себя погубим, и Ивонну без защиты оставим.

– Так что же? – гневно возразил мечник Кельс. – Пусть безнаказанно шлелятся по

нашим землям, уничтожают мирные деревни, несут тьму в Невендаар?

– А мы будем стоять и смотреть? – поддержал его Ральф.

Силуэты демонов слились с ночью, и Хартвиг прищипорил коня, направляя его к горящей деревне. Огненный дождь уже ослабевал.

– Может, сумеем кого-то спасти! – крикнул он отряду.

Кони нырнули в горькое дымное облако, испуганно заржали, попятились. Вернер едва не вылетел из седла.

– Оставим их здесь, – распорядился Хартвиг. – Быстрее!

Вернер сполз с седла, неуклюже заковылял вслед за воинами. Земля жгла подошвы, жар опалял кожу, отравлял внутренности, с неба сыпались жгучие огненные искры. Кажется, он очутился в самой Преисподней. «Если долго вглядываться в Преисподнюю, Преисподняя начнет вглядываться в тебя», – вспомнились ему слова Гидеона. Не этого он хотел, когда мечтал изучить запретную магию. Не смертей, не разрушения, не горя.

Тайные знания, полученные от Бетрезена, казались ему ключом к могуществу. И он убедился в правильности своего убеждения, когда только заклинание из книги демонов остановило зеленокожих и спасло жизнь ему и его спутникам. Но сейчас Вернер наяву увидел разрушения, которые несет магия Легионов Проклятых невинным людям. И от сознания этого ему сделалось невыносимо больно, как будто бы он и сам приложил к этому руку.

Из-за густого дыма почти ничего не было видно, то и дело доносились крики воинов, но не было слышно ни одного незнакомого голоса, ни стога раненого, ни крика о помощи, ни плача ребенка. Идя по дороге между домами, Вернер то и дело натыкался на мертвецов. Это были мужчины, защищавшие свои семьи до последнего вздоха. Рядом с ними валялись вилы и топоры – первое, что попало под руку жителям, на чью спящую деревню напал отряд демонов.

Потребовалось совсем немного времени, чтобы понять: в живых не остался никто.

– Зачем они это делают? – с горечью спросила Бенедикта, когда они покинули сгоревшую деревню и отыскиали лошадей, сбившихся в табун у кромки леса.

– Легионы Проклятых – плоть от плоти Бетрезена. В их каменных сердцах горит огонь ненависти ко всему живому, – дрогнувшим голосом пояснил Хартвиг, взбираясь на коня. – Им не введома жалость. Каждый, кто не преклонится пред Бетрезеном, – враг им. А врагов надо уничтожать.

– А ведь они не так просто здесь оказались, – вдруг с задумчивым видом заметила Бенедикта.

– Думаешь, они что-то искали в этой деревне? – уточнил Хартвиг.

– Скорее всего, деревня просто попала им на пути, – предположила монахиня. – Но ведь куда-то они идут. И ведет их туда воля Бетрезена.

«Они ищут ангела», – с дрожью подумал Вернер. Отрицать очевидное больше не было смысла: вызов адского чудовища обратил на него внимание Бетрезена, и теперь он может слышать приказы предводителя Проклятых, которые тот отдает своим подданным. Вернер помертвел при мысли, что тому, что он задумал, никогда не суждено сбыться. Бетрезен заберет его душу, и он превратится в одного из тех ужасных монстров, которые растерзали спящее поселение.

В деревню вернулись в полном молчании. Крестьяне все поняли по мрачным лицам воинов и заголосили: у кого-то в Лестайне жила родня, у кого-то друзья. Не обошла беда и дом Кассины, в котором остановились Вернер и воины. Услышав про то, что живых найти не удалось, Кассина почернела от горя и залилась горькими слезами, оплакивая семью дочери. Вернер, не имевший представления, как бороться с женскими истериками, поспешил за помощью к Бенедикте. Монахиня обняла старую женщину, что-то успокаивающе зашептала ей на ухо.

Вернер расслышал только что-то о чертогах Всевышнего, куда теперь перенеслись родные Кассины и где они счастливы. Кассина зарыдала еще горше, и Вернер, не в силах

больше этого выносить, отправился спать на сеновале у старосты.

Наутро, пополнив запасы воды и еды, в мрачном молчании выехали в путь.

Дорога уходила вдоль леса, стороной от погибшей деревни, так что Вернер с облегчением вздохнул, что не придется вновь видеть страшное пепелище.

– Смотрите! – вдруг воскликнула Бенедикта, указывая на тропу, ведущую к Лестайну.

Оттуда бегом выскочили перепуганные мужчина и женщина, каждый из них прижимал к груди по ребенку. При виде отряда, покидавшего деревню, они сперва в испуге остановились. Но потом заметили своих и опрометью бросились вперед.

– Наша деревня! – едва сдерживая рыдания, воскликнула молодая женщина. Ее миловидное лицо, искаженное горем, показалось Вернеру смутно знакомым. – Она сгорела дотла.

– Мы знаем, – скорбно кивнул Хартвиг.

– Что случилось? – взволнованно спросил мужчина, державший на руках мальчика лет пяти.

– Демоны, – коротко ответил Хартвиг.

Женщина потрясенно ахнула, из глаз брызнули слезы, младенец на ее руках захныкал.

– Тише, тише, малышка, – принялась успокаивать она дочь, глотая слезы.

– Значит, – глухо спросил ее муж, – никто не выжил?

Хартвиг покачал головой и заметил:

– Вам чудом удалось спастись.

– Мы ходили навестить мою сестру, в соседнюю деревню, – пояснил мужчина. – Засиделись допоздна, решили заночевать. А вон оно как все получилось...

– Вы разве не видели пламени пожара?

– Деревня сестры за холмом находится, нашу оттуда не видать, – потерянно пробормотал мужчина.

Повезло соседям, понял Вернер, демоны чудом обошли спасшуюся деревню и направились в другую сторону.

Малышка на руках женщины вновь захныкала.

– Тише, тише, Дарин, – зашептала мать.

И Вернера осенило.

– Ты – дочь Кассины? Гизелла?

Женщина растерянно кивнула.

А Вернера захлестнуло от радости за гостеприимную хозяйку Кассину, которую чудом миновало горе.

– Идите же к ней скорее, – воскликнул он. – Она оплакивает вас, считая погибшими.

Спасенная семья, торопливо попрощавшись с отрядом, поспешила в деревню.

– Повезло Кассине, – улыбнулся Хартвиг в усы.

– Повезло, – согласился Вернер. – Главное, что все живы. А уж на первое время как-нибудь у нее разместятся. Хозяйка вчера сетовала, что дом большой, и ей в нем одиноко.

– Что ж, ее желание исполнилось, – тихо произнес Хартвиг и добавил, покачав головой: – Но какой ценой!

Встреча со спасшейся семьей приободрила отряд. И хотя вчерашнего оживления начала пути уже не было – события первого дня показали, что дорога далека от увеселительной прогулки и полна опасностей, все же воины воспрянули духом после ночного потрясения.

В душе каждый из них надеялся, что все неприятности, которым было суждено случиться в пути, уже произошли, дорога будет спокойной и безопасной, они благополучно сопроводят знатную девицу до дома и получат хорошее вознаграждение.

Глава 7 Искушение

Солнце стояло высоко над горизонтом, по правую руку расстилались изумрудно-зеленые поля, по левую – пологие холмы, покрытые редким подлеском. Ничто не предвещало опасности, но Хартвиг зорко поглядывал по сторонам, готовый тут же поднять тревогу.

Вдруг на дорогу впереди выбежала простолюдинка и, взмахнув руками, устремилась навстречу всадникам. Когда она приблизилась, стало видно, что незнакомка – отнюдь не крестьянка. Хотя принять ее за простолюдинку было нетрудно: густые черные волосы растрепаны, богатая одежда, выдающая знатное происхождение, порвана и испачкана в грязи. Грудь молодой женщины бурно вздымалась от быстрого бега, а глаза покраснели от слез. На красивом лице застыло выражение отчаяния.

– Помогите, прошу... – Выдохнув эти слова, незнакомка как подкошенная рухнула к ногам лошадей.

Понадобилось время, чтобы перенести ее на повозку и привести в чувство, брызнув в лицо водой из фляжки. Ивонна с сочувствием хлопотала вокруг бедняжки, а вот Бенедикта держалась поодаль, даже сошла на землю и теперь стояла на краю дороги.

– Помоги же ей! – обернулась к ней Ивонна.

Монахиня, втянув носом воздух, насторожилась.

– Отошли бы вы от нее, госпожа. От нее мертвечиной пахнет.

Незнакомка, пришедшая в этот момент в себя, горько разрыдалась, услышав эти слова.

– Она не нежить! – шикнула на монахиню Ивонна. – Ее сердце бьется, и довольно громко.

– Я возвращалась от сестры, – глотая слезы, торопливо забормотала незнакомка и вцепилась в руку Ивонны. – На меня и моих слуг напали живые мертвецы. Слуги задержали их, и мне удалось бежать. Бедняги, они, наверное, все погибли... – Она вновь захлебнулась слезами, и на этот раз надолго.

Подчинившись приказу Ивонны, Бенедикта приблизилась к незнакомке, провела руками, проверяя повреждения и доложила:

– Она цела.

– И все равно, не нравится мне она, – тихо добавила монахиня, вновь отступая к краю дороги.

Когда незнакомку удалось успокоить, она рассказала, что ее зовут Кармила и до замка ее отца рукой подать – он в часе езды, за этими холмами. Но натерпевшаяся страху девушка, вцепившись в руки Ивонны, никак не отпускала их и умоляла проводить ее до дома, опасаясь вновь остаться одна.

– Мы потеряем полдня пути и не успеем добраться до Триэля, как планировали, – недовольно заметил Хартвиг.

– Харт, – сердито оборвала его Ивонна, – нельзя быть таким жестоким. Кармила натерпелась столько страху. Сам подумай, на ее месте могла бы оказаться и я! Неужели мы не поможем беззащитной девушке, попавшей в беду?

– Прошу, не бросайте меня одну, – взмолилась Кармила. – Отец отблагодарит вас. В замке вы сможете пополнить запасы и заночевать.

Похоже, перспектива ночевки в замке устроила Ивонну больше, чем ночлег на постоялом дворе.

– Хартвиг, – не терпящим возражения тоном велела она, – мы должны проводить Кармиллу домой.

– Послушай, Ивонна, – воин отвел девушку в сторонку и поделился с ней своими опасениями, – я плохо ориентируюсь в этих местах и не знаю, что находится за этими холмами. Вдруг там нас ждет ловушка?

– Харт, – сердито перебила его Ивонна, – ты только посмотри на эту несчастную! Разве она способна заманить нас в неприятности? И сам посуди, какая опасность нас может ждать в богатом замке? У Кармиллы все пальцы в дорогих кольцах, уж я-то знаю цену золоту и рубинам. И кольца эти ее, уж я-то знатную девушку от самозваной простолюдинки вмиг

отличу. Говорю тебе, она не лжет. На нее и впрямь напали, и она чудом спаслась!

– Хорошо, – со скрипом согласился Хартвиг, в который раз удивляясь напору своей хозяйки. – Мы довезем ее до замка, но заезжать внутрь не станем и вернемся на дорогу.

– И будем ночевать в чистом поле? – едко спросила Ивонна. – Ладно. – Она нетерпеливо махнула рукой. – Там поглядим.

Кармилла не обманула. Следуя ее четким указаниям, отряд проехал по незаметной со стороны дороги тропинке между холмами, и впереди показался замок из серого камня, своими очертаниями похожий на куст репейника.

– Не нравится мне замок, – пробормотал под нос Хартвиг, глядя на ощетинившиеся пики башен, пронзающие небо, на изломанную линию крепостной стены, в одном месте изрядно порушенную.

Хорош же хозяин этого замка, если дочь унижает руки драгоценными перстнями, а стены, защищающие жильцов от вторжения, ветшают. Что-то еще смущало взгляд опытного воина, и, еще раз пристально осмотрев замок, он недоуменно нахмурился. На крепостной стене не было видно ни души.

– Вся трава вокруг пожухла, – негромко заметил Вернер.

Хартвиг глянул под ноги: в самом деле, растрескавшуюся, как после долгой засухи, землю покрывала жесткая сухая поросль. Истосковавшаяся по влаге земля была испещрена глубокими бороздами, словно кожа древней старухи. Ветер гнал по дороге пук ковыля. Старое иссохшееся дерево у дороги казалось затаившимся хуорном. Когда проезжали его, дерево заскрипело-заскрежетало, и сердце воина сжалось в недобром предчувствии.

Он обернулся назад: на холмах покачивались на ветру тополя, чьи густые кроны были похожи на пушистые зеленые облака, ветви яблонь клонились к земле под тяжестью спелых плодов, ветер доносил веселое щебетание птиц. Местность же, примыкающая к замку, казалась полностью безжизненной. Тень от холмов падала на долину, окрашивая все в серый цвет пыли, стирая краски.

Солнце осталось за холмами, здесь же в разгар дня царил сумрак. У стен замка чернели скелеты деревьев, покрытые редкой листвой. Кроме скрипа колес, стука копыт и их собственных голосов, не было слышно ни звука. Хартвиг с трудом подавил в себе желание остановить отряд, дать приказ помолчать минуту, чтобы убедиться в своей догадке. Чем ближе придвигались стены замка, тем больше предводителю хотелось развернуть лошадей и нестись отсюда вскачь.

Он направил коня к карете, наклонился к окошку, за которым о чем-то оживленно щебетали Ивонна с Кармиллой.

– У вас всегда так тихо, как в Алкмааре? – вырвалось у него.

Кармилла не выразила удивления.

– Наш замок в стороне от всех дорог, редко кто сюда заезжает.

– Тогда, может, тебе уже ничто не угрожает? Доберешься до дома сама, а мы продолжим путь, чтобы не терять времени?

– Харт! – вспыхнула Ивонна. – Что за невоспитанность? Мы довезем Кармиллу до ворот и убедимся, что она в безопасности.

Воин, недовольно кивнув, подчинился и вернулся на свое место во главе отряда. Чем ближе к замку, тем суше становилась земля, тем выше поднимался песок, колол глаза, забивался в прорези шлема, мешал разглядеть крепость. Показалось, на крепостной стене мелькнул человек, но тут же глаза засыпало колючим песком, и Хартвиг стиснул зубы, на которых заскрипел песок.

Заскрежетали, поднимаясь, ворота. Опустился деревянный помост через ров, окружающий замок, и кони ступили на него. Запахло гнилым деревом и застоявшейся водой. Что ж это за хозяин такой, который не следит за крепостью моста и очисткой рва, в который раз поразился Хартвиг. Ему все меньше и меньше хотелось знакомиться с отцом Кармиллы. А меж тем высокий темноволосый мужчина уже показался впереди. Не страшась

незнакомых воинов, безоружный, поднял руки в приветливом жесте.

– Приветствую, господин, – сухо кивнул Хартвиг, въезжая в ворота первым. – Мы привезли твою дочь, Кармиллу.

Черные глаза хозяина сверкнули потусторонним блеском, властные губы тронула торжествующая улыбка, от которой сердце воина сковало холодом. Пристально вглядываясь в лицо мужчины, Хартвиг пытался отыскать хоть какое-то сходство с Кармиллой, которое указывало бы на близкое родство, но не мог уцепиться ни за одну черточку. Более смуглая кожа, более резкие черты лица, по-мужски крупная фигура. Похоже, дочь унаследовала хрупкую красоту своей матери.

Карета въехала следом, Кармилла вихрем вылетела оттуда, увлекла отца в сторону, о чем-то приглушенно зашептала. Вероятно, пересказывала свои злоключения.

Выслушав ее до конца, хозяин замка приблизился к прибывшим.

– Меня зовут Джайден, – представился он и кивнул вышедшей из кареты Ивонне: – Я благодарю вас за то, что не оставили мою дочь. Будьте гостями в моем замке.

– Спасибо, господин, – сухо кивнул Хартвиг, – но нам еще предстоит дальний путь, а мы и так задержались, провожая твою дочь.

– Что за глупости, Харт? – возразила Ивонна. – День уже на исходе. Не лучше ли переночевать в замке, воспользовавшись гостеприимством Джайдена? А с утра отправимся в дорогу.

Хартвиг спустился с коня, отвел хозяйку к карете.

– Не нравится мне здесь, Ивонна, – честно признался он. – Давай уедем поскорее. Поверь, у меня нюх на опасность.

Но Ивонна его увещаниям не вняла, а проследовала вслед за Джайденом и Кармиллой в замок. Ее спутникам не оставалось ничего другого, как идти следом.

Как только пришлось спуститься с коня, заклятие напомнило о себе. Сидя в седле, Вернер и позабыл о неуклюжих волчьих лапах. Теперь же пришлось прилагать массу усилий, чтобы его изменившаяся походка не бросилась в глаза другим. Уже из-за этой вынужденной остановки, из-за необходимости слезать с коня Вернер невзлюбил замок.

Разделял юноша и тревогу Хартвига. Ему не нравилась красивая Кармилла, в которой чувствовалась какая-то фальшь. Ее красота была бесспорной, даже несмотря на тот жалкий вид, в котором она перед ними предстала после постигших ее злоключений. Но от этой красоты сквозило холодом, в отличие от красоты Ивонны, которая согревала, словно внутри девушки горел благодатный огонек.

Помимо хозяйки, ему не нравился и сам замок. Вернер чувствовал себя неудобно, впервые за долгие годы попав в жилище богачей. Высокие крепостные стены давили на него, напоминая ему о потерянной роскоши, о том, что он теперь сын прачки. А вот Ивонна, напротив, оживилась, попав в привычную ей среду, и Вернеру почему-то сделалось невыносимо горько оттого, что они с ней принадлежат разным мирам. Хотя, казалось бы, ему-то что? Не нравились ему и воины Джайдена, мелькнувшие где-то вдалеке и даже не подошедшие ближе, чтобы перекинуться словом с воинами Хартвига. Да и вообще во дворе замка стояла какая-то гнетущая тишина, нарушаемая только их собственными голосами. Как будто Джайден под страхом смерти запретил прислуге шуметь и разговаривать.

А вот сам Джайден заворожил его: Вернера привели в восхищение его изысканные манеры, уверенность, скользящая в каждом жесте, властный взгляд, четкий, проговаривающий каждый звук голос. Джайдена легко можно было бы представить в императорском кресле, отдающим приказы, или на дворцовой площади, возвышающимся над толпой и целиком владеющим ее вниманием.

Пока Джайден вел Ивонну впереди, о чем-то с ней беседуя, Вернер не отрывал от него взгляда, стараясь запомнить каждый его жест, каждый поворот головы. Когда он станет великим волшебником, эти манеры ему весьма пригодятся!

– Сыро, – глухо пробубнил рядом Хартвиг.

– Что?

– Сыро и пахнет гнилью, – повторил воин. – Не нравится мне здесь.

Стоило оторваться от созерцания Джайдена, как Вернер взглянул по сторонам и понял состояние Хартвига. И впрямь, холодный ветер гулял по галереям замка, по которым вел их Джайден. Каменные стены местами покрывала плесень, по углам трепыхалась паутина, из всех щелей сквозило сыростью. Над всем витал едва уловимый запах гниения.

Джайден и Ивонна свернули за угол, и Хартвиг, обогнав Вернера, заторопился за ними, чтобы не упустить девушку из виду. Вернер тоже прибавил шаг и вслед за Хартвигом ввалился в большой каменный зал, очевидно предназначенный для приемов.

– Прошу, присаживайтесь! – Джайден приветливо махнул рукой, приглашая гостей к длинному деревянному столу, на котором стояло несколько ваз с фруктами, блюда с хлебом, кувшин с вином.

Вернер с любопытством огляделся. Зал был так велик, что свет, проникавший в окна, озарял только стол. Продолжение зала тонуло в сумраке, и от Вернера не укрылось, что Хартвиг положил ладонь на рукоять меча, с беспокойством вглядываясь в темноту.

Гулко загрохотали шаги – это остальные воины вошли в зал.

Джайден повторил свое приглашение, отодвинул тяжелый стул, помогая Ивонне присесть. Воины, проголодавшиеся за время с последнего привала, с оживлением шагнули к столу; закрипели дубовые стулья, прогибаясь под их весом. Хартвиг занял место рядом с Ивонной, Вернер сел по соседству. Джайден встал во главе стола, не спеша присаживаться. Бенедикта, оказавшаяся напротив Вернера, потянулась за яблоком. Тонкие девичьи пальцы обхватили золотистый плод, но почти мгновенно разжались. Крик Бенедикты разорвал тишину зала. Яблоко покатилося по столу к Вернеру, и тот машинально поймал его. Пальцы увязли в вязкой гнили, в стороны брызнули черви.

Словно пелену сорвали с глаз, и стало видно заплесневевшую корку старого хлеба, почерневшие бока фруктов, треснувшую в черепки посуду, изъеденное жучком дерево столешницы. Пахнуло гнилью и тленом, но еще больше – тошнотворным запахом мертвой плоти. Воины не успели даже вскочить на ноги, как из сумрака по краям от стола выступили десятки живых мертвецов в ржавых доспехах.

Резко толкнули стулья к столу, не давая никому подняться. От сильного удара грудью о столешницу у Вернера померкло перед глазами. В страхе за Ивонну он повернулся к девушке – та сделалась блее молока. Хартвиг и другие воины забились на месте, пытаясь освободиться, но Джайден приставил серебристый стилет к шее Ивонны и мягко сказал:

– Не советую.

– Не смей ее трогать, нежить! – с гневом вскричал Хартвиг.

– Пока не стану, – согласился Джайден, убирая стилет.

– Вы – прислужники Мортис, – с ненавистью выдохнул Хартвиг. – Что вам нужно?

Вернер неотрывно смотрел на воинов Мортис, застывших напротив него и удерживающих на месте Бенедикту. Когда-то они были имперцами, защищали родную землю и свои семьи, а потом пали в сражении. Но Мортис подняла их. Их гниющие тела еще не утратили боевых навыков, но разум уже был разрушен. Они не помнили себя и тех, за кого сложили головы, превратившись в послушное оружие Безмясой.

Черты их лиц стерлись, превратившись в гниющую плоть и лишив воинов Мортис отличий, и теперь они были похожи друг на друга, как куклы, вылепленные из глины. Вот только вместо глины – кости и мертвая плоть, от запаха которой к горлу подступает тошнота. Судя по виду, воины уже давно мертвы, у мечников Хартвига есть шанс отбиться. Но сколько еще мертвецов бродит в темных недрах замка?

Не ответив на вопрос Хартвига, вампир подал кому-то знак, и из тьмы за спиной мертвецов выступил человек в черном плаще со смертельно уставшим лицом и безжизненным взглядом.

Взмыл магический посох с рукоятью в виде человеческого черепа, полыхнул в его глазницах зеленый огонь, и Вернер едва успел поставить защиту против заклинания

некроманта. Магия Мортис его не коснулась, но его спутники словно окаменели, а их лица исказились от страха, словно перед ними разверзлась сама бездна ада. «Заклинание ужаса!» – понял Вернер. Было от чего прийти в отчаяние. Некромант оказался сильнее, чем он себе представлял. Никаких шансов, что ученик мага сможет его одолеть.

Кармила поднялась со своего места, нетерпеливо шагнула к Джайденоу.

– Повелитель, я исполнила твою волю. Ты доволен мною?

– Повелитель? – пробормотал Вернер.

– Он не отец ей, – тихо проскрежетал Хартвиг, из последних сил борясь с мороком. – Она человек, а он вампир.

– Вампир?

Вернер во все глаза уставился на хозяина замка. Вампир здесь, в Империи? Вдали от Алкмаара? И как такое вообще возможно, что замок нежити притаился под носом у инквизиторов? Хотя это объясняет засушливую почву, отсутствие растительности. Вернер вспомнил, что земля нежити бесплодна и несет гибель всему живому.

Кармила угодливо заглядывала в лицо Джайденоу, и Вернера передернуло от отвращения. Он слышал о людях, которые по доброй воле согласились служить Мортис, но он даже представить себе не мог, что могло толкнуть их на подобную мерзость. Вот почему Кармила с самого начала показалась ему неприятной. Несмотря на внешнюю привлекательность, ее душа уже была мертвой, гнилой, так как принадлежала Мортис.

Джайден тем временем досадливо поморщился и с недовольством взглянул на девушку.

– Доволен? – тихо повторил он. – Ты обещала привести мне мага! А он, – резкий взгляд Джайдена как кинжалом ударил Вернера, и юноша невольно отшатнулся, больно ударившись о дубовую спинку, – всего лишь несведущий ученик!

Глаза Кармиллы испуганно забегали, она вся сгорбилась, как древняя старуха:

– Прости, повелитель, я ошиблась... Но, может, – в ее взгляде зажглась надежда, – тебе подойдет девушка?

Джайден обратил взгляд на еще больше побледневшую Ивонну. От его слов по венам Вернера пробежал мороз.

– Что ж, она может родить мне неплохого дхампира.

– Никогда! – вырвалось у Вернера, и с его руки сорвалась сияющая синяя молния, которая отбросила вампира от Ивонны. В тот же миг костлявая рука мертвеца, стоявшего позади, стиснула ему горло. А некромант направил на него свой посох.

Вернер захрипел, но громкий властный возглас приказал мертвецу и некроманту остановиться. Хватка разжалась, Вернер закашлялся.

– Привести его ко мне.

Вернера встряхнули за плечи, вытащили из-за стола, подвели к вампиру, толкнули так, что он с трудом удержался на ногах. Юноша поднял голову, с вызовом взглянув в лицо вампира, и отметил, что молния прожгла камзол Джайдена, но раны не осталось. Вампир уже успел исцелиться.

– А ты меня удивил, – протянул вампир, разглядывая его черными безднами глаз. – Для ученика ты достаточно силен, из тебя может выйти неплохой некромант.

– Никогда! – Вернер дернулся, как от удара хлыстом, кулаки невольно сжались. Некромантия – дар Мортис, и дается только тем, кто поклоняется Безмясой.

Несколько дней тому назад он спорил с учителем, отстаивая свое право изучать магии всех рас. Но теперь, столкнувшись сперва с последствиями магии демонов, а теперь стоя лицом к лицу с нежитью, Вернер понял свою неправоту, и предложение Джайдена показалось ему омерзительным.

Живые мертвецы, стоявшие за спиной вампира, шагнули к Вернеру, готовые защитить своего хозяина, но Джайден жестом остановил их.

– Глупец! Такая честь дается далеко не каждому. Некромагия – одна из сильнейших магий на свете. Только представь, у тебя будет целая вечность, чтобы добиться в ней высот.

Ты станешь величайшим некромантом в Невендааре. – Голос его звучал вкрадчиво и искушающе, манил и убеждал. – Если пожелаешь, я сделаю тебя вампиром и ты останешься таким же молодым, как сейчас. Прежде ты, должно быть, мечтал стать белым магом? Глупости, мой мальчик! Ты когда-нибудь видел этих беспомощных, дряхлых стариков? – Вампир презрительно рассмеялся. – Да, они необычайно мудры, они достигли вершин в своих знаниях. Но что им от них, когда смерть уже кружит неподалеку? Что толку от магии, которая не может вернуть молодость и удовольствия? Какой прок в знаниях, когда твое изуродованное старостью тело уже не служит тебе? Ты станешь бессмертным, вечно молодым вампиром, оставаясь при этом некромантом, и присоединишься к моему дому. А если захочешь, сможешь основать собственную линию крови и заселить ее своими обращенцами.

Сердце Вернера гулко забилося. Сын прачки, каким он был в глазах других, не мог и мечтать о той власти, какую предлагает ему вампир. Конечно, прежде придется добиться успехов в некромагии, которые послужат пропуском в высшую лигу вампиров. Но разве он не был лучшим учеником Гидеона? Он доказал, что ему по плечу магия Империи. Нет никаких препятствий, которые помешают ему освоить магию Орд Нежити.

– Безмясая щедра к своим слугам, – продолжил уговаривать вампир. – Мортис ценит преданность и талант тех, кто покорился ей. Такой шанс дается только однажды. Подумай, ты сможешь поделиться бессмертием с тем, кого любишь.

Вернер вспыхнул, поняв, что вампир прочитал в его сердце о том, в чем он сам себе не желал признаваться. Джайден говорил об Ивонне.

Вампир подошел ближе, его голос сделался совсем тихим, так что теперь его мог слышать только Вернер. Ледяное дыхание нежити коснулось кожи человека.

– Жизнь несправедлива. В Империи власть между людьми поделена не по талантам, а по праву рождения. На что можешь претендовать ты, юноша из низшего сословия? Ты знаешь, что тебе никогда не быть с той, кто рождена в замке и привыкла есть с золотых тарелок. Для Мортис неважно происхождение, она награждает всех по способностям. Подчинившись ей, ты сможешь обрести власть. Больше ничто не будет стоять между тобой и твоей возлюбленной...

Щека Вернера, повернутая к вампиру, совсем занемела от холода, льющегося из уст Джайдена. Этот холод, казалось, проникал в самое сердце, покрывал коркой льда все радостные воспоминания, так что они тускнели, становились абсолютно неважными... Из последних сил противясь этому наваждению, Вернер попытался представить лицо Ивонны, но перед ним предстала лишь застывшая маска – по-прежнему красивая, но лишенная жизни и тепла, что делало лицо Ивонны похожим на Кармиллу.

– Перед Мортис все равны. Смерть уравнивает вас, бессмертие сделает вашу любовь вечной. Каков срок у земной любви? Пока не состарятся тела, пока смерть не разлучит их. Вас же смерть, наоборот, соединит. Соединит навеки. И твоя любимая никогда не состарится, ее красоты не коснется увядание. Спустя сто лет она будет так же хороша собой и молода, как сегодня. Ее уста будут так же сладки и свежи, а волосы – густы и не тронуты сединой.

Не-жизнь уравнивает его с Ивонной, думал про себя Вернер, он сможет сделать ее своей. Но разве не свет ее сердца привлекает его? Смерть убьет это, оставив лишь красивую оболочку.

– Вечная юность, которую ты ей подаришь, будет для нее самым желанным подарком. Уж поверь, женщины, особенно красивые, крайне болезненно воспринимают старость. Взгляни на Кармиллу, – продолжал нашептывать вампир, – она служит мне лишь потому, что ее старшая сестра уже превращается в старуху, а она сама до дрожи боится постареть и подурнеть. Я пообещал сделать ее вампиром, когда она это заслужит. И посмотри, она, не задумываясь, обрекла весь ваш отряд на смерть ради сохранения молодости.

Вернера раздирали сомнения. На одной чаше весов было служение Мортис, которая внушала ему ненависть. На другой чаше – власть и высокое положение, о которых он так

мечтал, и любовь Ивонны. И если за власть и славу он еще может побороться в этой жизни, то любви Ивонны ему никогда не получить. Она предназначена в жены другому, и не ему в его нынешнем положении тягаться с племянником инквизитора Себастьяна.

Даже если когда-нибудь он добьется славы, заработает состояние и вернет себе благородное имя, Ивонна будет для него безнадежно потеряна: намного раньше она станет женой Дамариса и матерью его детей. Приняв предложение вампира, Вернер получит все и сразу. Отказавшись, почти наверняка сложит голову. Разве Джайден оставил ему шанс сказать «нет»? Смерть и безвестность против вечной жизни, славы и любви Ивонны.

– А что станет с остальными? – Он кивнул на своих спутников.

– Они пополнят армию Мортис, – как само собой разумеющееся изрек Джайден. – Хотя не все...

Взгляд вампира остановился на Бенедикте.

– Монахиню я оставляю себе. Она родит мне дхампира.

Девушку передернуло от омерзения.

– Недавно люди убили одного из моих детей, – с равнодушием пояснил вампир. – Жаль. Моя кровь, текшая в его венах, делала его послушным моим повелениям. Мне нужен новый слуга.

Вернер содрогнулся. Несмотря на то что к Бенедикте он теплых чувств не испытывал, но и такой участи он ей не желал. Впрочем, гордая монашка скорее выбросится из окна, чем подпустит к себе вампира.

– Так что, скрепим наш союз? Убей одного из своих спутников, принеси жертву Мортис и докажи ей свою преданность.

Вернер похолодел от ужасных слов вампира. А тот внезапно усмехнулся, посмотрев куда-то в сторону:

– Хотя нет, – заметил он, – придется тебе пропустить Кармиллу. Она так давно ждала этого момента.

Девушка с фанатичным блеском в глазах шагнула к Джайденоу.

– Правда, господин? – От ликования ее голос вибрировал. – Мой час настал? Что я должна сделать?

Глядя на нее, можно было не сомневаться: она недрогнувшей рукой убьет любого, на кого ей укажет Джайден. «А я сам? – вдруг с неприязнью подумал Вернер. – Чем я лучше нее? Я такой же. Готов служить Мортис ради исполнения своей мечты и не считаясь с жизнями и желаниями других. Захочет ли Ивонна провести со мной вечность? Ее жених богат, знатен и хорош собой. Она наверняка влюблена в него и мечтает выйти за него замуж и растить его детей. Откуда вампиру знать, что у нее на сердце? Если Кармилла помешалась на вечной молодости, у Ивонны вполне могут быть другие мечты. И человеческой жизни, проведенной рядом с любимым мужем, ей может быть вполне достаточно для счастья. А Хартвиг? В замке Ивонны его ждут жена и сыновья. Его смерть и их горе ради исполнения моей мечты – не слишком ли высокая цена? А остальные воины?

Дин и Ральф немногим старше меня, Дин даже семьей обзавестись не успел, а Ральф недавно женился. Как можно обречь их и других на служение Мортис? Может, завтра Безмясая отправит их разорить деревню, в которой живут их родные, и они равнодушно исполнят ее волю?»

Вернер содрогнулся от подобной картины и едва не упустил момент, когда Джайден вложил стилет в подрагивающие от нетерпения руки Кармиллы. На черной рукояти вилась серебристая надпись: «Во имя Мортис».

– Мортис ждет твою жертву, – обронил Джайден.

С торжествующим возгласом Кармилла сжала рукоятку и, окинув безумным взглядом пленников, выбрала Дина.

– Я буду жить вечно! – пробормотала она, устремившись к молодому мечнику.

Вернер вспомнил, как вчера Дин рассказывал, что в родном городе у него есть любимая, Алиша, и, получив вознаграждение от Ивонны, он планирует купить дорогих

подарков и просить у родителей ее руки. Получается, всему этому не сбыться, потому что Кармилла уже занесла стилет, готовясь нанести смертельный удар и отправить Дина в армию Мортис. Раздумывать было некогда. Вернер выбросил руку, и синяя молния пронзила спину Кармиллы.

Девушка со стоном раскинула руки и с глухим стуком упала на пол. Облако черных волос погребальным саваном накрыло мертвое тело. Вернер согнулся от судороги, пронзившей правую ногу до колена. Затрещала ткань брючины, сквозь прореху показалась серая жесткая шерсть – заклатье Гидеона не замедлило откликнуться на убийство. Как он мог о нем забыть? Магия Мортис – магия смерти. Заклатье убьет его раньше, чем Вернер освоит хотя бы первую ступень некромантии.

– Глупец, – процедил Джайден. – Я дам тебе последний шанс подумать... Решай – хочешь ли ты постигнуть некромагию по собственной воле и получить свою возлюбленную? Или погибнешь сам, и тогда твоя любимая разделит ложе со мной?

– Боюсь, что выбора у меня не осталось, – выдавил Вернер, и черные глаза вампира полыхнули торжеством.

А в следующий миг Вернер что было сил ударил в вампира молнией. Джейдена отбросило к стене, некромант отвлекся, ослабив действие морока, и воины Хартвига с ревом вскочили с мест, перевернув тяжелый стол. Закрыв собой Ивонну с Бенедиктой, они обнажили мечи и ринулись в бой. Зал наполнился звоном оружия, с хлопаньем полетели на каменный пол отрубленные кисти и головы нежити.

Некромант направил вперед посох, и Вернер едва успел отбить магическую атаку. Руки повисли, как плети, – заклинание отняло много сил. Некромант в ярости повернулся к нему, но Джайден, вскочивший на ноги, отшвырнул его в сторону:

– Он мой! Займись лучше ими.

От нового заклинания Вернер защитить воинов уже не смог. Стальные доспехи на глазах прогрызла ржавчина, клинок живого мертвеца теперь легко пробил доспех ближайшего к Вернеру мечника Ральфа. Заклинание уравнило неуклюжих солдат Мортис с ловкими бойцами Хартвига. Покачнулся Кельс, держась за плечо, из которого хлынула кровь. Вскрикнул Дин, с яростью обезглавив мертвеца, задевшего его товарища. Взмахнула руками Бенедикта, торопясь исцелить раненых.

Но Вернер этого уже не видел – вампир в прыжке сбил его с ног, оскалил зубы, готовый вцепиться в глотку. Ледяное дыхание обожгло шею, но неожиданно пришло на помощь изменившееся тело, и мощные лапы волка с силой отбросили вампира, даровав Вернеру короткую передышку.

Через мгновение Джайден уже снова кинулся на него.

– А ты полон сюрпризов, ученик мага. – Стальные пальцы вампира тисками сжали горло. Искривленное яростью лицо нависло над Вернером. – Некроманта из тебя не выйдет, но Мортис очень пригодится еще один оборотень. Что же ты не торопишься перекинуться целиком?

Впервые Вернер пожалел, что превращение еще далеко от завершения. С каким удовольствием он бы вцепился в глотку вампиру! Сейчас же оставалось только отбросить противника очередной молнией. Воспользовавшись этой передышкой, Вернер метнулся к некроманту и выбил из его руки посох, завладев им.

В следующий миг вампир прыгнул сзади, сбив с ног. Не давая шевельнуться, с силой дернул за волосы, поднимая голову Вернера так, что он мог видеть своих спутников, которых со всех сторон обступали живые мертвецы. Башмак некроманта тяжело опустился на запястье юноши, дробя кость, и пальцы Вернера, сжимавшие посох, разжались. Некромант нагнулся, чтобы поднять свой посох. Совсем близко с Вернером оказались землистое изможденное лицо, смертельно уставшие глаза с падающей на них длинной черной прядью волос, бескровные губы.

– Прислужник Мортис, – с ненавистью выдохнул Вернер.

– Убей их! – прозвучал над головой властный голос Джейдена. – Пусть его спутники

умрут, я хочу, чтобы он это увидел. Используй Яд Мортис!

– Нет, – в бессилии забился Вернер.

– Не всех, – уточнил Джайден. – Блондинку оставь мне.

Что-то ярко полыхнуло, и Вернер закричал так, что оглох. Он даже не сразу понял, что его больше никто не держит, а когда обернулся, увидел, что Джайден, оглушенный, лежит на полу. Вернер прыжком вскочил на ноги. Убедился, что воины Хартвига по-прежнему рубят врагов, Ивонна напугана, но жива. А некромант неподвижно стоит рядом, глядя на Вернера.

– Не советую медлить. – Бескровные губы шевельнулись, голос, похожий на скрип старого дерева, наполнил сердце могильным холодом. – Он скоро очнется. Другого шанса у тебя не будет.

Вернер в смятении вскинул глаза.

– Ты предлагаешь мне убить его?

– Я не могу сделать это сам, – прозвучало в ответ. – Магия смерти не причинит ему вреда.

Вернер в растерянности огляделся.

– Обезглавь его и сожги тело. – Некромант подобрал с пола меч убитого мертвеца и протянул Вернеру. – Тогда он не сможет вернуться.

Вернер взял меч целой рукой и замахнулся. Рука повисла в воздухе – вампир выглядел совершенно незащитным. «Блондинку оставь мне», – вдруг отчетливо прозвучал в голове Вернера его голос, и меч упал вниз, яростно отсекая голову от плеч. Синяя молния сорвалась с пальцев, язычки пламени побежали по одежде вампира, обращая труп в прах.

Вернер ожидал, что его тело вновь скрутит судорогой и заветное Гидеона даст о себе знать, но ничего не произошло. Заветное распространяется только на живых существ, смекнул Вернер, а вампир уже давно был мертв.

– Почему ты помог мне? – обернулся он к некроманту.

– Когда-то я был таким, как ты, учеником мага, – глухо ответил тот. – Когда нежить под руководством Джайдена напала на нашу деревню, я был с невестой, Лией. Джайден пообещал мне, что не тронет ее, если я пойду с ним и стану служить Мортис. Я согласился. На прощание Лия крикнула мне: «Лучше бы ты умер!» – Скрипучий голос некроманта дрогнул. – Я ушел с Джайденом. Мы поселились здесь. Я изучал некромагию. Джайден пополнял армию Мортис за счет людей. Однажды по поручению Безмясой я покинул замок. Меня не было около месяца. А когда я вернулся, я нашел здесь Лию... – Некромант тяжело замолчал. – Она носила ребенка Джайдена. Он потом клялся мне, что не помнил лица моей невесты, что похитил ее по ошибке. Я даже не успел поговорить с ней. В ту же ночь Лия бросилась вниз с крепостной стены. А я поклялся отомстить Джайдену. Но что толку с некромантии, если она не может причинить зла моему врагу? И я принялся ждать мага, который появится здесь и отвергнет дар Мортис, не поддастся искушению вампира и сможет одолеть его. Магов было много. Но отказался лишь ты один. Наивный, практически беспомощный ученик мага. – Он горько усмехнулся, дернул головой, так что черная прядь волос взметнулась вверх. – Другого случая я мог и не дожидаться. Пришлось тебе помочь.

За спиной раздались ободренные крики воинов: мертвецы отступали.

– Теперь и ты мне помоги.

Вернер непонимающе взглянул на некроманта.

– Убей меня.

– Что? – Вернеру показалось, что он ослышался.

– Убей меня, – бесстрастно повторил некромант. – И сожги, как его. – Он дернул подбородком, указывая на кучку праха, которая осталась от вампира. – Я не хочу, чтобы Мортис смогла поднять меня. А она обязательно это сделает, потому что некромантов такого уровня, как я, мало.

«Но заветное!» – хотел возразить Вернер, но только стиснул зубы и кивнул, крепче перехватив меч здоровой рукой. Он был обязан своей жизнью и жизнью своих спутников этому изможденному человеку в черном балахоне. Окажись на его месте другой

чернокнижник, все они стали бы прислужниками Мортис. А это гораздо хуже смерти.

– Хорошо.

Одновременно с клинком, пронзившим живое сердце некроманта, Вернера скрутила дикая боль. С каждым разом превращение становилось все мучительнее. Штаны, разошедшиеся по шву на левой ноге, обнажили звериное бедро. «Теперь я уже наполовину волк», – с содроганием понял Вернер. Тело еще сохраняло человеческие навыки, еще удерживало вес на ставших волчьими ногах, но до полного превращения осталось уже немного. «Успею ли я довести Ивонну до дома прежде, чем окончательно превращусь в зверя?» – с тревогой подумал Вернер, торопливо снимая плащ с некроманта, и завернулся в него, скрывая подорванные штаны. Когда на пути попадется одежная лавка, он непременно купит новый плащ. А пока нельзя допустить, чтобы его спутники заметили неладное.

Уставшие, но радостные крики воинов за спиной возвестили о победе. Подскочивший сзади Хартвиг хлопнул по плечу так, что Вернер едва устоял на ногах.

– Дружище, ты нас всех спас! В одиночку уложил вампира и некроманта. Я уже сомневаюсь, что ты обычный ученик мага. А ты, я гляжу, времени зря не теряешь, и приодеться успел!

– Оставь его, Харт, – прозвучал мягкий голос Ивонны, и рядом прошелестело ее платье, – не видишь, он едва держится на ногах!

– Да у тебя рука сломана! – воскликнула Бенедикта и принялась оказывать первую помощь.

В зале тем временем сделалось еще темнее: на Невендаар опускались сумерки.

– Надеюсь, никто не желает задержаться здесь на ночлег?

Хартвиг обвел всех взглядом, и Ивонна виновато повесила в голову.

– Простите меня. Это из-за меня мы все попали в беду, – еле слышно пробормотала она.

– Надеюсь, впредь ты станешь прислушиваться к словам старого вояки, – проворчал Хартвиг. – А теперь идемте отсюда, пока в гости не пожаловала сама Мортис.

По дороге воины уложили еще с десятков мертвецов, бродивших по замку.

К счастью, кони, оставшиеся во дворе, были целы. Вот только от Вернера не укрылось, как они испуганно прянули при его появлении. Присутствие зверя в нем становилось все более явным для лошадей, но его спутники, к счастью, даже не догадывались о его превращении.

– Ну что, спалим это гнездо Мортис? – спросил Хартвиг и отдал распоряжение воинам. Те скрылись за воротами и вскоре вернулись, волоча за собой срубленные сухие деревья. Сложив их на ступени замка, воины разожгли огонь. Пламя весело затрещало, переметнувшись на деревянные двери, взбежало по дубовым перекрытиям.

– Едем! – отдал команду Хартвиг, и отряд выехал за ворота.

Несмотря на окутавшие Невендаар сумерки, пламя от горящего замка нежити освещало путь воинов до самых холмов. Оранжевые всполохи ложились на иссушенную землю, и казалось, что в глубоких трещинах течет огненная лава.

Перейдя на ту сторону холмов, отряд как будто попал в другой мир, вернулся с мертвых земель нежити на благодатные луга Невендаара. Копыта лошадей тотчас увязли в высокой траве, ветерок принес аромат спелых яблок и полевых цветов, вспорхнула с земли испуганная сова, казавшаяся серебряной в лунном свете, застрекотали цикады.

Хартвиг снял шлем, вдохнул полной грудью свежего ночного воздуха, пробормотал:

– Как будто в Алкмааре побывали.

Вернер с любопытством взглянул на него:

– А ты что, бывал там?

– Приходилось, – коротко ответил воин. И было видно, что распространяться на эту тему он не намерен. Добавил только: – Еще до того, как к Корнелию на службу поступил.

– Куда мы теперь? – окликнул предводителя один из мечников.

Хартвиг огляделся, принимая решение. Последняя на их пути деревня осталась далеко

позади, возвращаться нет смысла. Ехать вперед ночью тоже рискованно. Но не в чистом же поле ночевать, вблизи от сгоревшего замка нежить? Кто знает, сколько еще отрядов скелетов-разведчиков и мертвецов Мортис бродит по округе и может вернуться к замку?

– Вперед! – скомандовал воин, выезжая на дорогу.

Впереди, там, откуда явилась Кармилла, дорога взбиралась на пригорок, и Хартвиг надеялся, что внизу за холмом окажется деревня или придорожная харчевня, где всегда можно договориться о комнатах на ночь. Было бы золото.

Однако надежды его не оправдались – за пригорком начинался молодой лесок. Редкий поначалу, вдалеке он переходил в густую черную стену, куда опытный воин не рискнул бы пойти темной ночью. Но вдруг между деревьев мелькнул огонек, потянулся к звездному небу тонкий дымок только что разведенного костра. Ветер донес приглушенное ржание лошадей и мужской смех.

Хартвиг подал отряду знак следовать за ним и направил коня на свет костра. Вскоре они очутились на круглой поляне, окруженной деревьями. Расположившиеся на ночлег рыцари вскочили, схватившись за мечи, но, заметив своих, встретили их приветствиями.

– Располагайтесь! – приветливо махнул рукой их предводитель – крепкий мужчина с обветренным в походах лицом и лучистым молодым взглядом. – Вместе веселее. А мои-то соколы, – он с насмешкой кивнул на воинов, – переполошились. Наверное, уже орков приготовились увидеть.

Молодые рыцари пристыженно вспыхнули румянцем. Появление Ивонны вызвало оживление в их рядах, и теперь им было неловко, что она услышит слова их предводителя, Лайнуса.

– Здесь скорее следует нежить опасаться, – серьезно заметил Хартвиг и, пока Ивонна отогревалась у костра, Бенедикта вызвалась помочь с ужином, а другие воины заняли места на поваленных бревнах и валунах, рассказал о том, что с ними приключилось.

– Дела, – с озабоченным видом протянул Лайнус. – Замок нежити прямо в центре Невендаара, под носом у инквизиции. Совсем осмелели прислужники Мортис! Среди бела дня людей похищают... А Кармиллу-то эту отец ищет, – вдруг заметил он и тяжело вздохнул. – Проезжали мы днем один замок, старик любые деньги обещал, если найдем его дочь, которая уже неделю как пропала. Но у нас свое дело, отлагательств не терпит. – Он взглядом указал на край поляны, и Хартвиг только сейчас заметил пленного эльфа, привязанного к сосне. – Пленника везем инквизиции.

– Чего натворил? – поинтересовался Хартвиг. Скорее из вежливости, чем из любопытства.

– Сам не знаю. – Лайнус досадливо почесал бороду. – Ассасины, которые его изловили, нам ничего не сказали, а сам не признается. Наше дело доставить. А там пусть разбираются.

От костра потянуло дымком, запахло жареным мясом. За время рассказа Хартвига кабачик на вертеле уже пропекся, и оголодавшие за день воины потянулись за своей порцией. Хартвиг только сейчас понял, как проголодался.

Привал был в полдень, а надежда отобедать в замке Кармиллы обернулась гнилыми яблоками и боем, который вымотал его и отнял все силы. Бенедикта, строго делившая мясо на порции, сжалась над усталым воякой – выделила кусок окорока побольше да понежнее. А вот Вернеру, который подошел следующим, повезло меньше. Ему достался подгорелый кусок лопатки – сплошные жилы да кости. Не любит его Бенедикта, отметил про себя Хартвиг. И чем парень перед ней провинился?

Бенедикта проводила тревожным взглядом удалявшегося мага и в задумчивости закусила губу. Не нравится ей этот Вернер, ох, не нравится! Что же с ним не так? Что он от всех скрывает? Чего боится? Еле ноги передвигает, а от ее помощи рьяно отказывается. Даже посмотреть не дает, что у него за рана. Как будто у него там не ноги, а лапы демона! И плащ этот некромантский нацепил зачем-то.

Говорит, что его одежда пришла в негодность, вот и пришлось прикрыться первым

попавшимся. Да только чует сердце, он что-то скрывает. Дайте ей только немного времени, она непременно узнает всю правду!

Проследив, чтобы никто не остался голодным, Бенедикта бросила кусочек мяса в свою походную деревянную миску и под села к Ивонне. Девушка была грустной и притихшей: все переживала, что из-за своего сумасбродства втравила их в неприятности.

– Не переживайте, госпожа, – шепнула ей Бенедикта. – Кармила была так убедительна. Нельзя было ее не пожалеть.

– Но ведь ты сразу почуяла запах мертвых, – с убитым видом возразила Ивонна. – Теперь я понимаю, почему. Невозможно жить в замке с нежитью и не пропитаться запахом гниения и тлена.

– Нельзя знать все наперед, – заметила Бенедикта. – Но прислушиваться к интуиции стоит.

– И что она говорит тебе сейчас? – Ивонна вымученно улыбнулась.

– Говорит, что все будет хорошо. Скоро вы будете дома и встретите своего жениха, – ободряюще сказала Бенедикта.

– Так надолго я не загадываю, – вздохнула Ивонна. – Пережить бы эту ночь.

Она поежилась, обеда взглядом темнеющий по сторонам лес.

– Все будет хорошо, – повторила Бенедикта. – Сегодня нас охраняют вдвое больше воинов. Ничего не случится.

И отвернулась прежде, чем Ивонна почувствует фальшь в ее голосе. Вопреки благоприятным прогнозам, которые она дала Ивонне, ее чутье вопило об опасности. Лес, обступивший поляну со всех сторон, казался затаившимся вражеским войском, которое только и ждет, чтобы начать наступление. «Откуда придет беда? – с тревогой думала монахиня, поглядывая по сторонам. – И что на этот раз нас ожидает?»

За спинами воинов мелькнула черная тень, и Бенедикта испуганно вскочила с места. Ах, нет, это всего лишь Вернер в своем темном плаще, снятом с некроманта. Но погодите, что он делает? Осторожно обойдя пирующих воинов, увлеченно рассказывающих о своих подвигах и передающих по кругу фляжку с элем, Бенедикта увидела, как Вернер остановился неподалеку от сосны, к которой был привязан пленный эльф.

Отвернувшись в другую сторону, маг делал вид, что рассматривает лес, но монахиня видела, что его губы шевелятся, ведя едва слышный разговор. И губы пленника шевельнулись, отвечая ему. Пользуясь тем, что воины увлечены выпивкой и разговором, их маг расспрашивал пленника. О чем?

Вернер бросил еще пару слов, повернулся к эльфу спиной и снова подошел к костру. А Бенедикта так и осталась стоять на месте, с тревогой глядя на мага. Что задумал этот мальчишка? Какие беседы у него могут быть с пленным эльфом? Возможно ли, что они раньше были знакомы?

– Ох, голубчик, – пробормотала Бенедикта, – инквизитора на тебя нет. Уж он бы тебе мигом язык развязал.

Сейчас приходится мириться с его странным поведением: мальчишка хоть и ученик мага, а вампира с некромантом в одиночку уложил. Бенедикта уже чуть с жизнью не простилась, а Вернер их всех спас. В пути его поддержка еще очень пригодится. А по окончании инквизиторам найдется, о чем с ним побеседовать. Уж Бенедикта-то проследит, чтобы ни одна странность мага не осталась без объяснений! А то, что жених Ивонны – племянник инквизитора Себастьяна, ей только на руку. Можно быть уверенной, что сухим из воды Вернеру выйти не удастся.

– Ты снимешь с меня заклятье? – тихо повторил Вернер, с тревогой оглядываясь на спящий лагерь.

– Клясться не буду, – прошелестел в ответ пленный эльф. – Но сделаю все возможное. – Он усмехнулся. – На свете не так много заклятий, которые были бы мне не по силам. И все они наложены величайшими эльфийскими магами, а не людьми.

Вернер в сомнении посмотрел на лагерь, отыскал глазами спящего Хартвига. Если тот узнает, что он отпустил пленника, – убьет! Потом взглянул на лицо эльфа, которое в свете луны казалось красивой маской, отлитой из серебра. Красивой, но не безупречной. Впечатление портили свежий шрам, пробороздивший щеку, и разбитые губы. Видно, что эльф сражался за свою свободу до последнего.

– Ты так и не сказал, кто ты такой, Альвиан, и за что тебя ищут инквизиторы, – угрюмо заметил Вернер.

– Я же не спрашиваю, за что на тебя наложили заклятье и что скрывает твой плащ, – дерзко прошептал в ответ эльф, и его голубые глаза сверкнули сталью.

Вернер вспыхнул, а Альвиан уже спокойно продолжил:

– Какое это будет иметь значение, если ты избавишься от заклятья, а я перестану быть пленником?

– Обещаешь не причинять зла моим спутникам и сразу же исчезнуть? – уточнил Вернер.

Эльф кивнул:

– Клянусь Галлеаном.

Решившись, Вернер наклонился и перерезал его путы. Пленник вскочил на ноги неслышно и легко, будто бы не провел долгое время в неудобной позе. Поманил его за собой, уводя от лагеря.

«Что я творю? – в смятении подумал Вернер. – Он ведь может меня убить голыми руками». Но терять ему все равно было нечего: за возможность избавиться от заклятия Гидеона и стать нормальным человеком он был готов рискнуть жизнью.

Эльф легко шагал впереди, едва касаясь ногами земли. И казалось, еще немного, и он оторвется от земли и воспарит в звездное небо по лунной дорожке. Его кудри отливали бронзой. Наверное, такого же цвета листва в Священном лесу – родных местах Альвиана, куда тот торопится вернуться.

– Здесь.

Дойдя до залитой лунным сиянием цветочной поляны, эльф остановился, вдохнул полной грудью аромат ночного цветения, обернулся.

– Подойди.

Глаза эльфа были двумя яркими звездами, ладони, которые коснулись его сердца, – прохладной родниковой водой. Вернер почувствовал, как чужая волшебная энергия заструилась по его венам, и возликовал: вот оно! Альвиан найдет метку заклятья, снимет разрушительные чары. Но внезапно блаженство, окутавшее его тело, прекратилось. Эльф резко отдернул руки.

Вернер застонал от опустошения, которое разом на него накатило. Такое уже однажды случилось: когда он впервые отведал хмельного гномьего эля, мать, нашедшая его в опьянении, кинулась за помощью к Гидеону, и волшебник жестоко вырвал Вернера из сладкого мира грез.

– Прости.

Глаза эльфа сделались черными, как Бетрезеновы разломы.

– Я не могу.

– Но почему? – На глазах у Вернера вскипели слезы отчаяния.

– Это заклятье, оно... – Альвиан потряс головой, словно хотел забыть то, что ему открылось.

Он все понял, стало ясно Вернеру. «Он знает, что я становлюсь зверем, когда убиваю».

– Прости. Его может снять только тот, кто его наложил.

– Стой! – с гневом прорычал Вернер. – Ты обманул меня. И ты вернешься со мной.

Но эльф только покачал головой – и растворился в лунном свете. Лишь колыхнулась пышная еловая ветка, да где-то вдалеке ухнула потревоженная сова.

«Ушел... – с горечью подумал Вернер. – А я дурак. Разве можно верить эльфам?»

Чувствуя себя преступником и молясь Всевышнему, чтобы никто не заметил его

отсутствия, в крошечной тьме он возвратился в лагерь. Проскользнул к своему месту, закрыл глаза – и через минуту проснулся от тревожного крика.

Было утро. Пленника хватились.

– Никаких следов.

Воины, посланные Лайнусом на разведку, вернулись ни с чем. Неудивительно: походка эльфа так легка и невесома, что следов почти не оставляет.

– Вернер! – оклик Лайнуса заставил его подпрыгнуть на месте.

«Он знает», – тревожно забилося сердце. Но чем он себя выдал?

– Ты же маг? – хмуро глядя на него, спросил Лайнус.

– Ученик, – поправил Вернер.

– Можешь применить магию, чтобы узнать, куда он скрылся?

Едва не потеряв сознание от облегчения, Вернер молча покачал головой.

– Мы хорошо заплатим, – умоляюще добавил Лайнус и дрогнувшим голосом добавил. – Инквизиторы с нас шкуру сдерут, что упустили.

Вернера бросило в жар. Как он не подумал, что из-за бегства эльфа могут пострадать те, кто его охранял?

– Нашел!!! – Из леса выбежал взбудораженный мечник Лайнуса, сжимая что-то в кулаке. – Вот!

На ладони лежал серебристый эльфийский медальон, который накануне висел на шее пленника.

– В погоню, быстро! – распорядился Лайнус, срываясь с места. – Догоним мерзавца!

– Помоги Всевышний, чтобы нагнали, – прошелестела рядом Бенедикта.

Вернер с тоской поглядел вслед отряду, который исчез за деревьями. Проклятый эльф позаботился о том, чтобы пустить погоню по ложному следу. С другой стороны, может, оно и к лучшему. Поймают эльфа – уж тот его покрывать не станет. А Лайнус шутить не любит – догонит их отряд и Вернера за шкуру в инквизицию потащит. Помощь в бегстве опасного преступника – разве это шутки?

– Что ж, и нам пора. – Хартвиг дал приказ собираться, и вскоре отряд продолжил путь, прерванный вчера появлением Кармиллы.

Глава 8 Спасение

Леса, поля, леса... В первый день пути Вернер с интересом смотрел по сторонам, сейчас же дорога казалась монотонной и однообразной. Поэтому когда к полудню впереди мелькнула голубая гладь озера, он оживился, предвкушая купание. Окунуться бы сейчас в прохладную воду, смыть с себя дорожную пыль, а потом пообедать на живописном берегу, восполнить силы.

Такие мысли посетили не его одного, воины тоже изъявили желание освежиться с дороги. Да и лошадей надо напоить, так что Хартвиг отдал приказ, и отряд свернул к озеру.

Вскоре кони уже баламутили воду у берега, а воины, раздевшись до рубашек, соревновались, кто быстрее переплывет озеро. Хартвиг задержался, вороша что-то в своем мешке. Вернер с сомнением топтался неподалеку: лезть в мутную воду совсем не хотелось, к тому же показывать волчьих лапы никак нельзя. Придется пройти по берегу подальше от шумной компании.

– А ведь это ты эльфа освободил, – неожиданно повернулся к нему Хартвиг, взглянув в упор. – Не отпирайся. Я видел.

Вернер замер на месте. К счастью, воины были слишком увлечены купанием, а Ивонна с Бенедиктой, отойдя к лесу, наблюдали за белками, резвившимися в кронах деревьев. Слышать Хартвига никто не мог.

– Если видел, что же не остановил? – выдавил Вернер.

– Я заметил, что ты ушел в лес, и не придавал этому значения. А уже потом

забеспокоился, что тебя долго нет, и увидел, что эльф пропал. – Хартвиг смахнул со лба выступивший пот. – Тут-то и смекнул, что к чему. Да только что толку шум поднимать было? Если бы Лайнус понял, кто освободил пленника, всем нам не поздоровилось бы, а тебе – больше других. Эльфа бы уже не догнали, а ты нам еще нужен.

– А если бы я не вернулся? – угрюмо возразил Вернер.

– Вернулся бы, – убежденно сказал Хартвиг. – Ты бы не смог оставить ее. – И он кивком указал на Ивонну.

– Я не понимаю, о чем ты. – Вернер в замешательстве отвел взгляд.

– Зря ты это, парень, – просто сказал Хартвиг. – Знаю, сердцу не прикажешь. Но ты ей не пара.

От продолжения тяжелого разговора Вернера спасла сама Ивонна. Девушка махнула рукой в их сторону и звонко крикнула:

– Харт! Мы с Бенедиктой отправляемся купаться. Туда, подальше.

И она указала в сторону берега, окруженного лесной чащей.

– Я провожу, – торопливо вызвался Вернер, почувствовав беспокойство оттого, что девушки будут в одиночку бродить по лесу.

– Не нужны нам провожатые, – вспыхнула монахиня.

И Вернер тут же устыдился своего предложения. Конечно же девушки хотели уединиться, искупаться в стороне от мужчин. Наверняка теперь решат, что его желание помочь – не что иное, как желание подглядеть за ними!

– Пускай, – мягко удержала ее Ивонна.

И Вернер с благодарностью взглянул на нее.

– Если Вернер будет неподалеку, нам ведь будет спокойнее, правда? – добавила Ивонна, положив руку на плечо монахини.

Вернер взглянул на Хартвига: а тот как? Позволит ли? – Ступай, – одобрил воин. – Я пока за лошадьми присмотрю, костер разожгу. В округе вроде все тихо, но ты уж будь поблизости, пригляди за нашими девочками.

– Вот уж приглядывать за нами не надо! – Монахиня покраснела как рак.

– Да не буду я за вами подглядывать! – рассердился Вернер. – Больно надо!

Развернувшись, Бенедикта торопливо зашагала по лесу вдоль берега. Ивонна не спеша тронулась следом, то наклоняясь к красивому цветку, то застывая на тропинке с запрокинутой головой, следя за какой-нибудь птицей.

Вскоре коричневого платья монахини уже не было видно – так далеко вперед та оторвалась. Вернеру можно было представить, что в лесу они вдвоем с Ивонной. И не было большей радости, чем не таясь разглядывать ее гибкий стан, обернутый в легкий шелк платья, изучать ее прелестный профиль, когда она оборачивалась к птичке, присевшей на ветку с боку от тропинки, и оставлять свои широкие следы рядом с отпечатками ее изящных туфелек – словно они шли вровень.

Волк появился из ниоткуда. Только что лес был тих и спокоен, а вот уже летит в прыжке гибкое серое тело, скалит острые зубы опасный хищник, собираясь напасть на жертву со спины. Молния сорвалась с пальцев быстрее, чем Вернер успел сообразить. Защита Ивонны уже вошла в его кровь на уровне инстинктов. Как есть, как спать, как дышать. Охранять, оберегать, защищать.

Она даже не обернулась, не увидела, какую опасность он от нее отвел. Ее силуэт скользнул в солнечный круг: там, впереди, лес расступался, тропинка сходила на берег реки. Вернер же согнулся пополам, упал на колени, пронзенный болью внизу позвоночника. Затрещали, разрываясь в лоскуты, штаны.

Для волка, пусть и крупного, одной молнии было достаточно. Зверь погиб, и заклятье Гидеона не замедлило напомнить о себе, по иронии Всевышнего, уподобляя его точно такому же зверю, как поверженный хищник. «Что же на этот раз?» – промелькнуло в голове у Вернера.

И мгновением позже черный плащ взметнулся за его спиной, волчий хвост с силой

ударил по бедрам, разодранные штаны упали к ногам. Вернер остолбенел. Потом торопливо запахнул плащ, испуганно огляделся: не заметил ли кто?

Сердце колотилось как бешеное. Он нащупал нарост, ставший продолжением спины, и сквозь стиснутые зубы вырвалось проклятье. Хвост! Теперь у него хвост, как у настоящего зверя! И хвост этот живет своей отдельной жизнью: виляет, хлещет по бокам. И как теперь скрывать это от спутников?

И в этот момент с озера донесся истошный женский вопль. Ивонна! Вернер с рычанием сорвался с места, молясь об одном: только бы успеть, только бы спасти! Опрометью выскочив на берег, он замер. Девушки, раздетые до рубах, как ни в чем не бывало плескались в воде.

Солнце ярко освещало девичьи фигуры, делая скрывающее их белье почти невидимым, открывая взору тонкие силуэты с высокой грудью и стройными ногами, которые по колени скрывала вода. В самом центре озера цвели водяные лилии, такие же белоснежные, как кожа Ивонны.

Раздался еще один истошный визг. Это Ивонна, воспользовавшись тем, что Бенедикта засмотрелась на что-то на другом берегу, сложила руки ковшиком и, набрав в них воды, вылила монахине за шиворот. Так вот в чем дело! Купальщицы просто веселились, обливая друг друга. Никакой опасности нет.

Вернер в смятении попятился, молясь уже о другом – только бы его не заметили, только бы не подумали, что он явился на них поглазеть. Оглушительно громко треснула под ногами сухая ветка, и Бенедикта моментально обернулась. Увидев Вернера, закрыла себя руками и гневно заголосила.

«Вот влип!» – мелькнуло в голове Вернера, пока он размахивал руками и пытался оправдаться:

– Простите, я услышал крик, и решил что...

– Бесстыжий! – верещала монашка. – Немедленно поди прочь!

А хуже всего было то, что Ивонна теперь тоже смотрела на него, прячась за спину монахини. И во взгляде ее было столько негодования и упрека, что Вернер почувствовал себя последней скотиной.

– Ухожу, ухожу! – Он слабо махнул рукой и, отвернувшись, опрометью бросился в лес. Хвост, выдавая волнение своего хозяина, с силой рассек воздух. И Вернеру оставалось только молиться, чтобы купальщицы этого не заметили.

Удалившись от берега, он плюхнулся к корням косматого дуба и тут же заскулил от боли – дал о себе знать отдавленный хвост. «Похоже, скоро придется забыть о человеческих привычках, – с тоской подумал Вернер, высвобождая хвост и осторожно усаживаясь между корней. – Буду ходить на четырех лапах и отмахиваться хвостом от комаров. Если повезет, меня пристрелит какой-нибудь ловкий охотник, и не буду долго мучиться».

Со стороны озера донесся задорный женский смех, от которого Вернеру сделалось еще горше. Он готов за Ивонну жизнь отдать. Что ему хвост, если она осталась цела? Он бы согласился обзавестись еще дюжиной хвостов, лишь бы сберечь ее от опасности. Вот только она никогда об этом не узнает. Что ей до деревенского ученика мага, когда ее жених – племянник инквизитора, сын знатного господина? Пользуясь недавним привалом, Вернер осторожно расспросил Хартвига о Дамарисе. И каждое слово воина кинжалом рвало сердце.

Да, жених Ивонны молод и хорош собой. Он превосходный охотник и смелый воин. Он без ума от Ивонны и осыпает ее дорогими подарками. Его семья – одна из богатейших в Левенделле. Его замок – настоящий дворец. Дамарис считается лучшим женихом в Левенделле, и отец Ивонны целиком одобряет выбор дочери. «Они превосходная пара», – закончил свою речь Хартвиг, и было видно, что воину, на глазах которого выросла молодая хозяйка, тоже по душе ее жених.

От протяжного крика, донесшегося с озера, Вернер сперва подпрыгнул. Его тело распрямилось, как сжатая пружина. Он уже приготовился бежать, спасти, защищать. Понимание того, что это девушки опять веселятся, пришло мгновением позже. И Вернер

устало опустился на землю. Не хватало еще выставить себя дураком второй раз.

– На помощь! – раздался истошный крик Бенедикты. – Спасите!

А потом плеск воды сменился тревожным шумом. Как будто озеро выплеснулось из берегов, исторгая из своих недр что-то большое и сильное...

Вернер уже неся к берегу во весь опор, ломая ветки. Куст, отделяющий лес от берега, наотмашь хлестнул по щеке, но Вернер выскочил к озеру, не почувствовав боли. По берегу, не рискуя войти в воду, металась Бенедикта, заламывая руки и истошно вереща. Из самого сердца озера, там, где еще недавно покачивались водяные лилии, выростала, заслоня собой солнце и раскачиваясь из стороны в сторону, высокая гора. Искрилась на свету серебристая чешуя, бил по воде огромный извилистый хвост, белели в открытой пасти длинные острые зубы.

– Дракон! – ахнул Вернер, вспомнив чудовище из сказок матери.

Но как он очутился в озере? Мать рассказывала, что эти существа живут в морях и топят корабли. Если змей живет в озере, значит, там могут быть и мерфолки с кракенами?

Но в следующий миг все эти вопросы сделались неважны. Вернер заметил покачивающийся на воде, у самого брюха чудовища, беззащитный белый цветок. Это Ивонна отчаянно молотила руками по воде, стараясь выплыть из воронки, которая образовалась на месте погружения дракона. Но пучина неумолимо тянула ее ко дну, и у девушки не осталось сил даже на то, чтобы закричать. Это за нее с успехом делала Бенедикта, которая бросилась к Вернеру, вереща, как резаная.

Он не стал даже времени терять, оттолкнул монахиню, в три прыжка одолел расстояние до озера, влетел в бодрящую прохладную воду.

Синяя молния, ударившая змею в нос, не остановила – лишь разъярила монстра. Тот оскалится и повернулся к человеку. Гладкая вытянутая морда выстрелила вперед, очутившись в нескольких шагах от Вернера. А следом заструилось по воде и само тело, устремившись к обидчику. Такую махину силой не одолеешь. Остается рассчитывать только на то, что змей не отличается сообразительностью.

Вернер торопливо избавился от сковавшего движения плаща и нырнул, уходя в сторону. Гибкое тело монстра прошло совсем близко. Мощная когтистая лапа пробороzdила воду в опасной близости – Вернер успел увернуться в последний миг. Вынырнув на полпути к Ивонне, он быстро обернулся: плащ некроманта черными крыльями трепетал на воде, змей, раскрыв пасть, мчался к нему. Что ж, если повезет, это ненадолго его отвлечет.

Не теряя времени, Вернер поплыл к Ивонне. До девушки оставалось всего несколько гребков, когда та, слабо взмахнув руками, скрылась под водой. Шумно вдохнув, Вернер нырнул, стараясь поймать тонущую девушку. Пальцы ухватили широкий рукав рубашки, но в тот же миг ткань порвалась, оставив в руке лишь белый лоскут.

Вернер еще отчаяннее заработал руками и ногами, устремившись ко дну. Но тут забился по воде волчий хвост: зверь, наполовину завладевший его телом, не желал погибать. Он рвался вверх, к солнцу. И из-за этого проклятого хвоста Вернер терял драгоценные минуты, бултыхаясь на одном месте.

Юноша едва не захлебнулся от отчаяния, глядя, как камнем оседает на дно Ивонна, скрываясь в илстой наводи. Ее глаза были закрыты, волосы золотыми нитями разметались по воде. Руки в последнем отчаянном жесте тянулись к солнцу, оставшемуся высоко над головой. Стиснув зубы, Вернер рывком бросил тело вниз, заставил непослушные мышцы подчиниться разуму, который желал только одного: спасти тонущую девушку. Иначе зачем тогда жить?

И ему удалось. У самого дна, в темной, холодной воде, он отыскал неподвижную руку Ивонны. Схватил девушку за плечи, на мгновение утонул в облаке ее волос и, не теряя времени, устремился вверх, отчаянно преодолевая сопротивление озера. Вода стремилась удержать своих пленников, не дать им выплыть.

Время словно остановилось, казалось, он уже целую вечность плывет вверх, к солнцу, тускло блестящему через толщу воды, и не становится ближе к цели. Сотни ледяных иголок

вонзились в кожу, судорогой свело ногу, но Вернер упрямо толкал тело вверх, волоча за собой Ивонну. И наконец, озеро сжалилось над смельчаком, так отчаянно боровшимся за свою жизнь, и вытолкнуло его на поверхность.

Уставший, ослабленный, едва державшийся на воде сам и с трудом удерживавший Ивонну, потерявшую сознание, Вернер в смятении огляделся. На берегу метались воины, раздавались неистовые крики. В воду никто войти не решался – у самого берега билось разъяренное чудовище. С берега в него летели стрелы и камни. Но стоило змею вытянуть шею в попытке схватить обидчиков, как мечники тут же пускали в ход мечи, пытаясь ранить монстра.

Появление Вернера с Ивонной осталось незамеченным и отрядом, и чудовищем. Плыть к берегу, на котором стоял их отряд, было нельзя: мимо змея не проскользнуть, с одной стороны густые камыши, с другой – отвесный берег, куда не вскарабкаться. Развернувшись, Вернер устремился к противоположному берегу, молясь, чтобы монстр не заметил их и не кинулся вдогонку. Каждый гребок давался с трудом, берег приближался очень медленно. Если змей увидит их, то настигнет прежде, чем Вернер догребет до берега.

Цель была уже близко, когда вода забурлила, окатила волной. Вернер в тревоге обернулся: монстр торопился уйти под воду. Из его мощной шеи торчали несколько глубоко увязших стрел. Вода потянула назад, закружила водоворотом. Еще чуть-чуть – и уже не спастись. Как глупо погибнуть в нескольких шагах от берега! Эта мысль придала Вернеру сил, и он замолотил руками, стремясь выплыть. Несколько долгих отчаянных мгновений – и ноги коснулись песчаного дна.

Подхватив Ивонну на руки, он выскочил на берег. За спиной взметнулась стена воды: это змей ушел на дно, скрываясь от метких стрел лучника. Вернер без сил рухнул на колени, осторожно опуская Ивонну на землю. Только бы она была жива, только бы начала дышать! А мгновением позже на другом берегу раздался крик: их заметили. Хартвиг вскочил на коня, посадил рядом монахиню и направился в объезд. Озеро не так велико, скоро они будут здесь. И Бенедикта приведет Ивонну в чувство, помощи ей Всевышний.

Когда на противоположном берегу не осталось ни души, Вернер бережно убрал прядки волос с белого лица Ивонны. Наклонившись, на мгновение прикоснулся губами к ее мокрому, пахнущим тинной холодным неподвижным губам. Задержал дыхание, запечатлевая в памяти этот сладостный миг. Их поцелуй. Первый и последний, принадлежавший ему одному. Другого не будет. Все следующие поцелуи достанутся ее жениху, Дамарису. А об этом, сорванном украдкой, она никогда не узнает.

Стук копыт приближался, скоро отряд будет здесь. Надо торопиться, пока его не заметили. Вернер оглядел себя и ужаснулся. Повезло, что Ивонна не видит его. Хорош же он сейчас!

Плащ остался на дне озера, и порванные брюки уже не скрывают звериную шерсть на ногах. Сапоги тоже соскочили в воде, и теперь видны крупные волчьи лапы с острыми когтями. Да еще этот хвост!

Сжав на прощание кончики пальцев Ивонны, Вернер торопливо нырнул в заросли орешника.

Его отсутствие заметили не сразу. Сперва Хартвиг бросился к лежащей на траве Ивонне, потом его оттеснила Бенедикта, и Вернер затаил дыхание. Минуты ожидания потянулись вечностью в Преисподней. Но затем послышался кашель, хлынула вода, освобождая легкие Ивонны, и до Вернера донесся ее слабый голос. Жива! Сердце затопила радость, а тело внезапно скрутило судорогой, как всякий раз, когда действовало заклятье. Вернер не сдержал мучительного стога. На этот раз за что его наказывают?

– Кто там? – вскрикнула Бенедикта.

– Это я, – стиснув зубы, процедил Вернер и торопливо снял рубаху, прикрывая ею ноги. Потом рассмотрит, что на этот раз с ним приключилось.

– А чего там делаешь? – Над ним навис обеспокоенный Хартвиг.

– Одежда изорвалась. Стыдно на глаза показаться, – выдавил Вернер, едва не теряя

сознание от страха. А ну как Хартвиг сейчас поднимет его на смех, велит вылезать из кустов, и все увидят, в кого он превратился!

Но воин отреагировал на удивление серьезно.

– Сейчас все исправим, – пообещал он и направился к мечникам.

Дин, наиболее схожий с Вернером фигурой, на просьбу помочь магу с одеждой отозвался без возражений. И вскоре Хартвиг протягивал Вернеру целый ворох вещей, среди которых были и штаны, и рубаха, и сапоги, и даже короткий походный плащ.

– А это у тебя что? – Предводитель вдруг уставился на медальон на груди Вернера, который выбился из-под одежды.

– Нашел на дне реки, – соврал Вернер, пряча торопливо медальон за кипой тряпья.

Хартвиг не выказал недоверия и удалился, давая ему возможность переодеться. Вернер принялся стягивать с себя мокрые вещи.

Взволнованный голос Ивонны, рассказывающей о нападении змея, казался ему самой чарующей музыкой на свете. Выяснилось, что девушка захотела сорвать водяную лилию, которая росла на середине озера, и поплыла к ней. Бенедикта, которая плавала не очень хорошо, осталась у берега. Поэтому, когда дракон поднялся из глубины, Ивонна оказалась так близко к нему и уже не успела выбраться из воды.

«Как хорошо, что все обошлось», – с облегчением подумал Вернер, надевая штаны. Теперь бы еще хвост как-нибудь спрятать! Он торопливо коснулся рукой низа спины, но нащупал лишь границу между жесткой звериной шерстью и гладкой человеческой кожей.

Вывернув шею, Вернер в изумлении увидел, что волчий хвост исчез. Тогда как все остальное осталось прежним – звериные лапы, покрытые шерстью ноги. Но ведь был же хвост! Был, ему не приснилось! И хвост этот задирает плащ, так что Вернер боялся, что его заметят спутники. И болел, когда Вернер с разбегу шлепнулся на землю пятой точкой. И этот самый хвост молотил по воде, мешая ему нырнуть глубже за тонущей Ивонной, толкая его к поверхности.

Юноша в растерянности опустил на траву, не понимая, что происходит. Встрепенулся, вспомнив о недавней судороге, знаменующей действие заклатья. Покрутился на месте, разглядывая себя. Вдруг вместо хвоста у него возникло что-то другое? Но нет, выше пояса его тело по-прежнему оставалось человеческим, не тронутым заклинанием.

Выходит, что превращение повернулось вспять? Его сердце забилося чаще от неожиданной надежды. Получается, все можно исправить? То, что не удалось эльфу, хваставшемуся своими магическими умениями, свершилось само по себе? Но как, почему? И что надо сделать, чтобы вернуть себе прежний облик целиком?

– Ты там скоро? – кашлянул Хартвиг, подходя к кустам.

– Уже иду!

Вернер торопливо натянул оставшиеся вещи и вышел к отряду.

Каждое слово давалось с трудом, выплескивалось из горла тугим комом, оставляло привкус ряски на губах. Кажется, она выхлебала половину озерной воды, пока тонула. И далась ей эта водяная лилия! Ивонна уже сто раз пожалела о своем легкомысленном поступке. Подумаешь, захотелось поддержать в руках цветок, чью белизну рыцарь Торвальд сравнивал с кожей возлюбленной Донателлы. Какая глупость! Даже признаться вслух стыдно! Скажет только, что хотела сорвать диковинный цветок...

– Хвала Всевышнему, все обошлось, – беспрестанно повторял Хартвиг.

– Вер...нер, – выдохнула непослушными губами Ивонна, кутаясь в плащ Хартвига и всем телом дрожа от холода. И, заметив недоуменный взгляд предводителя, добавила: – Это его благодарить надо.

– Да-да, конечно, – спохватился Хартвиг. – Кстати, где он?

Из кустов донесся мучительный стон. Хартвиг метнулся туда, махнул рукой:

– Все в порядке, это Вернер.

Вернулся Ральф, посланный на тот берег забрать оставленное на берегу дорожное

платье Ивонны. Бенедикта, отведя ее в сторону, помогла переменить одежду на сухую. За это время воины разожгли костер в лесу, на безопасном расстоянии от озера. Ивонна с наслаждением протянула озябшие руки к огню. Наконец-то удалось согреться, почувствовать, что по венам по-прежнему течет кровь, а не стылая озерная вода.

Пламя костра успокаивало, стирало из памяти недавние переживания, и, отрешенно глядя, как танцуют огненные змейки на сухих ветках, Ивонна вновь вспоминала события книги, которая сгорела в огне. То, что произошло сегодня с ней, могло бы стать содержанием рыцарского романа.

Чудовище, напавшее на девушку, герой, который ее спас, рискуя собственной жизнью. Вот только в книгах такие подвиги совершали благородные рыцари, а не ученики магов. В книге рыцарь мог жениться на спасенной им девушке. В жизни между ней и ее спасителем пролегает бескрайняя бездна...

Вернер спасает ее уже не первый раз. Он тащил ее из смертельного водоворота из последних сил, свидетельством чему – синяки на ее запястьях и локтях, которые скрыты под рукавами платья. Чтобы броситься за ней в омут, нужны не просто смелость и долг. Нужно что-то большее. То, о чем даже и думать невыносимо. И то, что настойчиво стучится в сердце, делая образ Дамариса тусклым и поблекшим, как старый портрет, задвигая его в дальний угол, как устаревшую картину, освобождая место другому человеку, наполняя душу нежностью и теплом, каких никогда прежде она не испытывала к жениху.

Ивонна очнулась от чьего-то пристального взгляда. И вспыхнула при мысли, что все ее тайные думы стали известны обладателю этих карих глаз, которые вдруг сделались для нее красивее всех на свете. Сил хватило только на то, чтобы выдохнуть:

– Спасибо, что спас меня, Вернер...

Ивонна стояла у костра, протягивая руки к огню. С каким наслаждением он бы сейчас обхватил ее тонкие длинные пальцы, согрел их своим дыханием – большего счастья ему и не надо. Но разве можно помыслить о том, чтобы приблизиться к ней? Переодевшись в дорожное платье, Ивонна опять сделалась неприступной дочкой знатного вельможи. И о недавней шаловливой купальщице, которая обдала водой зазевавшуюся монашку, напоминали только влажные завитки волос, распущенных по плечам. Ах, если бы у него было одно желание, которое могло бы исполниться, Вернер не задумался бы ни на миг.

Прежние мечты о славе великого мага он без сожалений променял бы на возможность быть с нею. Каким счастливым он бы был, если бы Ивонна родилась в семье крестьян, жила бы с ним по соседству. Какое это невозможное блаженство – назвать ее своей женой, запустить пальцы в мягкое золото волос, припасть поцелуем к ее губам, держать ее в своих объятиях, резвиться в озере, дурачась, обдавать друг друга прохладной водой, догонять ее, с визгом убегающую по мелководью...

Ивонна почувствовала его взгляд, обернулась, шагнула вперед. Он с трудом удержался, чтобы не броситься к ней, не сгрести в охапку, не покрыть поцелуями ее лицо. Хорош бы он был... Знай свое место, сын прачки!

– Спасибо, что спас меня, Вернер...

Ее первая фраза, адресованная ему с тех пор, как они покинули Траморию. Только спасением жизни и обратишь на себя ее внимание...

– Я рад, что ты в порядке. – Голос не дрогнул. Почти – не считается.

– А ты?

Он не сразу понял смысла вопроса. Какое ей до него дело? Дернул шеей:

– Нормально.

Хотя где уж там нормально! Промок до нитки, повезло еще, что сухую одежду выдали. Проклятие уже наполовину превратило его в зверя. Хорошо хоть, хвост куда-то исчез. Но с этим еще предстоит разобраться.

Его состояние не укрылось от чуткой Ивонны:

– Бенедикта посмотрит тебя.

– Нет! – вырвалось у него.

Монахиня так и впилась в него взглядом, полным подозрения.

– Нечего меня лечить, – добавил Вернер. – Пусть побережет свои силы для дальнейшего пути.

– Что ж, – вмешался Хартвиг. – Если все целы и здоровы, то предлагаю здесь больше не задерживаться. Привал с обедом устроим где-нибудь в другом месте.

Возражений не последовало. Никому из отряда не хотелось трапезничать в непосредственной близости от озерного чудовища.

К вечеру впереди показались крепостные стены Триэля, и на закате солнца отряд въехал в городские ворота. Устроившись в гостинице, спутники разбрелись по своим делам. Ивонна, утомленная дорогой и событиями дня, удалилась в свою комнату. Монахиня собралась навестить храм, чтобы попросить милости у Всевышнего да спокойной дороги до Левенделла.

Хартвиг отправился искать книжную лавку, чтобы разжиться подробной картой Невендаара взамен утерянной в дороге. Вернер увязался за ним в надежде найти лавку волшебника и потолковать с тем о заклятье. К тому же следовало купить плащ с капюшоном и перчатки – подстраховаться на случай дальнейшего превращения. Деньги на покупки были: по прибытии в город Ивонна выдала сопровождающим немного золота в качестве аванса.

Книжная лавка оказалась неподалеку, и Вернер, поддавшись любопытству, вошел вслед за Хартвигом. Пока хозяин раскладывал перед воином все имеющиеся в наличии карты Невендаара, Вернер перебирал стопки книг, лежащие на столиках. Что искал, он и сам не знал. Книг заклинаний здесь быть не могло. Быть может, найдутся легенды и предания об оборотнях?

Но попадались сплошь эльфийские сказания да выдуманные истории из жизни рыцарей. «Нет, чтобы о волшебниках написать!» – с досадой подумал Вернер, открывая наобум одну из толстых книг, в истрепанной кожаной обложке. И почему писатели прославляют одних рыцарей? Что за несправедливость! Волшебники совершают не меньше подвигов.

Книга открылась на рисунке: молодой рыцарь увозит на своем коне прекрасную белокурую девушку. Позади высится тело убитого монстра. Соседняя страница была исписана красивым крупным почерком – не чета корявому почерку Огастеса, о который он уже себе все глаза сломал. Читать книгу, переписанную искусным писцом, должно быть, истинное наслаждение. «Глава шестая. Как благородный рыцарь Торвальд прекрасную деву Донателлу от страшного чудища спас», – прочитал он вверху страницы. Интересно, кто только покупает подобную муть?

– Я смотрю, тебя заинтересовали приключения рыцаря Торвальда? – раздался еле слышимый голос торговца за спиной.

Вернер, пойманный врасплох, торопливо захлопнул переплет. Не хватало еще, чтобы торговец решил, будто он интересуется этими бреднями!

– Замечательная книга, – принялся нахваливать хозяин лавки, – превосходные иллюстрации, редкий список! Единственный экземпляр! Только сегодня купил у странствующих купцов.

– Как-как? – переспросил Хартвиг, убирая купленную карту. – Приключения рыцаря Торвальда?

– Превосходная книга! – оживился торговец, подавшись к нему. – Вы только посмотрите, какие иллюстрации!

Вернер с изумлением взглянул на воина. Кто бы мог подумать, что тот на досуге почитывает рыцарские романы!

– Ивонна эту книгу очень искала, – пояснил Хартвиг. – Свою сожгла случайно, не дочитав до конца, теперь ищет везде. Вон и в Трамории спрашивала в книжной лавке, да там про такую и не слышали.

– Редкий экземпляр! – с ликованием подтвердил торговец. – Такую больше нигде не

найдете.

– Сколько? – внезапно вырвалось у Вернера. Рука сама собой потянулась к карману, где лежали три золотых монетки.

Глаза торговца забегали, подсчитывая прибыль, губы забормотали:

– Кожаный переплет, рисунки Ледонара, список самого Вантессера, хорошая сохранность...

– Сколько? – сухо повторил Вернер.

– Четыре золотых! – выпалил торговец.

– За эту кипу бумаги? – Вернер презрительно фыркнул и принялся сбивать цену.

Из лавки он вышел с двумя золотыми и книгой, обернутой в бархатный лоскут (упаковка – в подарок от торговца). Хартвиг, с интересом следивший за торгом, направился к гостинице. Покупку Вернер ему отдать не пожелал – хотел вручить ее Ивонне сам. Так и отправился с книгой под мышкой искать волшебника и портного.

В лавке портного он простился с еще одним золотым и остался весьма доволен коричневым дорожным плащом с глубоким капюшоном и широкими кожаными перчатками, купленными про запас. Узкие перчатки из тончайшей кожи, которые приволок портной сперва, идеально сели на руку – даже снимать было жаль.

Но надо было думать о будущем: главное – скрыть волчьи лапы, если заклятье распространится дальше! Поэтому Вернер выбрал самые широкие и большие перчатки из всех имеющихся в лавке, оказавшиеся к тому же самыми неказистыми и сделанными из грубой жесткой кожи. Свой выбор Вернер объяснил тем, что покупает подарок дяде.

– Наверное, твой дядя – мясник? Хотел бы я посмотреть на его ручищи! – покачал головой портной и поделился: – Я уж отчаялся их продать, лежат без спросу уже два года. Оторвать бы руки моему ученику, который их сшил.

Расщедрившись, портной отдал перчатки бесплатно. Но сбереженные деньги не грели душу. Из лавки Вернер уходил с тяжелым сердцем: искренне хотелось верить, что перчатки ему не пригодятся. Но надежды на это было мало.

Триэльские волшебники его тоже не обнадежили. Об оборотнических заклинаниях никто слыхом не слыхивал. Стоило только завести об этом речь, как на него тут же начинали смотреть косо, и Вернер предпочитал покинуть лавку, опасаясь, как бы подозрительный старикан не сдал его в лапы инквизитору. Среди людей оборотней не водилось. Оборотни служили Мортис, а все, что имеет отношение к Ордам Нежити, находится под пристальным надзором инквизиции. Только в последней лавке, принадлежащей добродушному толстячку с рыжей бородой, Вернер узнал что-то новое.

Волшебник поведал ему о гномьем заклинании «Призывание духа Фернира», которое, будучи примененным в бою, позволяло гному на время превратиться в волка. Точно, возликовал Вернер, Гидеон же провел долгое время у гномов, изучал их магию и мог освоить это заклинание. Однако о том, чтобы кто-то из людей мог обернуться волком, волшебник ничего не знал и такую возможность пылко отрицал. Не снимать же порты и не демонстрировать ему звериные лапы!

Так ничего и не добившись, Вернер возвратился в гостиницу. Волчьи лапы, не привыкшие к пешим прогулкам, нещадно гудели. Ивонну в поздний час тревожить он уже не стал – вручит свой подарок утром. Прощмыгнув в комнату, которую он делил с двумя мечниками, Вернер прямо в одежде улегся на постель, молясь, чтобы никто из его спутников не заметил в нем ничего подозрительного.

А потом долго лежал в темноте, слушая раскатыстый храп спящих и завидуя их спокойному сну. Сегодняшний вечер прояснил только одно: эльф был прав, когда говорил, что таких заклятий не встречал прежде. Должно быть, Гидеон изменил гномье заклинание, переработал его на свой лад. На помощь других волшебников надеяться не стоит. Быть может, эльф был прав и в другом: заклинание с него может снять только сам Гидеон?

Ему бы только довести Ивонну до дома без происшествий, сдать на руки отцу, а там ему уже не нужны никакие столичные Башни Магии и знаменитые учителя. Он вернется в

родную деревню, повинится перед наставником и попросит прощения. Гидеон не злой, сжалится. Если не ради него, то ради Гелены. Успокоенный этой мыслью, Вернер провалился в тревожный, прерывистый сон.

Ему снилось озеро, и оскаленная пасть чудовища, и Ивонна в центре водной воронки, и холодная мутная вода, в которой он ее искал, и чудесное спасение, и поцелуй, сорванный украдкой, и лед ее неподвижных губ, и слова, которые она сказала ему на берегу:

– Спасибо, что спас меня!

Его разбудили голоса проснувшихся воинов, но громче них в голове звучал хрустальный голос Ивонны: «Спасибо, что спас меня. Спасибо, что спас». Он резко вскочил в постели, вдруг все поняв.

– Ты что? – удивленно обернулся к нему Дин.

Вернер покачал головой и вышел за дверь. Ему надо было побыть наедине, обдумать то, что ему внезапно открылось.

Утренний воздух был прохладен и свеж, и Вернер нырнул в него, как в озеро, сбежав с крыльца во двор. В ранний час во дворе никого не было – те, кто проснулся, еще только завтракали. Из таверны на первом этаже доносились гомон голосов и стук посуды. И никто не мешал Вернеру прохаживаться вдоль гостиницы. Если бы кто-то оказался в тот миг во дворе, то наверняка обратил бы внимание на возбужденный вид молодого человека, на его растрепанные ото сна волосы, на его лихорадочно покрасневшие щеки, на его взволнованно шепчущие губы. Этот кто-то вряд ли удержался бы от искушения подкрасться поближе и послушать, что там бормочет странный юноша.

– Спасение, – непрерывно повторял Вернер себе под нос. – Гибель живого существа влечет наказание, а спасение жизни – отменяет предыдущее наказание.

Как он раньше не догадался? Ведь впервые заклятье настигло его еще на поле с орками. В ту ночь он четко видел звериную шерсть, которая покрыла ногу, чувствовал, как стал тесен ему башмак. Но тогда толком разобраться он не успел – к нему подскочил Хартвиг с просьбой помочь Ивонне. Вернер спас ей жизнь – и заклятье дало обратный ход.

Придя в себя в келье аббатиссы, он не обнаружил следов звериной личины. И вряд ли это можно было списать на искусную работу целительницы. Уж служительница-то Всевышнего, увидев звериную лапу вместо человеческой ноги, непременно подняла бы шум. Значит, к ней в дом Вернер попал уже без отметин зверя.

После отъезда из Трамории заклятье вновь и вновь вступало в силу с каждым убийством и беспощадно уродовало его тело. А ведь он убивал только тех, кто угрожал его собственной жизни или жизни его спутников: разбойника, безумную Кармиллу, дикого волка.

Нелепость, но заклятье наказало его даже за волка, даже за некроманта, который сам просил освободить его от Мортис. Но нет, заклятье Гидеона не делало никаких поблажек, не принимало никаких смягчающих обстоятельств. Убил – получай. И вот теперь у него появилась надежда. Спасение жизни Ивонны, даже совершенное без помощи магии, своими собственными силами, обратило заклятье вспять. А значит, чтобы вернуть себе полностью человеческий облик, всего-то и нужно, что спасти еще несколько жизней. Он уже впал в отчаяние после неудачи с эльфом и волшебниками, и вот у него появился вполне реальный шанс!

– Вернер, – окликнул его с крыльца Хартвиг, – ты что там? Иди подкрепишься да поедем дальше.

– Иду. – Он махнул рукой и поспешил в гостиницу, чувствуя, что страшно проголодался.

Спасение – вот его шанс.

Глава 9 Отчаяние

Легко сказать – трудно сделать! Дорога до Фергала обернулась для Вернера инквизиторской пыткой. Не сказать, чтобы уж совсем ничего не происходило. Отряд пришел на помощь купцам, возвращавшимся из столицы, и отбил напавших на них разбойников, потом уложил пару скелетов-разведчиков, шныряющих по Империи и вынюхивающих что-то по велению Мортис. Пришлось столкнуться и с зеленокожими: на этот раз их было мало, и битва закончилась бегством орков, даже толком не начавшись.

Возможностей защитить своих спутников было хоть отбавляй – только для этого необходимо было убивать тех, кто угрожал их жизни, а такое спасение заклетье Гидеона не засчитывало. Вернер старался держаться поодаль, прикрывал воинов магией, давая им возможность самим разделаться с противником, но все равно не уберегся.

Сперва, спасая Кельса от разбойника, подкравшегося со спины и занесшего топор, Вернер снова обзавелся хвостом. Затем во время столкновения с зеленокожими один из орков, бесстрашный и мощный, напролом кинулся к Бенедикте. Мечники в это время отражали первую атаку, и монахиня, державшаяся в стороне, осталась без защиты. Еще бы мгновение, и девушке конец. Но Вернер заметил зеленокожего и не раздумывал ни минуты. Однажды он уже не смог уберечь Адонию, погибнуть Бенедикте он не даст. Монашка, кажется, даже не осознала грозившей ей опасности. Только брезгливо скривилась, когда зеленая кровь орка брызнула на нее, и принялась тереть лицо и очищать платье. А Вернер чуть не взвыл от скрутившей его боли. Стоило орку упасть к его ногам, как заклетье не задержалось с наказанием.

Пока мечники успешно теснили зеленокожих к лесу, Вернер доковылял до кустов у дороги и, приподняв рубашку, выругался. Он стал волком ровно на половину тела – до пояса. Тело, покрытое звериной шерстью, еще сохраняло человеческие очертания, но оставалось немного до того момента, когда превращение полностью завершится.

– Тебя задели? – Встревоженный голос монахини прозвучал за спиной, заставив его подпрыгнуть от неожиданности. Вернер торопливо одернул рубаху, молясь, чтобы она ничего не заметила. Повернулся.

Бенедикта пристально смотрела на него, но во взгляде не было страха или брезгливости, только сострадание и желание помочь. Не видела, с облегчением понял Вернер.

– Все в порядке, – успокоил ее он.

– Уверен? – Девушка недовольно поджала тонкие губы и взглянула на него с вызовом. – Думаешь, я ни на что не гожусь?

– О чем ты? – Вернер растерялся от этой внезапной обиды.

– А то я не вижу, – дернула подбородком Бенедикта. – За все время в пути ты ни разу не принял моей помощи.

– Но со мной правда все в порядке, и я не нуждаюсь в исцелении, – примирительно ответил он. – А в твоих умениях сомнений нет: что я, не вижу, как ты ловко лечишь наших воинов во время схваток? Даже Хартвиг не раз говорил, что с целительницей нам очень повезло.

– Правда? – недоверчиво уточнила Бенедикта.

– Конечно правда. – Боль прошла так же быстро, как возникла, и Вернер нашел в себе силы широко улыбнуться.

– Спасибо, что спас меня от этого громила, – серьезно сказала монахиня.

Поняла все-таки. А вот проклятое заклетье ничегошеньки не понимает! Вот же, стоит перед ним девушка, за спасение жизни благодарит! А что толку, если он за ее избавление расплачивается своей шкурой? Прямо хоть тащи монахиню к обрыву и кидай вниз в реку, а потом спасай, чтобы избавиться от последнего действия заклетья.

– Не за что, – в смятении пробормотал Вернер и ободряюще ей подмигнул: – Подлатаешь меня как-нибудь – сочтемся.

Бенедикта довольно кивнула и поспешила к повозке. Вернер тяжело поковылял следом, с трудом переставляя волчьи лапы и мечтая скорее взгромоздиться на лошадь.

Вновь потянулась дорога. Чем ближе к столице, тем чаще стали встречаться отряды инквизиторов и имперских асассинов. Несколько раз Вернер видел отряды, везущие пленников: полуголового некроманта в звериной шкуре, эльфийскую воительницу, мрачного головореза. Каждая такая встреча была уколom в сердце, напоминая об эльфе, которого он освободил. Еще больше омрачало настроение то, что Вернер понятия не имел, что натворил отпущенный им пленник. Был ли он искусным стратегом, который поведет войско на Империю? Или могущественным эльфийским магом, встреча с которым обернется гибелью для многих солдат Империи, а может, и уже обернулась? Живя в деревне, Вернер четко представлял границы между добром и злом.

Но стоило выйти за ворота и окунуться в настоящую жизнь, как стало понятно: эта грань очень условна. Гидеон часто повторял, что лучше получить рану, чем нанести ее, и считал злом любое убийство живого существа. Но разве не благо – остановить дикого орка, который угрожает жизни монахини? Разве не благо – убить лютого волка, который задумал вцепиться в глотку своей жертве? Разве не благо – освободить некроманта, который устал служить Мортис и мечтает обрести покой? Ему будет о чем поспорить с учителем, когда он вернется в деревню. Если вернется. Если еще сможет говорить, а не быть волком.

Еще более тяжелое чувство оставляли встречи с отрядами инквизиции. При виде высоких синих шляп охотников за ведьмами у Вернера сжималось сердце. Да и его спутники тут же умолкали, провожая взглядом несчастных заплаканных пленниц. Девушки и женщины, которым не повезло родиться с ведовским даром, были обречены. Инквизиция выслеживала их по всей Империи, находила даже в самых диких лесах, наступала в затерянных в горах пещерах, вырывала из рук отчаянно рыдающих родственников, не жалела детей, которым суждено стать сиротами.

Однажды мимо провезли двух пленниц – помоложе и постарше. Они были так похожи, как могут быть похожи только мать и дочь. Смирившись со своей участью, они крепко держали друг друга за руки. И старшая что-то успокаивающе нашептывала младшей. Видеть это было так невыносимо, что Вернер отвернулся, чувствуя, как вскипает в нем ненависть к равнодушным и беспощадным инквизиторам. У всех служителей церкви было что-то общее во внешности: их отличали восковые лица, заострившиеся черты, тяжелый взгляд хищника, жестокий изгиб рта, какой бывает только у палачей. И это – служители Всевышнего!

Инквизиция смертельной паутиной опутала всю Империю, на пути отряда не раз встречались грозные махины замков инквизиции, стоящие в стороне от дорог. И всякий раз всадники невольно погоняли коней, торопясь проехать эти места. Казалось, там все насквозь пропитано людскими страданиями, а в воздухе разлиты горькие слезы.

Инквизиторы заявляют, что служат на благо жителей Империи, спасают их от жестокости ведьм и пагубного влияния еретиков. Вот только почему, глядя на их пленников, испытываешь сострадание и боль, а глядя на самих инквизиторов – только страх и отвращение?

Даже Бенедикта, всегда с почтением отзывавшаяся об инквизиции, после таких встреч надолго умолкала и делалась мрачной. А Ивонна собирается замуж за племянника такого вот бездушного палача! Ревность рвала сердце Вернера в клочья, но еще больше терзаний добавлял страх за то, что будущее Ивонны с благородным Дамарисом окажется не таким радушным, каким она его себе представляет.

Половина пути была уже позади, дни, которые Вернер проведет рядом с Ивонной, можно было сосчитать по пальцам, и это придавало ему дерзости. Если в начале пути он старался держаться от Ивонны подальше, то сейчас при любом удобном случае заводил с ней разговор, торопился помочь на привале или в дороге.

Вернер не мог соперничать с опытными, много повидавшими на своем веку Гаррисом или Кельсом, когда те заводили рассказ о своих подвигах или о путешествиях в земли эльфийского альянса и горных кланов. Тогда и Вернер, и Ивонна, не выезжавшие за границы Империи, с увлечением слушали о золотых эльфийских лесах и чудесных единорогах, о снежных бурях и скрытых под землей городах гномов.

Вернер не раз приставал к Хартвигу с просьбой рассказать об Алкмааре, но всякий раз воин делался мрачным и резко обрывал его. События почти двадцатилетней давности, которые развернулись в землях Орд Нежити, по-прежнему отдавались болью в сердце, и этой болью Хартвиг не хотел делиться ни с кем.

Однако в том, что касалось веселых историй, Вернеру не было равных. Однажды у костра, когда воины устали хвастаться своими подвигами, он рассказал анекдот, приключившийся со старым мельником, отцом Бейла. Сначала старшие мечники смотрели на него со снисхождением: что такого им может поведать мальчишка, никогда прежде не выезжавший за околицы своей деревеньки? Однако вскоре на их лицах заиграли улыбки, раздалась смехи, к концу истории переросшие в громкий гогот.

Спутники хохотали до колик в животе – так потешно Вернер изображал мельника, его сварливую жену и привередливого покупателя. Но для Вернера гораздо приятнее был хрустальный смех Ивонны: еще днем она чуть не утонула в озере, а теперь задорно смеялась, забыв обо всех своих несчастьях.

В тот вечер Вернер праздновал свою вторую победу: днем он спас ее от смерти, а сейчас – от тоски. И улыбка, адресованная ему Ивонной, была для него ценнейшей наградой на свете. С того вечера воины то и дело просили его рассказать еще что-нибудь веселое, и Вернер никогда не отказывался. Он знал, что даже в пути, прильнув к занавеске в своем экипаже, Ивонна с улыбкой ловит каждое его слово.

И от этой мысли он приходил в удар, и сочинял на ходу, дополняя истории деталями, импровизировал и пародировал, передразнивал, и когда он умолкал, завершив свой рассказ уморительной развязкой, весь отряд умирал со смеху, и на них, безудержно хохочущих, в изумлении взирали проезжавшие мимо путники.

О приближении к столице стало понятно по тому оживлению, которое царило на дороге. Одинокие всадники и целые отряды, крестьянские повозки, богатые экипажи – казалось, вся Империя устремилась в Фергал, тогда как навстречу, из столицы, почти никто не ехал.

– Добрый день, почтеннейший, – обратился Хартвиг к дородному купцу, ехавшему на телеге, нагруженной бочонками с вином. – А что, в столице нынче ярмарка?

– Ярмарка? – Тот удивленно подпрыгнул на облучке. – Никак нет.

Хартвиг озадаченно взглянул на купца. Тогда куда направляются все эти люди? И куда сам купец везет полный воз вина?

– Как? – Купец так и подскочил на месте. – Вы разве не слышали? В Императорский дворец прибыла посланница небес. – Он воздел указательный палец, указывая на небо, и с благоговением произнес: – Та самая.

– Упавшая звезда? – заинтересованно загалдели мечники. – Да ну?

– Она, она, – закивал головой купец. – Девушка-ангел по имени Иноэль.

Хартвиг заметил, как занавеска в экипаже Ивонны шелохнулась: девушка с интересом прислушивалась к новостям. Теперь понятно, какое событие привлекло в Фергал столько людей со всех уголков Империи. Все надеются первыми узнать новости, а если повезет, то и взглянуть на посланницу.

«Ох, некстати мы прибыли в Фергал», – покачал головой Хартвиг.

Теперь и гостиницу свободную придется поискать, и по улицам так просто не проедешь. Но возможность объехать столицу стороной он отменил сразу: его люди устали и нуждаются в отдыхе, лошадям неплохо бы поменять подковы. Да и ночевка в городе куда более безопасна, чем остановка в чистом поле или глухом лесу.

Вскоре впереди показались высокие стены Фергала, и отряд пришпорил коней.

Фергал, средоточие его недавний мечтаний... Вернер жадно разглядывал мощные крепостные стены, обступившие пронзающие небо башни. Крыша самой высокой из них была скрыта большим пушистым облаком. Башня Магии поражала воображение своими размерами, и казалось, что волшебник, который поднимется на ее вершину, сможет попасть

на самое небо. Вот только Вернеру уже никогда не стать этим волшебником... Еще несколько дней назад при этой мысли его бы накрыло лавиной отчаяния, сознание того, что самая большая его мечта никогда не сбудется, стало бы для него концом света. Вернер, который покидал родную деревню, жаждал славы, знаний и почестей. И дорога к ним начиналась здесь, за воротами Фергала, на ступенях Башни Магии, которая хранит следы величайших волшебников Империи и служит сокровищницей сильнейших заклинаний.

Того Вернера больше нет. Амбициозный юноша, грезивший покорить себе магию всех рас Невендаара, умер на полпути к своей мечте, сраженный закланием Гидеона и внезапной любовью. Тот Вернер, который приближался к воротам Фергала, был другим. Он уже не принадлежал самому себе, он принадлежал Ивонне. Девушка с лучистыми глазами и хрустальным смехом вытеснила из его души все прежние мечтания, которые теперь казались сором.

Отныне вся жизнь Вернера заключалась в ней – в ее случайном взгляде, в ее мягкой улыбке, в ее тихом голосе. Как упавшая звезда осветила на одну ночь небосклон Невендаара, так и появление Ивонны озарило жизнь Вернера, навсегда ее изменив. Служение ей – вот высшее предназначение, ее безопасность – вот подлинное счастье, ее радость – вот бесценная награда. Вернер навсегда запомнит сияние ее глаз, когда он преподнес ей том рыцарского романа. Все золото гномьих подземелий не стоит одного ее благодарного взгляда.

Как он будет жить потом, когда доставит Ивонну к воротам ее замка, Вернер не думал. Зачем? И так ясно, что в тот миг, когда высокие ворота захлопнутся за спиной Ивонны, навсегда разлучив ее с ней, его жизнь закончится. Но сейчас счастьем его не было предела – он был рядом, мог видеть ее, мог говорить с ней. И несколько дней этого блаженства, которые ждут его до конца пути, стоят всей его прошлой никчемной жизни.

– Добро пожаловать в Фергал! – Громкий возглас стражника, зорко следившего за въезжавшими в город, возвестил о том, что они уже на месте.

Преодолев небольшой затор у ворот, отряд ступил на широкую и длинную мостовую, полную людей. В конце ее, далеко впереди, виднелся большой фонтан.

– К дворцу не поедет, – придержал спутников Хартвиг и кивнул на уведящую в сторону узкую безлюдную улочку. – В толпе небезопасно, – пояснил он, когда отряд двинулся вслед за ним. – К тому же в центре города будет трудно найти свободную гостиницу. Лучше остановимся где-нибудь здесь.

В первой гостинице, куда они постучались, их ждала неудача. Все комнаты были заняты. Во второй им предложили всего две комнаты вместо четырех. Наконец, в третьей, самой дальней от главных ворот, притаившейся в тихом переулке, им повезло. Хотя хозяйка, хитрая старуха с бегающим взглядом, запросила такую цену, что Хартвиг уже развернул коня, но Ивонна спорить не стала. Устав от долгой дороги, она готова была заплатить любые деньги за возможность выспаться в чистой постели.

Ивонна удалилась к себе, воины занялись лошадьми, Бенедикта отправилась в храм – вознести благодарственную мольбу небесам за ниспосланного на землю ангела, а Вернер, предоставленный сам себе, пошел попытать счастья в лавках столичных волшебников. Кто, как не маги Фергала, способны одолеть заклятье Гидеона! Однако тут его поджидало разочарование. Из-за наплыва гостей в городе нигде было не протолкнуться. У лавок портных сгрудились богатые экипажи, по улицам сновали сотни людей, таверны были полны народу. А уж что творилось в лавках волшебников! Нечего было и помыслить о том, чтобы наедине переговорить с владельцем и сохранить разговор в тайне. Вернер посетил пять лавок – и все с одинаковым результатом. Волшебники разрывались на части, демонстрируя многочисленным покупателям свитки, зелья и магические книги. Где уж тут отловить их для беседы?

Оставив эту затею, Вернер решил прогуляться до Императорского дворца. Заблудиться он не боялся: все люди спешили в одном направлении, и нетрудно было догадаться, что именно на дворцовой площади собирается народ, ожидая новостей о небесной посланнице

Иноэль.

Слившись с толпой, Вернер вспоминал, какие предположения возникли у его товарищей в связи с падением звезды. Вспомнились трагическое предсказание Ворона о пагубном море, который найдет Мортис на Невендаар, боязливый шепот Бейла о гнев Божьем. Оказались бы они сейчас здесь, в Фергале! Кажется, ликование разлито в воздухе. Куда ни глянь – веселые люди. На лицах улыбки, в глазах – блеск.

Явление небесной посланницы наполнило сердца людей радостью и надеждой. Невозможно не поддаться всеобщему воодушевлению, невозможно не поверить в милость Всевышнего. Какое счастье, что Иноэль жива, что она сейчас во дворце императора и демоны Бетрезена до нее не добрались! На мгновение Вернер поморщился: страшный голос, требовавший найти ангела, громом прозвучал в голове. Но уже в следующий миг его заглушили торжествующие голоса толпы, празднующей появление посланницы.

Вернер слился с толпой, позволил увлечь себя оживленному потоку, забыл о том, что он уже наполовину зверь, – в толкучке его неуклюжесть и странная походка были незаметны. А в душе меж тем крепла уверенность: все будет хорошо. Он сможет одолеть заклятье Гидеона, он снова станет человеком и сможет обнять мать, не опасаясь, что та с ужасом отшатнется, увидев, в кого он превратился.

И только сознание того, что Ивонна никогда не станет его, могильным червем грызло сердце, отравляя эйфорию, которой он поддался. Но унынию сегодня не было места в Фергале. Кто-то из толпы затянул знакомую песню, ее подхватил хор голосов, и вот уже сам Вернер до хрипоты подпевает своим соседям. И песня о благодатном Невендааре, оторвавшись от земли, летит к небесам – благодарением Всевышнему, который так добр к ним.

Толпа вынесла его к тому самому фонтану, который был виден из главных ворот. И Вернер, с любопытством задрав голову, разглядывал каменное изваяние, а потом, зажмурившись, подставлял щеки прохладным брызгам воды. Изящным каменным цветком с вкраплениями цветных витражей высился в стороне Императорский дворец, подступы к которому охраняла стража, не подпуская толпу к дворцовой ограде.

Черной машиной нависал над площадью Дворец инквизиции, похожий на кладбищенского ворона. Странно, что в ликующей толпе не видно инквизиторов, отметил Вернер. Кому, как не служителям Всевышнего, первым радоваться по случаю прибытия небесной посланницы?

Внезапно Вернер вздрогнул: чужой пристальный взгляд острой стрелой впился в висок. Он резко развернулся и остолбенел. Эльф! Тот самый, которого он освободил в лесу. Теперь он здесь, в Фергале! Невероятно! Его разыскивает инквизиция, а он спокойно разгуливает перед окнами ее главной резиденции. На бывшем пленнике был дорожный плащ с глубоким капюшоном, скрывавшим лицо от любопытных взглядов, но у Вернера не было сомнений в том, что он не ошибся. Эти холодные голубые глаза и эта тонкая улыбка не могут принадлежать человеку. Эльф уже отвернулся, смешался с толпой, Вернер дернулся было за ним, но, окруженный со всех сторон людьми, не смог тронуться с места.

– Эй, парень, хорош толкаться! – осадил его здоровяк, которому он случайно двинул в бок.

А в следующий миг Вернер уже сам прирос к месту, потрясенный пришедшей в голову догадкой. Что может быть нужно бывшему пленнику в Фергале в день приезда небесной посланницы? Конечно, ему нужна она, девушка, спустившаяся с небес. Должно быть, инквизиторы узнали о планах эльфа и поторопились схватить его прежде, чем он доберется до ангела. Вероятнее всего, Альвиан собирался ей навредить, а инквизиция охраняла небесную посланницу.

Какой же он дурак! Что натворил! Теперь эльф здесь, совсем рядом с императорским дворцом, и ангелу угрожает опасность. Между прочим, по его, Вернера, вине! На миг Вернер представил, что произойдет, если Иноэль погибнет. Людская толпа, но на этот раз не ликующая – рыдающая. На лицах людей – отчаяние, в глазах – смертельная тоска.

О какой милости небес можно мечтать, если их посланница, отправленная для спасения Невендаара, обрела здесь гибель? И всему виной он, Вернер, освободивший преступника, развязавший руки убийце...

Оставаться среди ликующего народа дальше – невыносимо. Искать эльфа, давно затерявшегося в толпе, – бесполезно. Постучаться в резиденцию Великого Инквизитора, чтобы сообщить о беглом преступнике, – самоубийство. Зоркие инквизиторы быстро выбьют из него всю правду и бросят в темницу.

Остается только молиться, чтобы капитан Ламберт, охраняющий Иноэль, уберег ее от эльфа. Из разговоров горожан Вернер знал, что Ламберт – отважный и опытный воин, пользующийся доверием императора и заслуживший уважение среди жителей Фергала. «Помоги ему Всевышний», – тихо пробормотал Вернер и принялся выбираться из толпы.

Глава 10 Откровение

Из Фергала выехали на рассвете. Город, всю ночь напролет праздновавший пришествие посланницы, только утомился и был непривычно тих. Нарушали спокойствие лишь негромкие разговоры запоздавших посетителей, которые просидели в тавернах до самого утра и только сейчас расходились по домам. Один из мечников перекинулся словом с хмельным мужичком, от которого разлило крепким элем, и разузнал, что с вечера ничего интересного в городе не произошло.

Толпа, собравшаяся на дворцовой площади, простояла до самой ночи в надежде повидать ангела. За полночь стражники принялись разгонять народ, объявив, что небесная посланница беседует с императором и сегодня уже не появится. Разочарованные горожане разошлись по домам, а кто-то отправился пропустить кружечку эля с приятелями.

– Интересно, какая она, посланница небес? – негромко произнес Дин, когда впереди показались городские ворота.

А сердце Вернера вновь тревожно сжалось при воспоминании об элфе. Если вчера Иноэль не покидала стен дворца, то Альвиан зря толкался на площади до самой ночи. Но если сегодня ангел решит выйти к горожанам, то эльф, смешавшись с толпой, сможет приблизиться к ней. И тогда... Что будет тогда, думать не хотелось.

Погрузившись в невеселые мысли, Вернер и не заметил, как отряд выехал за ворота. Зато от внимания Хартвига не укрылся унылый вид мага.

– Жалеешь, что покинули Фергал так быстро? – спросил он, желая отвлечь юношу.

– Что? – Вернер непонимающе поднял глаза.

– Ты же мечтал попасть сюда, побывать в Башне Магии – затем и ушел из дома, – заметил предводитель. – И вот приходится уезжать, ничего толком не увидев.

Вернер растерянно моргнул. Какими далекими сейчас казались его прежние мечты! Но пусть лучше Хартвиг думает, что он грустит из-за того, что столица осталась позади, чем догадается об истинной причине его тоски. Пришлось кивнуть, соглашаясь с предводителем.

– Не унывай! – ободряюще улыбнулся тот. – До Левенделла уже недалеко. Доберешься с нами до замка, получишь свое вознаграждение и скоро вернешься в столицу. Да уже не с пустыми карманами!

Ответная улыбка далась Вернеру с трудом. Не подозревая о том, Хартвиг нанес ему удар в самое сердце. Всего несколько дней – и он навсегда простится с Ивонной. Зачем ему Фергал, зачем все золото Империи, если уже больше не будет ее нежных улыбок, ее ласкового голоса, нечаянных встреч их взглядов, от которых пронзает, словно молнией?

Дорога, ведущая из Фергала, в ранний час была пуста. Гости, съехавшиеся поглазеть на небесную посланницу, оставались в городе. А те, кто только ехал в столицу, где-то задержались на ночлег и еще не выехали в путь.

Через час широкий тракт, проложенный между полей и деревень, свернул в лес и сузился. Деревья обступили дорогу, загрозили пышной листвой лесных обитателей от

любопытных взглядов путников. Вернер думал о матери. Как она там? Плачет? Ищет его? Узнав о ссоре с Гидеоном, винит в бегстве сына его наставника? Уже не надеется увидеть его живым? Каково ей, уже потерявшей мужа, теперь потерять сына?

Погрузившись в тяжелые мысли, Вернер не заметил, как лес вокруг пришел в движение и в один миг расступились разлапистые ветви, выпуская на дорогу не меньше дюжины вооруженных эльфов. Хартвиг придержал его лошадь за узду, и Вернер вздрогнул от резкой остановки.

– Да очнись ты! – с досадой воскликнул Хартвиг.

И Вернер только сейчас увидел обступивших их противников, которые выставили клинки и натянули тетивы луков. На первый взгляд эльфы не представляли собой грозного зрелища: хрупкие и невысокие, не отличающиеся физической силой, они казались подростками в сравнении с крепкими воинами Хартвига. Однако оружие в их руках выглядело весьма убедительно. Вернер увидел наставленные на них диковинные изогнутые клинки, арбалеты и луки разведчиков, бьющие без промаха.

Воины Хартвига, остановив коней, в смятении оглядывались по сторонам, не понимая, что нужно от них эльфам. Раз не нападают сразу, значит, есть возможность договориться, воспрянул духом Вернер. Похоже, и Хартвиг на это надеялся. Предводитель хоть и держался настороже, но не торопился отдавать приказ к атаке. Если есть шанс избежать столкновения, надо его использовать. Чего же потребуют эльфы? Золота? Коней? Провожатого? Магии?

Державшийся позади эльф в дорожном плаще с глубоко надвинутым на лицо капюшоном вдруг подал голос.

– Отдайте нам девушку.

– Что? – гневно рявкнул Хартвиг.

А Вернер застонал, узнав голос пленника. Эльфы расступились, пропуская вперед говорившего.

– Отдайте девушку, – повторил тот, остановившись в нескольких шагах от людей. Лицо его по-прежнему скрывал капюшон, было видно только острый гладкий подбородок. Эльф шевельнулся и кивком указал на экипаж Ивонны.

Если прежде у Вернера и была надежда, что эльф говорит о монахине, целебная сила которой могла им понадобиться, то теперь сомнений не осталось. Им нужна Ивонна. Но зачем?

Такой же вопрос отразился в глазах Хартвига, но предводитель только стиснул зубы и процедил:

– Вы ее не получите.

– Что ж, – с равнодушием отозвался эльф, – это ваш выбор.

Узкая ладонь в коричневом крыле плаща взметнулась вверх, и эльфийские стрелки натянули тетиву своих луков, а воины скользнули на шаг вперед, выставив клинки.

– Подожди! – вырвалось у Вернера, и он скатился с лошади, больно ударившись лапами о землю.

Хартвиг что-то крикнул ему вслед, остроухие поспешили загородить своего парламентаря. Два изогнутых клинка едва не прокололи юношу насквозь, солнечный свет отразился от стальных лезвий, на миг ослепив. Вернер отпрянул от смертоносных клинков, узнав в них Клинки Грани. Яркое, как радуга, воспоминание вернуло его на десять лет назад. Путешественник Кайл, побывавший в эльфийских лесах, вез с собой такой же. «Он несет мгновенную смерть, и его не остановят ни металл, ни заклинания», – прозвучал как наяву звучный бас Кайла.

Невозможно было устоять перед красотой клинка, и маленький Вернер протянул руку к сверкающей железке, но тут же с криком отдернул. А на пальцах остались красные бусинки крови, такого же цвета, как мамино гранатовое ожерелье... И вот теперь эти клинки направлены ему в сердце, одно движение – и даже Бенедикта не успеет исцелить его от верной гибели.

Эльф резко обернулся, капюшон упал ему на плечи, и за спиной Вернера пронесся

вздох изумления. Воины узнали бывшего пленника Альвиана. Этот холод голубых глаз, эту бронзу волос, эти надменно изогнутые уголки губ, увидев однажды, не забудешь.

– Давай поговорим. – Вернер с отчаянием взглянул в красивое лицо эльфа.

– Что ж. – Альвиан тонко усмехнулся, скользнув взглядом по лицам людей за спиной Вернера, и поманил его. – Идем.

Эльфы расступились, но не опустили клинков. Ступая меж ними, Вернер чувствовал бьющие по нему стрелы колючих взглядов, смертельный холод клинков, готовых обрушиться на него в любой момент. Альвиан остановился у большого косматого дуба, кончики его пальцев с нежностью прошли по зеленой листве, и Вернеру показалось, что дерево пригнуло ветви, принимая его ласку. Его сердце сжалось: если на стороне эльфов окажутся и ожившие деревья, шансов выиграть эту схватку у их отряда не будет.

– Нет, – не оборачиваясь, произнес Альвиан, – это не энт.

– Откуда ты знаешь, что я думаю? – вырвалось у Вернера.

– Я не знаю. Я просто чувствую... – Эльф повернулся к нему, метнув в него взгляд, подобный кинжалу, – твой страх.

– Легко быть смелым с развязанными руками и десятком воинов за спиной? – едва сдерживая гнев, бросил Вернер.

Ироническая улыбка тронула тонкие губы эльфа.

– Решил напомнить про мой долг?

– Раз уж у тебя самого память отшибло, – грубо отозвался Вернер.

– Что ж, я помню то добро, что ты мне сделал. И ценю его.

– Значит, – у Вернера перехватило дыхание от внезапной надежды, – мы можем ехать?

Пауза, последовавшая за его вопросом, показалась Вернеру самой долгой в жизни. Наверное, в Священном лесу успела наступить долгожданная весна, прежде чем эльф соизволил дать ответ.

– Ты – можешь, – особо выделив слово «ты», произнес он. – Они нет.

– Но почему? – Вернер с ненавистью стиснул кулаки.

– Какое тебе дело? – со скучной миной отозвался Альвиан. – Что тебе до твоих спутников? Ступай своей дорогой, я тебя не держу.

И эльф отвернулся, сделав шаг к своим воинам.

– Нет, – твердо возразил Вернер, подавшись за ним. – Я останусь. И буду защищать их столько, сколько смогу.

– Твое право. – Альвиан равнодушно кивнул и посторонился, пропуская его вперед.

– Но сперва я хочу узнать, зачем она тебе?

Эльф окинул его долгим взглядом, словно раздумывая, отвечать на вопрос человека или сразу убить его.

– Я знаю, ты хочешь убить Иноэль, – не выдержал Вернер, – но зачем тебе Ивонна?

Губы Альвиана тронула насмешливая улыбка.

– Это самая большая нелепица, которую я когда-либо слышал. Вы, люди, не устаете меня удивлять своей глупостью.

– Но, – растерялся Вернер, – разве ты не для этого явился в Фергал? Разве не из-за этого тебя ищет инквизиция?

– Ваши инквизиторы видят врага в каждом из нашей расы. – В голосе эльфа послышался металл. – Я попался им по случайности, и они вцепились в меня как клещи.

– А Иноэль? – Вернер вздернул подбородок. – Только не говори, что тебе нет до нее никакого дела!

– Упавшая звезда привела меня в ваши земли, – склонив голову, признал Альвиан.

– Почему ты хочешь убить ее?

– Глупец, я хочу спасти ее.

– Спасти? – в изумлении воскликнул Вернер. – Но от кого?

– Ангела ищут демоны Бетрезена. Мы не знаем, зачем она ему, но мы хорошо помним уроки прошлого: к чему бы ни стремился Бетрезен, это обернется злом для всего Невендаара,

и ему следует помешать.

Вернер промолчал, вспомнив страшный голос, звучавший в его голове и требовавший найти ангела. Со словами эльфа не поспоришь.

– Но Легионы Проклятых – не единственная опасность, которая грозит Иноэль, – продолжил Альвиан. – У нее есть другие враги, не менее опасные, и находятся они еще ближе.

– И кто же они?

Эльф взглянул на него с удивлением, как будто бы ответ был очевиден и не вызывал никаких сомнений.

– Инквизиция, конечно.

– Инквизиция? – недоверчиво воскликнул Вернер. – Ты врешь! Как служители Всевышнего могут замышлять зло против его посланницы?

– Ты слеп, если не видишь очевидного, – фыркнул Альвиан. – Появление небесной посланницы – знак благоволения Всевышнего к императору Мередору. И Великий Инквизитор Иоганн всерьез опасается ослабления своей власти. Не сегодня, так завтра Иноэль объявят самозванкой и еретичкой, а по ее следу пустят охотников на ведьм.

– Но это не... – «Невозможно» хотел сказать Вернер, но не закончил фразы, поняв, что проклятый эльф прав.

Это объясняет, почему в ликующей толпе на площади Фергала не было видно инквизиторов. В то время, как ангел беседовала с императором в его дворце, в здании инквизиции было подозрительно тихо, как будто там все вымерли. Неспроста Вернер сравнил его с черным кладбищенским вороном: в то время как народ ликовав, празднуя явление небесной посланницы, в резиденции инквизитора царил траур по утраченной власти...

Внезапно взгляд Вернера выхватил бледное лицо Ивонны в окошке кареты. Она смотрела в их сторону, но слышать разговора не могла и была напугана затянувшейся остановкой. Пусть инквизиторы плетут свои интриги, пусть борются за власть с правящей династией, ему-то до этого какое дело, когда сейчас над Ивонной нависла страшная опасность.

– Если ты такой добрый, если хочешь защитить ангела, мы-то тебе чем помешали? – угрюмо осведомился Вернер. – Мы Иноэль вредить не собираемся.

– Знаю, – кивнул эльф и пояснил: – Мне нужна только девушка.

– Но зачем? – проскрежетал Вернер.

– Она – невеста племянника инквизитора, который стоит у истоков власти.

– И что? – не понял Вернер.

– Если Иноэль окажется в руках инквизиции, мы сможем выменять ее жизнь на жизнь Ивонны.

– Что ты сказал? – Вернер с рычанием бросился на Альвиана и сбил его с ног, покотившись с ним по траве. Остроухие среагировали мгновенно: стоило Вернеру оказаться сверху и прижать Альвиана к земле, как сразу несколько острых клинков уперлись ему в шею и под ребра. Извергая проклятья, Вернер отпустил эльфа.

Тот поднялся, смахнул с плаща налипшие травинки.

– Когда ты это задумал? – процедил Вернер. – Впервые в лесу мы встретили тебя не случайно? Ты уже тогда хотел похитить ее?

Эльф насмешливо покачал головой.

– Тогда я даже не знал, кто она. И про упавшую звезду мне не было ничего известно. О том, что звезда – ангел, посланный небесами для спасения Невендаара, я узнал только вчера, в Фергале. Там же увидел в толпе тебя и вспомнил про твою спутницу. На привале ваши воины болтали, что ее жених приходится родственником инквизитору Себастьяну. И в моей голове сложилась изящная комбинация. Тогда я уже знал, что инквизиторы не обрадовались появлению Иноэль. Предугадать их дальнейшие действия нетрудно.

– Почему бы просто не присоединиться к отряду Ламберта и не предложить свою

помощь? – выпалил Вернер.

Эльф покачал головой:

– Капитан Ламберт – человек принципов. Он никогда не примет помощи от тех, кому не доверяет. Мы сможем прикрывать Иноэль, только тайно следуя за отрядом. Но наши возможности не безграничны, а инквизиторы вездесущи. Рано или поздно они настигнут Иноэль, и тогда госпожа Ивонна станет нашей козырной картой.

– Я не позволю сделать ее разменной монетой в ваших интригах! – прорычал Вернер. – Не позволю рисковать ее жизнью.

– Даже ради спасения Невендаара? – Эльф остро взглянул на него и тихо заметил: – Да, серьезно она тебя зацепила.

– Не тебе об этом судить! – вскинулся Вернер.

– Итак, – скучным тоном произнес Альвиан, – это твое окончательное решение? Ты можешь уйти или умрешь, защищая ее. Девушка все равно поедет с нами.

– Провались ты к Бетрезену! – рявкнул Вернер и, оттолкнув Альвиана, принялся пробираться мимо настороженно замерших эльфов к своему отряду.

– Что ж, посмотрим, на что вы способны, – раздался за спиной смешок Альвиана.

– Что? – подался к нему Хартвиг.

– Они требуют Ивонну, – стиснув кулаки, сообщил Вернер.

Взгляд Хартвига полоснул его, как клинком, едва не сбив с ног. Воин один из всех знал, что эльфа, который руководил противником, освободил Вернер, и теперь винил его в том заведомо проигрышном бое, который им предстоит принять.

– Давай назад, – бросил ему Хартвиг, – возьмишь на себя лучников.

Затем предводитель обвел притихших воинов тяжелым взглядом.

– Думаю, вы уже поняли. Нас ждет трудный бой.

– Пусть начнется битва! – звонко выкрикнул Альвиан.

Первыми ударили эльфийские лучники. Стрелы, пущенные меткой рукой и способные пробить крепкие доспехи, могли бы сразить с первого выстрела, если бы Вернер не успел выставить защиту и усилить броню своих воинов. Не подкачал и собственный лучник, Стив: он ловко снял одного из остроухих стрелков, занявшего место в ветвях дуба. Тяжелый многозарядный арбалет, грозное и опасное оружие эльфийского альянса, выпал из руки мертвого эльфа и разбился о землю.

– Молодчина, Стив! – крикнул Хартвиг, отбивая удар Разящего Клинка в руках невысокого эльфа. – Вперед, парни! Прорвемся! Не впервой!

Вернер торопливо махнул рукой, придавая воинам быстроты. Эльфы – ловкие противники, их движения молниеносны и отточены. Его заклинание не поднимет воинов до уровня эльфов, но хотя бы даст им больше преимуществ.

Схватка закипела. Пронзали воздух стрелы с красно-белым оперением, рассекали прозрачный лесной воздух острые узкие клинки, со звоном скрещаясь с широкими лезвиями имперских мечей, мелькали щиты, на которых можно было разглядеть герб альянса – дерево с двумя переплетенными стволами.

Повезло еще, что на стороне противника нет сильных магов. Перед дриадой с ее мощными артефактами им было бы не устоять. Да и с заклинательницей, которая владеет силой ветра и способна создавать мощнейшие вихри, справиться будет трудно.

Альвиан отчасти владел магией, но, судя по тому, что без посторонней помощи он даже из плена не смог выбраться, способности его ограничены исцелением – Вернер видел, как эльф торопится подлатать своих раненых союзников. О его талантах в отношении снятия чужих заклинаний Вернер слышал только на словах, а вот в бою от Альвиана особого толка нет: даже защиту от заклинаний Вернера выставить не может.

Приободренный этим открытием, Вернер чередовал заклинания поддержки, придающие воинам Хартвига то силы, то ускорение, с атакующими молниями, которые он пускал в многочисленных лучников, составляющих почти половину отряда противника.

Воины Хартвига яростно отражали атаку, но уже пролилась первая кровь. Вскрикнул Дин, в плечо которого глубоко вошла стрела, припадал на раненую ногу один из мечников, Ральф, постепенно отступая под натиском ловкого противника.

– Я чувствую их страх, – донесся возглас Альвиана, – смелее!

Вернер пока еще был цел, но заклятье Гидеона вновь напомнило о себе. С первым убитым молнией лучником захрустели суставы, затрещала грудная клетка, уподобляясь звериному скелету. С губ Вернера сорвалось волчье рычание, и он, холодея от ужаса, провел рукой по лицу: не превратилось ли оно в волчью морду?

Но нет, заклятье двигалось равномерно, снизу вверх, и теперь остановилось на уровне плеч. Надо быть предельно осторожным, чтобы не убить больше никого из эльфов. Он сосредоточится на заклинаниях защиты и поддержки, а с лучниками пусть расправляется Стив.

Однако заминка, вызванная бездействием Вернера, стоила жизни их лучнику. Острая стрела с красно-белым оперением вошла в грудь Стива, и тот повалился набок, а из его раскрытых губ потекла кровавая пена.

– Я уже не могу ему помочь, он мертв, – всхлипнула Бенедикта, закрыв лицо руками.

Поэтому не увидела стрелы, которая прошла воздух в смертельной близости от ее головы и вонзилась в стену экипажа. Вернер, с яростью стиснув кулаки, развернулся в сторону пустившего ее остроухого. Синяя молния сбила хрупкого стрелка, взобравшегося на поваленное дерево, и испепелила его лук. Вернер мстительно ухмыльнулся.

А мгновение спустя его левую руку пронзила адская боль. Показалось, что кости перевернулись вокруг оси. Вернер дернулся от боли, волчья лапа выпросталась из рукава его плаща, острые желтые когти пробороzdили воздух. Похолодев от ужаса, Вернер натянул рукав, спрятал руку за спиной. Хорошо, монахиня, стоявшая в шаге от него, все еще прятала лицо в ладонях и не увидела его превращения.

Тем временем схватка достигла своей кульминации. Изящные хрупкие эльфы уступали людям в физической силе, но намного превосходили их в меткости и сноровке. Их слаженные пластичные движения напоминали танец – завораживающий, прекрасный, грациозный, замысловатый.

Эльфы кружили вокруг своих противников, и их коричневые одежды казались пожухлыми листьями, которые хаотично носит ветер. Движения эльфов то замедлялись, давая воинам Хартвига недолгую передышку, то становились резкими и ритмичными, с неумолимой точностью нанося болезненные удары.

В сравнении с их грациозными прыжками и стремительными выпадами движения людей казались грубыми и неуклюжими. Беспорядочные, выматывающие, размашистые удары, обрушиваясь на эльфов, часто не достигали цели, мечи рыхлили землю, кромсали деревья, рубили листву. Тогда как клинки эльфов взмывали в несколько раз реже, но зато всегда достигали цели.

Хаотичные движения людей проигрывали отточенному скольжению эльфов. Кажется, что противники не ходили по земле – парили над ней, а клинки в их узких ладонях то летали, словно листья на ветру, то стремительными молниями взрезали воздух, нанося все новые раны, с которыми не успевала справляться Бенедикта.

Защитная магия Вернера уже тоже не спасала, воины выдыхались, а эльфы двигались легко и непринужденно, будто бы не дрались, а танцевали на балу. Круг танцующих сжимался, все ближе подступая к экипажу. За спиной эльфов остался лежать мертвый мечник, Кельс. Воины Хартвига, сбившись в кучу, плечом к плечу, уже подпирали спинами колеса. Стиснутый по бокам мечником Гаррисом и монахиней, Вернер беспомощно оглядывался по сторонам.

– Мы проиграли, – безнадежно прошептала Бенедикта, и Вернер заметил, как дрожит в ее руках посох, а костяшки пальцев, сжимающих его, побелели от напряжения.

– Это конец, – обреченно отозвался Гаррис. – Эльфов нам не одолеть.

Уловив движение в окошке экипажа, Вернер обернулся. Глаза Ивонны казались совсем

черными на белом от страха лице, и у него сжалось сердце от тревоги за нее. Когда они погибнут, Ивонна останется один на один с враждебными эльфами. И остается только надеяться на то, что те будут добры к пленнице и Ивонна все-таки вернется домой после того, как Альвиан провернет задуманное.

Клинок вошел ему под ребро, и Ивонна вскрикнула, прильнув к окошку. Оседая на землю, Вернер видел слезы, закипающие на ее глазах, и от них, чуть повыше раны, там, где сердце, разгорался пожар. Если она плачет по нему, значит, он ей не так уж безразличен. Ради этого стоит умереть.

Но, кажется, у Всевышнего были другие планы. Неожиданно на дороге со стороны Фергала показался отряд имперских воинов, впереди которого ехал рыцарь в синем походном плаще. Подмога, радостно стукнуло сердце Вернера.

Заметив эльфов, окруживших людей, рыцарь сперва поднял руку, делая знак своим воинам, и те придержали коней. Предводитель помедлил, что-то сказал послушнице, которая ехала с ним рядом. Та отрицательно покачала головой, возражая ему. Темные до плеч волосы девушки взметнулись вороновым крылом, ветер донес обрывки ее слов:

– Нет... Важна только... Миссия...

Вернер заскрежетал зубами. Не может быть! Неужели имперские воины бросят своих в беде? Развернутся и уедут, как ни в чем не бывало?

Эльфы тем временем прекратили атаку, но клинков не опустили. Продолжая целиться в воинов Хартвига, они настороженно поглядывали в сторону новых имперцев.

– Братцы, – выкрикнул Хартвиг, – помогите, родные!

Полный отчаянной мольбы голос воина все и решил. Предводитель рыцарей прищипорил коня, направляя его в центр схватки, и выкрикнул:

– Во имя Империи!

За ним синекрылыми птицами в развевающихся плащах летели верные воины. Послушница держалась поодаль.

Появление подмоги застало остроухих врасплох, а воинам Хартвига придало сил, и они яростно набросились на противника. Эльфы беспорядочно заматались по земле, и теперь уже их движения напоминали не слаженный грациозный танец, а хаотичный бег волчьей стаи, пойманной в ловушку охотниками. Теперь с одной стороны их теснили воины Хартвига, все дальше отбрасывая от экипажа, а с другой наступали рыцари, полные сил и не измотанные долгой схваткой, как защитники Ивонны. Похоже, Альвиан понял, что его бой проигран.

– Уходим! – раздался его звонкий голос, и коричневые одежды эльфов словно разметал ветер. Скрылись в лесу, словно слившись с деревьями, воины альянса. Как упавшие листья, сорвались с ветвей лучники, занимавшие высокую позицию, и через мгновение только примятая трава осталась там, где они приземлились.

– Благослови вас Всевышний, – выдохнул Хартвиг, тяжело опираясь на меч и снизу вверх глядя на восседавшего на коне предводителя рыцарей. – Он послал вас нам во спасение. Кого мне благодарить в своих молитвах?

– Я капитан Ламберт, – ответил тот, спешиваясь. – Сильно тебя задела, друг?

– Ламберт? – воскликнул Хартвиг, будто не слыша его вопроса и забыв о глубокой ране, пробороздившей его плечо. – Уж не тот ли самый, который привез в императорский дворец небесную посланницу?

– Да, это я, – просто кивнул рыцарь и снял с головы шлем.

Вернер, едва не теряющий сознание от боли, нашел в себе силы повернуть голову и жадно разглядывал воина, имя которого вчера повторял весь Фергал. Ламберт был примерно лет на десять старше Хартвига. Его седые волосы были коротко подстрижены, серые глаза смотрели ясно и строго, аккуратная седая борода повторяла форму волевого подбородка. Даже не зная о том, что Ламберт считается одним из лучших рыцарей Империи и пользуется доверием самого императора Мередора, можно было понять, что этому воину неведомы страх и трепет.

А благородство в его чертах говорило о том, что его предки тоже сослужили верную

службу Невендаару. Широкие плечи рыцаря покрывали доспехи, как у Хартвига. Но, в отличие от их предводителя, служившего вельможе, Ламберт поверх лат носил синий плащ имперского воина.

– И что же, – Хартвиг обратился к Ламберту, – правда то, что говорят о небесной посланнице?

– Спросите у нее сами. – Ламберт кивнул на девушку, державшуюся позади.

По поляне пролетел вздох изумления. Бенедикта шагнула вперед, преклонив колени перед ангелом. Все остальные жадно разглядывали девушку, посланную во спасение Невендаару.

Позабыл о боли и Вернер. Рассказать кому в деревне, что видел вблизи небесного ангела, – никто не поверит! Теперь понятно, почему Альвиан так быстро отступил. Значит, эльф не лгал, что хочет защитить ангела. Увидев ее среди отряда, пришедшего на выручку, он не стал причинять вреда ни ей, ни ее спутникам и поторопился скрыться.

Теперь, когда Вернер разглядел темно-синий, подбитый белоснежным мехом плащ Иноэль, делавший ее похожей на королевскую особу, он удивился, как он мог принять ее за послушницу. Во всем ее облике было что-то неземное. Иноэль можно было назвать красивой, но эта красота была не яркой и броской, как у Кармиллы, мечтавшей жить вечно, и не прелестной и солнечной, как у Ивонны.

Иноэль была красива, как изящная статуя тонкой эльфийской работы. Со стороны она казалась обычной девушкой – юной, хрупкой, темноволосой. Но стоило к ней приглядеться, как не оставалось сомнений в ее небесном происхождении. Это нежное одухотворенное лицо с необыкновенно белой кожей, эти бездонные синие очи не могли принадлежать земной женщине. Глаза смотрели отстраненно и равнодушно, словно девушке известно было наперед все будущее этого мира и ничто на свете не способно ее удивить.

Иноэль стояла молча, нисколько не смущаясь тем, что на нее направлены взгляды стольких незнакомцев. Казалось, ей вообще нет никакого дела до того, что происходит, и до людей, которые здесь собрались.

Справившись с первым ошеломлением, спутники Вернера окружили ангела, принялись расспрашивать ее о воле Всевышнего, о том, что ждет Невендаар.

– Всевышний милостив, – нараспев ответила Иноэль, – поэтому я здесь.

Вернер попытался подняться, чтобы приблизиться к ангелу, но со стоном рухнул на землю. Бенедикта заметила его напивавшийся кровью плащ и, всплеснув руками, кинулась к нему.

«Это конец, – обреченно подумал Вернер. – Сейчас она распахнет плащ, и все увидят, в кого я превратился».

Он лишь слабо покачал головой, отстраняясь от монахини и пряча левую руку, ставшую волчьей лапой, за спину, но пальцы Бенедикты уже потянули тесьму его плаща. Спасти его могло только чудо.

И оно произошло.

Вдруг рядом мелькнул синий плащ, и рука ангела легла на плечо Бенедикты.

– Позволь лучше мне, – мягко сказала Иноэль. – Я умею исцелять.

Бенедикта покорно отошла в сторону и тут же отвлеклась на Хартвига, который тоже едва держался на ногах.

Иноэль опустилась на землю рядом с Вернером, синий плащ цветком упал у ее ног. Темные волосы, доходившие до плеч, свесились с лица ангела, когда она наклонилась над ним. Узкая белая ладонь коснулась груди Вернера, мгновенно окрасившись алым.

Не надо, хотел выдохнуть Вернер, умоляя не приподнимать плащ, но успел вымолвить только:

– Не...

– Тише, – прохладные пальцы Иноэль коснулись его губ, синие глаза смотрели печально и понимающе. – Я знаю.

Сквозь влажную, напивавшуюся кровью ткань плаща Вернер почувствовал тепло,

люющееся с ее пальцев, приложенных к его ребрам. Его затопила внезапная надежда: ангел знает о его тайне и не презирает его, она не выдаст его спутникам. Быть может, она сможет и...

– Нет, – прозвучал тихий голос Иноэль. – Это мне не по силам. Ты должен сам разобраться с тем, что с тобой происходит.

Иноэль убрала руку, последний раз взглянула на него бездонным, всепроникающим, полным сочувствия взглядом и поднялась с земли. Вернер вдруг понял, что больше нет жгучей боли, оставленной эльфийским клинком, тело полно сил и жизни. Такого мощного прилива энергии он не получал даже от лучшей целительницы Трамории, аббатиссы Бригитты.

– Подожди! – Он вскочил на ноги, не осмелившись дотронуться до синих складок плаща.

Иноэль обернулась, спокойно глядя на него. Казалось, все, что он хочет сказать ей, она знает наперед.

– Тебе грозит опасность, – в смятении пробормотал Вернер, избегая ее взгляда. Казалось, глядя в глаза Иноэль, он смотрит в небо. – Демоны Бетрезена ищут тебя.

– Я знаю, – спокойно кивнула она.

– Есть еще кое-что, – торопливо добавил он, с опаской покосившись в сторону Ивонны, которая стояла в двух шагах. – Инквизиция не рада твоему появлению, они хотят объявить тебя еретичкой и схватить.

– Что ты такое говоришь! – возмущенно воскликнула Ивонна.

Ну вот, этого он и боялся.

– Инквизиция больше всех рада появлению ангела на земле! – пылко присовокупила Ивонна.

На этот раз за Иноэль ответил капитан Ламберт.

– Император предвидел подобное, – негромко, но так, что все услышали, промолвил он. – Поэтому я и сопровождаю Иноэль, чтобы никто не мог помешать ее священной миссии.

Ивонна потрясенно замерла. Ее взгляд заметался с Ламберта на Иноэль, а потом к Хартвигу. «Не может быть, – читалось в нем. – Не может быть, чтобы это было правдой».

Затянувшуюся паузу прервала Иноэль. Она шагнула к бледному Дину, коснулась рукой раны на плече от эльфийской стрелы, и молодой мечник, сгорбившийся от боли, на глазах порозовел и выпрямился.

– Спасибо, – с благодарностью выдохнул он.

И губы Иноэль впервые за все время тронула легкая улыбка. На миг небесная посланница превратилась в земную девушку. Но почти сразу синеву ее глаз вновь затопило отчуждение, и, повернувшись к Ламберту, она сказала:

– Нам не стоит более задерживаться.

– Конечно, – с готовностью отозвался он. – Уже едем.

– Куда вы направляетесь? – спросил напоследок Хартвиг, еще раз поблагодарив Иноэль и Ламберта за то, что пришли на помощь.

Иноэль, погруженная в свои мысли, его уже не слышала. Ламберт помог ей сесть на коня и обернулся: – Наш путь лежит в земли Горных Кланов. – И добавил, предупреждая готовые сорваться с уст вопросы: – Только не спрашивайте, зачем. Это не моя тайна.

– Помогите вам Всевышний, – пожелал на прощание Хартвиг.

– И вас он пусть не оставит, – кивнул Ламберт, прищипывая коня, и скомандовал своим: – Отправляемся!

Отряд, сопровождающий небесную посланницу, сорвался с места, подняв в воздух облако пыли. Всадники спешили – их дело не терпело отлагательств и задержек.

Хартвиг обвел взглядом место сражения: вытоптанная трава была сплошь усыпана эльфийскими стрелами с красно-белым оперением. Одна из них торчала из груди мертвого Стива. Неподалеку лежал Кельс с глубокой раной, пересекающей грудь. Всеобщее ликование, возникшее из-за появления подмоги и встречи с небесной посланницей,

развеевалось, пришло время вспомнить о погибших товарищах.

Предводитель отдал короткие распоряжения, и воины занялись приготовлениями к погребению, выбрав место в стороне между деревьями.

Хартвиг тем временем подозвал к себе Вернера и поделился с ним своими опасениями:

– Меня беспокоят эльфы. Что, если они вернуться? Зачем им нужна Ивонна?

– Не думаю, что они вернуться, – угрюмо заметил Вернер и передал Хартвику разговор, который состоялся между ним и Альвианом.

– Значит, они хотят защитить Иноэль от демонов и инквизиторов? – Хартвиг покачал головой. – Никогда бы не подумал. Но с чего ты взял, что они оставят нас в покое?

– Альвиан едет по следу Иноэль и Ламберта, – пояснил Вернер. – Очевидно, он заранее узнал их маршрут, поэтому выехал из города раньше них, чтобы не привлекать внимание и дожидаться их в лесу, а затем тайно следовать за ними. Под прикрытием леса для эльфов это не составило бы труда. Из Фергала в земли Горных Кланов ведет одна дорога, и разминуться с Ламбертом он не боялся. Мы же подвернулись им случайно, и Альвиан решил воспользоваться нашей встречей, чтобы взять в заложницы Ивонну. Когда Ламберт пришел нам на помощь, это нарушило планы Альвиана, и он поспешил скрыться. Задача оберегать Иноэль для него важнее, чем похищение Ивонны. Думаю, сейчас эльфы мчатся следом за Ламбертом. Ты видел, как рыцарь гонит лошадей? Чтобы поспеть за ним, нельзя задерживаться и мешкать.

– Думаю, ты прав, – признал Хартвиг. – Но что, если Альвиан не отказался от своих планов в отношении Ивонны и оставил неподалеку несколько эльфов, чтобы похитить ее при удобном случае?

– Даже если так, то ослаблять свой отряд на нескольких воинов он бы не стал, – рассудил Вернер. – А один-два эльфа, если они будут следовать за нами, не решатся на открытое нападение. Нам остается только не спускать с Ивонны глаз ни днем, ни ночью. И тогда у остроухих ничего не выйдет.

– К счастью, до Левенделла уже недалеко, – заметил Хартвиг. – Поможет Всевышний – прорвемся!

А сердце Вернера вновь тревожно сжалось, звериные когти, спрятанные в кармане плаща, до крови процарапали бедро. Замок Ивонны все ближе, и все ближе их расставание. И каких бы опасностей ни был полон остаток пути, Вернер сохранит его в памяти, как самое счастливое время в его жизни.

Глава 11 Прозрение

Это путешествие Ивонна запомнит на всю жизнь. Прежде о приключениях и опасностях, выпавших на ее долю, она читала только в книгах. Теперь же даже похождения рыцаря Торвальда меркли на фоне тех событий, которые ей пришлось пережить с отъезда из Меласема. Ивонна отложила в сторону том рыцарского романа, так и не раскрыв его, и отвернулась к окну.

Зеленая река леса стелилась вдоль дороги, то убегая к пологим холмам и уступая место ровным квадратам полей, на которых белели фигурки крестьян, то подступая совсем близко к дороге, и тогда становились видны еловые шишки на разлапистых ветвях сосен, спелые бока яблок и груш, усыпавших ветви плодоносных деревьев, и яркая россыпь ягод малины.

Дом становился все ближе, пейзаж – все привычнее, а в душе Ивонны боролись два противоречивых чувства. С радостью по случаю завершения опасного пути и встречи с домом остро соперничало сожаление оттого, что самое захватывающее приключение в ее жизни подходит к концу.

Да, скоро она сможет обнять отца, по которому успела соскучиться за время разлуки, и вновь ступит за порог домашней библиотеки, где так любила проводить время прежде. И больше не будет долгой дороги, смертельных опасностей, веселых рассказов Вернера,

посиделок у костра. А зеленокожих и эльфов она теперь увидит разве что на страницах книг. И потечет прежняя привычная, спокойная, размеренная жизнь... Но только почему она все чаще ловит себя на мысли, что это – не жизнь? И жила она по-настоящему только последние несколько дней, с тех пор как экипаж выехал за ворота тетушкиного дома?

Ивонна вновь нащупала книгу, положила на колени, легонько коснулась переплета, и ее губы тронула улыбка. Вспомнилось, как в утро, когда они выезжали из Триэля, Вернер, смущаясь, протянул ей сверток из красного бархата. Развернув его, она ахнула от радости при виде книги, которую уже не надеялась найти.

– Спасибо, Вернер, – воскликнула она, торопливо листая страницы в поисках того места, на котором закончила чтение. Найдя то, что искала, завороченно замерла. Вот же оно – возлюбленная Торвальда похищена, и рыцарь отправляется на ее поиски. Пальцы Ивонны пробежались, считая страницы. Самая середина книги! Сколько еще предстоит прочитать!

Она с благодарностью взглянула на молодого мага и, вспомнив, как дорого ей обошелся прежний экземпляр романа, торопливо спросила:

– Сколько ты за него заплатил? Я все верну.

Улыбка сползла с лица Вернера, голос дрогнул:

– Это подарок.

И, отвернувшись, он зашагал прочь от экипажа, оставив Ивонну в полной растерянности. Никогда прежде нанятые ею работники не дарили ей подарков. Тем более таких дорогих. Подарки она получала от отца, потом от жениха. Корнелий, отправляясь по делам в город, всегда привозил дочери новую книгу, зная, какую радость она ей принесет. Дамарис дарил только драгоценности, а ее увлечение книгами он всегда высмеивал. И вот теперь подарок, о котором она могла только мечтать, она получила от нанятого ею мага...

Он просто маг, просто случайный попутчик, твердила себе Ивонна, отчаянно сопротивляясь тому притяжению, которое влекло ее к загадочному и таинственному юноше со звездами вместо глаз. У Дамариса глаза были похожи на потускневшие серебряные монеты, и Ивонна всегда торопилась отвести от них взгляд. Почему-то казалось, что, если смотреть в них долго – заколеченеет. А в глаза Вернера хотелось смотреть до головокружения, чувствуя, как начинает сильнее колотиться сердце, как за спиной взмывают невидимые крылья, как подгибаются ноги, словно собираясь оттолкнуться от земли и воспарить.

Она могла обманывать себя наяву. Могла, преодолевая себя, отводить взгляд, могла держаться подальше на привале, могла прятаться в экипаже во время пути, а останавливаясь в гостинице, торопилась сбежать в жилые комнаты – подальше от взгляда Вернера, который она постоянно ощущала. Она выстраивала вокруг себя крепостную стену запретов, гнала прочь дерзкие мысли и своевольные желания. Но во сне ей было не скрыться.

Вернер преследовал ее неотступно, неумолимо. Никогда прежде ей не снился Дамарис. И вот теперь молодой маг завладел ее снами, занял в них место жениха, запросто наведывался в ее замок и был принят Корнелием, занимал ее долгими беседами, сопровождал в прогулках по саду, держал за руку... И до чего же он был хорош в дорожных одеждах под стать Дамарису! До чего остроумен, весел, нежен, добр, обаятелен...

Каждое утро Ивонна просыпалась счастливой. Но стоило понять, что сон был всего лишь миражом, а Вернер – по-прежнему всего лишь ученик мага из бедной семьи, как Ивонна впадала в уныние. Отчаянно стыдясь своих смелых снов, она страстно ждала наступления ночи, чтобы вновь встретиться во сне с Вернером и почувствовать себя счастливой и... любимой. Кажется, только теперь она поняла, что это такое.

Дамарис был с ней вежлив, учтив, заботлив. Манеры Вернера были далеки до совершенства, его простоватая речь часто резала слух, но в его глазах сверкали звезды, которые делали ее крылатой. Вернер дважды рисковал жизнью, чтобы спасти ее. И, задумываясь о том, как бы на его месте поступил Дамарис, Ивонна не могла поручиться, что тот бросился бы за ней в озеро с бушующим монстром или, будь он магом, истратил бы последние силы на ее спасение, рискуя погибнуть сам.

Карету тряхнуло на кочке, книга, раскрывшись, упала с колен к ногам, и Ивонна,

наклонившись, чтобы ее поднять, невольно взглянула на иллюстрацию из конца романа. На ней празднично одетый рыцарь держал за руку невесту в подвенечном наряде. Ивонна вздрогнула: у рыцаря было лицо Вернера, а невестой была она сама. В следующий миг карета повернулась, солнце осветило страницу, и наваждение прошло. Нарисованные герои книги снова стали теми, кем были – Торвальдом и Донателлой. Внезапно карета остановилась, Ивонна отложила книгу и свесилась из окошка.

Сначала она увидела напряженное лицо Хартвига, развернувшего коня и глядевшего в ту сторону, откуда они приехали. Потом различила топот приближающихся коней и вывернула шею, пытаясь рассмотреть нагонявших их всадников. Тревожно екнуло сердце – неужели, новое испытание? Всадники были уже совсем близко, когда лицо Хартвига разгладилось, губы тронула улыбка.

– Ивонна, – воскликнул он, – да это, никак, твой жених!

Никогда еще Вернеру не было так больно, как в тот миг, когда Ивонна выпорхнула из кареты навстречу торопливо спешившемуся всаднику. Ни рана, нанесенная орком, ни удар эльфийским клинком, ни судорога от превращения не шли ни в какое сравнение с той острой пульсирующей болью, которая пронзила его, когда руки Ивонны легли на ладони ее жениха, а потом тот закружил ее в объятиях.

– Красивая пара, – умильно прошептала Бенедикта за спиной.

И от ее слов невидимый клинок, который вонзился в его сердце, провернулся вокруг своей оси. Если бы он стоял, то упал бы от этой невыносимой боли. Повезло, что он был на коне. Лишь сцепил крепче поводья и слегка наклонился вперед, мутным взглядом глядя, как счастливый соперник гладит волосы Ивонны, а та что-то оживленно ему рассказывает.

– Повезло госпоже, – не унималась монашка. – Жених-то какой видный!

Видный... Словно невидимый кулак ударил его под ребро, и рана, исцеленная Иноэль, отозвалась взрывной болью. Стиснув зубы, Вернер неотрывно разглядывал высокого молодого мужчину с темными кудрями до подбородка, который со снисходительной улыбкой слушал Ивонну. Благородный – правильные черты лица, широкие брови вразлет, узкая борода клином. Привлекательный – даже монашка млеет от восторга. Уверенный. Сильный. Взрослый – лет на пять старше Вернера и самой Ивонны. Спокойный. Выдержанный. Даже какой-то равнодушный. Кажется, встреча куда больше обрадовала Ивонну, чем его самого.

О чем же они там говорят? Вернер поморщился от очередного восторженного комментария Бенедикты, восхвалявшей жениха, и прислушался к разговору пары. Боль не отпускала. Просто сделалась привычной.

– Представляешь, огромное водное чудовище! – возбужденно воскликнула Ивонна, торопясь рассказать о своих злоключениях.

Дамарис смотрел на нее тепло и заботливо, и от его взгляда все события минувших дней словно теряли краски, покрывались пылью, как страницы давно прочитанной книги. Уже не верилось, что все это было с ней, и имели значение только эти серые глаза – и как она могла сравнивать их с тусклым серебром? – смотревшие внимательно и участливо, и рука, державшая ее твердо и уверенно.

Внезапно Ивонна запнулась, так и не дорассказав, как Вернер спас ее из озера. Какое это теперь имеет значение, если все неприятности позади! Дамарис здесь. Он выехал к ней навстречу, чтобы сопроводить ее до дома. Он знал, что на дорогах сейчас небезопасно. И хотя она должна была уехать от тетушки через месяц, он примчался за ней, чтобы защитить ее в пути. Странно, что Дамарис появился со стороны Фергала... Получается, что он проехал до самого Меласема, разминувшись с их отрядом в пути, а узнав от Нильды, что невеста давно выехала, повернул обратно. За то время, пока они вынуждены были несколько раз задерживаться в пути, Дамарис со своим отрядом вполне успел бы совершить такое путешествие.

Из-за ее кареты их отряд движется не так быстро, как всадники, которые гонят лошадей во весь опор. Дамарис всегда любил быструю езду... Она расспросит его обо всем потом, не сейчас же, посреди дороги, засыпать его вопросами. Сейчас главное, что они встретились. Важно, что он беспокоился о ней, искал ее – и вот нашел.

– Я так рада, что ты за мной приехал! – выдохнула она, в душе коря себя за то, что в последние дни позволила себе думать о женихе плохо. Как она могла увлечься Вернером? Просто наваждение какое-то! Дамарис любит ее и доказал свою преданность, отправившись ей навстречу.

В глазах жениха промелькнула какая-то тень.

– Рядом с тобой мне ничего не страшно, – пылко присовокупила Ивонна. – С такой охраной можно проехать хоть через всю Империю. Ну, чего же мы ждем? – Она задорно улыбнулась. – Поехали домой?

– Подожди, милая, – удержал ее Дамарис, и губы его тронула виноватая улыбка.

– Что-то не так? – насторожилась Ивонна.

– Я не смогу проводить тебя.

Ивонна в изумлении уставилась на него. Что он такое говорит?

– Я здесь по другому делу.

– По какому делу? – обиженно переспросила она. – Разве ты не искал меня?

– Прости, милая, но нет.

– Тогда что же...

Ивонна не успела договорить, когда за спиной раздался топот лошадей, и она обернулась, заметив приближение еще одного отряда. Бросилась в глаза высокая синяя шляпа на голове предводителя.

– Инквизиция, – пробежал испуганный шепоток среди ее спутников.

– Это мой дядя. – Рука Дамариса стальными тисками сжала ее запястье. – Я вас сейчас познакомлю.

– Ты едешь по делу с дядей? – разочарованно вымолвила Ивонна, потупя взгляд.

– По очень важному делу, – с самодовольством кивнул Дамарис и в один миг сделался чужим и неприятным.

Ивонне захотелось вырвать руку, и только воспитание не позволило ей этого сделать. В смятении она подняла глаза и вдруг встретилась взором с Вернером и вздрогнула. Его глаза уже не казались сверкающими звездами, в них была сплошь глухая, смертельная тоска.

Она торопливо отвернулась и принялась разглядывать подъехавший отряд инквизиции.

– Дядя Себастьян, позволь представить тебе мою невесту.

Ивонна с робостью смотрела на спешившегося инквизитора, опиравшегося на тяжелый посох. Худощавый старик с резким, пронизывающим взглядом и жестоким изгибом бескровных губ внушал страх и неприязнь. Не таким она представляла себе будущего родственника, о котором с восторгом отзывался ее жених.

– Вот так встреча! – Сухие, как пергамент, губы тронула улыбка, но в колких глазах инквизитора не было и тени радости. Они впились в Ивонну двумя стальными стрелами, и казалось, что Себастьян взглядом пытается взломать ее сердце, вызнать все потаенные мысли, выпытать все возможные тайны и прегрешения. По спине холодной лавиной пронеслись мурашки.

Такого безысходного ужаса, какой вызвал в ней взгляд инквизитора, Ивонна не испытывала даже на дороге, со всех сторон окруженной безумными орками. Ей стало не по себе при мысли, что после замужества ей придется часто видеть этого неприятного старика с колючим взглядом, сидеть с ним за одним столом, быть любезной, когда в сердце все переворачивается от неприязни, слушать его скрипучий голос...

– Рада знакомству, – нашла в себе силы выдохнуть Ивонна и сжалась, понимая, насколько фальшиво прозвучали ее слова.

Но Себастьян уже отвернулся к Хартвигу, потеряв к невесте племянника всякий

интерес, и принялся о чем-то расспрашивать.

– И куда же вы направляетесь? – безжизненно спросила Ивонна, не глядя на Дамариса.

– Мы ищем самозванку, которая величает себя небесным ангелом.

– Что, прости? – Ивонна не расслышала ответа жениха – ей показалось, что Себастьян произнес имена Иноэль и Ламберта.

– Иноэль, – повторил Дамарис, и в его глазах зажегся фанатичный блеск, – так ее зовут. И сопровождает ее капитан Ламберт.

– Вы ищете Иноэль? – воскликнула Ивонна, не веря своим ушам.

Себастьян коршуном обернулся к ней:

– Ты ее видела?

– Видела, – в растерянности пробормотала Ивонна. – Но почему вы ее ищете? Она не самозванка. Она и впрямь ангел.

Резкий прерывистый звук, похожий на воронье карканье, вырвался из серых губ Себастьяна. Ему вторил угодливый смешок Дамариса.

– Ан-гел, – прокаркал Себастьян. – Подумать только! Племянник, да ты собираешься взять в жены еретичку?

Дамарис подавился смешком, Ивонна помертвела. Губы Себастьяна скривились в ухмылке.

– Шучу, шучу. Ты просто слишком наивна и доверчива, дитя мое.

– Но почему вы их преследуете? – вмешался Хартвиг. – Ламберт помог нам, когда на нас напали эльфы. Если бы не он, мы бы уже были мертвы.

– Верю, верю, – одобрительно закивал Себастьян. – Капитан Ламберт – человек чести. Он не оставит несчастных, попавших в беду. Однако и он введен в заблуждение. Этой самозванкой. – Инквизитор с ненавистью скривился и погрозил кулаком. – Уж я выжгу из нее ересь!

Ивонна потрясенно смотрела на инквизитора. Совсем недавно она чуть не поругалась с Вернером, когда тот предупреждал Иноэль об опасности со стороны инквизиции. Да и сейчас она никак не могла поверить в то, что инквизитор, стоящий у истоков власти, приближенный Иоганна IV, служитель Всевышнего, отрицает ангельскую сущность Иноэль, которая не вызывала сомнений ни у кого из спутников Ивонны после встречи с посланницей.

– Иноэль исцелила меня от смертельной раны, – подал голос Вернер.

– И меня она исцелила, – поддержал его Дин.

– Ваша монахиня, – Себастьян кивнул в сторону притихшей Бенедикты, – тоже умеет исцелять. Но ведь она не провозглашает себя ангелом, посланным во спасение Невендаара.

Его не переубедишь, с закипающим возмущением понял Ивонна. Вернер прав: Иноэль грозит опасность. Страшно представить, что ангел окажется в руках этого фанатичного старика с камнем вместо сердца.

– Прошу, Дамарис, – горячо зашептала она, стиснув ладонь жениха, – не причиняйте им зла. Они спасли нас, и они спасут весь Невендаар. Не мешайте им. Не преследуйте их. Поговори с дядей, он послушает тебя.

Дамарис так резко вырвал руку, что Ивонна пошатнулась. Его глаза сверкнули фанатичным блеском.

– Что ты можешь в этом понимать? – Голос Дамариса показался вороньим клекотом, и Ивонна оцепенела, заметив поразительное сходство с Себастьяном, какого прежде не наблюдала. Те же прозрачно-серые глаза, та же жестокая усмешка, те же черты лица, которые обостряют годы, добавив сходства с хищной птицей. – Дядя – большой человек, и я не предаю его.

– А меня ты предашь? – с горечью вымолвила она.

– Что? – растерялся Дамарис и вновь сделался похож на того молодого мужчину, которого, как ей казалось, она любила.

– Уже предал, – жестко сказала Ивонна.

– Что ты такое говоришь, милая? – надтреснуто рассмеялся он.

– Я не хочу больше тебя видеть, – выпалила Ивонна. – Ты больше не жених мне!

Глаза Дамариса внезапно полыхнули огнем. Он резко привлек ее к себе, наклонился и крепко поцеловал ее в губы. Ивонна оцепенела – не таким она себе представляла первый поцелуй. Прежде Дамарис никогда не позволял себе подобной дерзости. К тому же губы обожгло хмельным вкусом крепкого напитка. За спиной одобрительно заклекотал Себастьян:

– Молодежь!

– Ты что, пил? – Ивонна отпрянула, вырвав руку. – От тебя пахнет элем!

– Совсем немного, – нимало не смущаясь, ответил Дамарис.

Так вот откуда блеск в глазах, в смятении поняла Ивонна. То, что она приняла за радость встречи, за обожание к ней, всего лишь действие крепкого гномьего напитка!

– Оставь меня! – Она отшатнулась от него, укрылась за Хартвигом, который торопливо спустился с лошади, встав между нею и шагнувшим за ней Дамарисом.

– Довольно, – резкий, как щелчок хлыста, голос Себастьяна остановил Дамариса. – Племянник, ты ведешь себя как скотина. Твоя невеста столько пережила в последние дни. Немудрено, что у нее сдали нервы.

– У меня не сдали нервы, – яростно возразила Ивонна.

Но Хартвиг бросил ей через плечо: «Помолчи», и она прикусила язык. Хартвиг прав. Ни к чему лезть на рожон перед инквизитором. А разорвать помолвку она еще успеет, когда объяснит отцу, как поступил с ней Дамарис. Вряд ли Корнелий будет в восторге, когда узнает, что жених даже не соизволил проводить ее до замка, после всех тех опасностей, которые выпали на ее долю и которые еще могут выпасть!

– Что ж, – Себастьян тронул поводья, – не будем более задерживаться. Куда направилась еретичка?

Инквизитор обвел взором лица спутников Ивонны, но ответом ему было молчание. Даже монахиня, выдержав его долгий тяжелый взгляд, не проронила ни слова.

– Что ж, – Себастьян криво усмехнулся и вдруг повернулся к Вернеру: – Ты, маг, ответь!

Взгляд инквизитора словно хлестнул его плетью. Левая рука в широкой кожаной перчатке, прятавшей волчьих когти, метнулась за спину, стремясь укрыться от этого пронизывающего взгляда, для которого, казалось, не существовало тайн. Лошадь под ним покачнулась, почувствовав свободу, и правой рукой Вернер поторопился перехватить поводья.

– Куда направилась еретичка? – вкрадчиво повторил инквизитор. – Отвечай, маг.

Молчание с каждым мгновением приближало его к приговору, который инквизитор был готов вынести прямо здесь. Неподчинение инквизиции, помощь вероотступникам – много ли надо, чтобы заковать человека в кандалы и объявить преступником?

Его спутники это понимали, и в воцарившейся гнетущей тишине на Вернера, имевшего несчастье привлечь к себе внимание инквизитора, смотрели с сожалением. Никто не желал быть предателем, выдав Себастьяну маршрут Иноэль.

Меня и заковать-то не успеют, с тоской подумал Вернер. Лишь увидят волчью лапу вместо человеческой руки, заметят звериную шерсть на груди – и булава инквизитора отправит его к Всевышнему. Не страшно было бы умереть, защищая ангела. Но невыносимо погибнуть, оставив Ивонну без защиты, в которой она так нуждается. Особенно сейчас, когда их отряд потерял двух воинов и может стать легкой добычей без поддержки мага.

Вернер взглянул на Ивонну, стоявшую позади Хартвига, такую хрупкую, беззащитную. Конечно, она ждет от него молчания. Конечно, она его возненавидит. Но другого выхода у него нет.

– Хорошо, – хрипло выдохнул Вернер. – Я укажу путь.

Предатель! На глазах Ивонны закипели горькие слезы. Как он мог так поступить? Ивонна кинулась к карете и заперлась там. Попавшуюся под руки книгу она швырнула к ногам, будто та была виновна в том, что Вернер оказался малодушным трусом и выдал

инквизиции ангела.

Дрожащими пальцами Ивонна достала кошель с золотом. Она немедленно рассчитает его! Пусть катится на все четыре стороны! Она даже рядом с ним находиться не желает!

– Ивонна, – тихо окликнул ее Хартвиг.

– Что? – зло отозвалась она.

– Смотри.

Ивонна с неохотой высунулась в окошко и увидела, что отряд инквизиции, дойдя до развилки, двинулся не по пути, ведущему к Левенделлу, куда лежал путь Ламберта и Иноэль, а свернул на едва заметную тропу, уходящую к лесу. Зеленые кроны деревьев Империи далеко на горизонте сменялись золотом Священного леса.

– Вернер направил их в земли эльфийского альянса, – со смешком сообщил Хартвиг. – Молодец парень!

Ивонна растерянно моргнула.

– Представляю, как будут злы твой жених с его дядей, когда поймут, что их одурачили, – заметил Хартвиг. – Да, лучше Вернеру не попадаться им на глаза в ближайшие лет сто!

Последние события значительно задержали в пути. Время было к полудню, а отряд лишь ненамного удалился от Фергала. Хартвиг торопил коней, надеясь нагнать потерянное время, но было понятно, что до Локслестера к ночи уже не добраться. А значит, придется остановиться на ночлег где-то по дороге.

Поэтому когда к вечеру на горизонте показались крепостные башни военного гарнизона, Хартвиг обрадованно повернул коней. Уж лучше провести ночь в охраняемой крепости, чем в деревеньке, где может быть совсем не безопасно. И можно быть уверенным, что эльфы Альвиана, если они и следуют за ними с целью похитить Ивонну, в гарнизон не проникнут.

Обернувшись к карете, Хартвиг озабоченно нахмурился. Ивонна за весь день, с момента отъезда инквизиторов и Дамариса, не проронила ни слова. Была тиха и задумчива. Даже книгу не читала. Сидела, прислонившись к оконной раме, смотрела на дорогу, но, казалось, ничего не видела. Встреча с женихом совершенно выбила ее из колеи, и теперь девушка выглядела потерянной и подавленной.

Даже приезд в военный гарнизон оставил ее равнодушной, а ведь прежде ей никогда не приходилось бывать внутри, и к новым местам она всегда относилась с живым любопытством. Но сейчас, выйдя из кареты, даже головы не подняла и позволила увести себя монахиней, которая быстро разузнала, где госпожа может остановиться на ночлег, в жилые комнаты.

Что ж, сегодня за безопасность Ивонны можно быть спокойной. Мимо бдительных часовых ни один эльф не прошмыгнет. Да и атаку небольшого отряда нежити или зеленокожих гарнизон отразит легко.

Командир гарнизона, вышедший во двор навстречу приезжим, показался Хартвигу знакомым еще тогда, когда тот вежливо приветствовал Ивонну и распорядился проводить ее с монахиней в лучшие комнаты для гостей.

– Откуда держите путь? – дружелюбно махнул он рукой, спускаясь с крыльца. – Спокойно ли нынче на дорогах?

– Где там спокойно, – горько усмехнулся Хартвиг и коротко поведал об утренней схватке с эльфами.

Командир слушал внимательно, участливо смотрел в глаза, горестно качал головой, узнав о погибших товарищах. Глядя в его смуглое от загара лицо с добродушным прищуром серых глаз, Хартвиг все больше убеждался, что уже встречал командира раньше. А когда тот поднял руку, отдавая распоряжения своим солдатам, Хартвиг заметил отсутствие двух пальцев и взволнованно воскликнул:

– Мэлис, неужели, ты?

– Я уж решил, что ты меня не признаешь, Харт, – добродушно проворчал командир. – Я-то тебя сразу узнал!

Бывшие соратники крепко обнялись, затем отстранились, разглядывая друг друга. За двадцать лет с тех пор, как они виделись последний раз, оба сильно изменились. Жизнь обострила некогда мягкие юношеские черты, придав лицам мужества. По числу морщин можно было сосчитать трагические события, которые выпали на долю каждого, а по их глубине можно было судить о тяжести этих испытаний. Но сединой, серым пеплом припорошившей виски обоих, их наградили не годы, а события двадцатилетней давности, когда двое юношей, единственные из крупного отряда, остались живы на пустоши Алкмаара.

Хартвиг запрещал себе вспоминать о том черном дне, когда почти все его товарищи сложили головы в схватке с Ордами Нежити. Он похоронил их под пеплом воспоминаний и считал, что стер из памяти. Но вот теперь, глядя в глаза Мэлиса, он словно провалился в прошлое. И уже не было вокруг надежных стен гарнизона, стихли оживленные разговоры его воинов, развеялись запахи жареного мяса, доносившиеся из кухни. Были только он и Мэлис, двое юнцов, едва державшихся на ногах посреди отравленной смертью равнины...

Куда ни глянь – повсюду серая земля в глубоких ранах трещин, которые с жадностью вампира впитали кровь их погибших товарищей. Кажется, страшный мор скосил целое войско крепких солдат, и только Хартвику с Мэлисом ведомо, что те пали в страшной битве с Ордами Нежити. Поверженных врагов не видно – часть их обратилась в прах, а большинство отступило, повинуясь приказу Королевы Личей. Скелеты, зомби, живые мертвецы, призраки, тени, виверны, оборотни и Дракон Смерти, словно сметенные вихрем, оказались за границей поля боя.

– Возвращайтесь к себе, смертные. – Голос Королевы Личей был скрипуч, как мертвое дерево. – Возвращайтесь и расскажите, как погибли ваши товарищи. Пусть в Империи знают, что смертным никогда не одолеть непобедимую армию Мортис.

Королева Личей со своим страшным войском уже давно скрылась из виду.

По сторонам высятся сухие скелеты деревьев, кора которых бела, как кожа мертвецов. Кажется, они вот-вот выдернут корни из почвы и неумолимо двинутся к последним оставшимся в живых людям, чтобы сломать их в своих смертельных объятиях, растереть в пыль.

Но страшно не это. Страшнее всего то, что их товарищи, павшие на земле Алкмаара, пополнят армию Мортис.

– Идем, – шепчет Мэлис и подставляет раненому Хартвику свое плечо. – Надо отсюда выбираться. Пока они... не поднялись.

Это был первый поход молодого Хартвига в составе имперского отряда. Император тогда решил проучить нечисть, дерзко преступавшую границы Империи, и отправил целое войско в Алкмаар. Люди успели пройти не больше часа по территории мертвого королевства, когда Орды Нежити преградили им путь. Тысяча имперцев погибла. Безмясая пополнила свое страшное войско за счет недавних противников. Покорные ее воле, они поднимаются в любой момент и двинутся на Империю...

Вернувшись домой, Хартвиг ушел со службы. Служить императору, пославшему на верную гибель тысячу солдат, он уже не смог. Предложение богатого вельможи возглавить отряд его охраны пришлось как нельзя кстати. Хартвику больше по душе было защищать, чем убивать.

С Мэлисом, оставшимся на службе у Империи, он больше не виделся. А вот некоторых своих товарищей, которые погибли в тот страшный день в Алкмааре, он еще не раз встречал на дорогах Империи. Сопровождая Корнелия и его жену, а потом и дочь в поездках по стране, Хартвиг сталкивался с разрозненными отрядами нежити. И среди истлевших, наполовину сгнивших мертвецов порой с содроганием узнавал солдат, с которыми делил обед у костра и сражался плечом к плечу с такими же живыми мертвецами, какими теперь стали и они...

– Смотрю, ты дослужился до командира! – Хартвиг потрепал старого приятеля по

плечу. – Поздравляю! Помню, ты тогда мечтал об этом!

– Ты бы тоже мог, – заметил Мэлис, – но ты выбрал свой путь. И, надеюсь, не сожалеешь об этом.

Хартвиг покачал головой:

– У меня сейчас семья, сын. Да и Ивонна мне как дочь. Я доволен тем, как сложилась моя жизнь.

– А я вот один. – В словах Мэлиса звучала горечь. – Мой гарнизон – вот моя семья. Мои воины – вот мои дети.

– Это немало, – ободряюще заметил Хартвиг.

– Что ж мы стоим-то, – спохватился Мэлис. – Идем, угощу тебе кружкой эля! Расскажешь о своем житье-бытье. А что там в Фергале? Правду говорят, что капитан Ламберт привез небесную посланницу?

И обняв давнего друга за плечи, Мэлис потащил его к крыльцу.

Ивонне не спалось. События минувшего утра вновь и вновь представляли перед глазами. Колочий взгляд Себастьяна вновь и вновь впивался в душу, отдаваясь пульсирующей болью в висках. Поцелуй Дамариса жег губы полынной горечью. У нее больше не было жениха. И вся ее будущая устроенная жизнь разбилась вдребезги, как тарелка, которую она подарила тетушке Нильде. Недаром тетка недолюбливала инквизиторов. И только Ивонна до последнего дня была слепа и глуха. А прозрение оказалось невыносимо болезненным...

Устав лежать в темноте, которая обступала ее душным саваном, Ивонна поднялась с постели, накинула дорожный плащ и вышла наружу. Комната, которую ей отвели, выходила прямо во двор, и не нужно было плутать по лабиринтам коридоров, чтобы попасть на улицу.

Прохладным ночным воздухом хотелось умыться, как колодезной водой. Смыть с себя все тревоги, все страхи и тоску. «Ах, Дамарис, Дамарис! – вздохнула Ивонна. – Ты оказался совсем не благородным рыцарем, каким я тебя себе представляла. И цена твоей любви – медный грош». В то время как простой ученик мага уже не раз доказал свою отвагу и смелость, и то, как он поступил сегодня, направив инквизицию по ложному следу, достойно всяческого восхищения. «Ах, если бы Вернер был благородного происхождения», – в который раз вздохнула Ивонна. И сердце ее забилося чаще при воспоминании, каким взглядом Вернер смотрел на нее, когда Дамарис ее при всех поцеловал. Он меня любит, признала Ивонна. Как несправедлива судьба: послала ей настоящего рыцаря, словно сошедшего со страниц книги, и сделала его обычным деревенским магом! Никогда им не преодолеть пропасти, которая существует между ними. Никогда не быть вместе, несмотря на все те подвиги, которые Вернер совершил ради нее.

– Ивонна, – окликнул ее тихий голос, отозвавшийся волной мурашек по коже, – не спишь?

Вернер пересек пустынный двор и остановился в двух шагах от нее. Звезды в его глазах сверкнули тепло и ласково.

Сердце застучало так громко, что, казалось, его стук перебудит весь спящий гарнизон, поднимет на ноги всех здешних солдат.

– А ты? – выдохнула она.

Вернер пожал плечами и запрокинул голову к небу, так что его лицо сделалось серебряным в лунном свете.

– Полнолуние, – тихо заметил он.

Ивонна едва не ахнула: показалось, перед ней ожила картинка из книги. Рыцарь Торвальд так же смотрел на звездное небо накануне решающей битвы с Легионом Проклятых. Эта иллюстрация была одной из любимых у Ивонны, а профиль Торвальда, освещенный лунным сиянием, она изучила до малейшего изгиба. И теперь, глядя на Вернера, она могла поклясться, что знаменитый художник Ледонар изобразил на картине именно его.

– Вернер, – тихо позвала она. – Скажи, ты не знаком с Ледонаром?

– С кем? – Вернер повернулся к ней, так что половина лица оказалась освещена луной, а половина скрылась в сумраке. – Ледонар? Не помню такого.

Ивонна заворуженно смотрела на игру теней на его лице, отчего казалось, что Вернер наполовину принадлежит свету, а наполовину – тьме. Отчего-то ее сердце тревожно сжалось, словно она заглянула куда-то, куда не должна была. Но вот Вернер чуть отклонился в сторону, и наваждение прошло. Тени исчезли, лунная дорожка серебряным плащом легла у него за спиной.

Ивонна вдруг испугалась, что Вернер уйдет, оставит ее наедине с бессонницей. А еще она остро осознала, что эта ночь больше не повторится. Не будет рядом юноши с красивым профилем рыцаря из книги. Не будет звезд, которые загораются в его глазах, только когда он смотрит на нее. Не будет этой бархатной мягкой тишины, окутывающей, словно шалью. Не будет волшебства лунного света, рисующего причудливые узоры на земле. И этой фиолетово-черной темноты, отгородившей их от всего мира, словно занавесом, тоже не будет. Она и он принадлежат разным мирам. Но сегодня можно об этом забыть. Никто не увидит. Никто не осудит. А звезды никому не расскажут.

– Вернер, – тихо позвала она. – Расскажи мне одну из своих историй.

И пока Вернер, присев рядом с ней на крыльцо, говорит, и его низкий, приятный голос красивой мелодией вплетается в ночную тишину, можно украдкой смотреть на него из-под опущенных ресниц. И любоваться им. И мечтать. И представлять его своим женихом. И загадывать то, что никогда не сбудется, глядя, как с небосклона то тут, то там срываются искорки-звезды.

Глава 12 Превращение

На следующее утро Ивонна огорошила Хартвига неожиданной просьбой:

– Харт, давай останемся здесь до завтра!

– Но почему, Ивонна? Если мы выедем сейчас, послезавтра уже будем дома.

– Харт, я так устала... – Ивонна в самом деле выглядела неважно. Глаза покраснели, веки были припухшими, словно она проплакала всю ночь. – Чувствую себя совершенно разбитой. Как представляю, что впереди два дня пути... Давай немного передохнем. Ведь здесь нам ничто не угрожает, правда?

Хартвиг помедлил с ответом. Признаться, после вчерашней беседы с Мэлисом, которая закончилась далеко за полночь, гарнизон уже не казался ему неприступным оплотом. Дела обстояли даже похуже, чем в том гарнизоне, который Хартвиг посещал в окрестностях Меласема.

Приятель сетовал, что гарнизон ослаблен, крепостные стены кое-где обветшали и требуют починки, а половина его подчиненных – новички, набранные из крестьян и даже бывших разбойников. Правда, отчаянных головорезов среди них не было – нескольких подозрительных новобранцев Мэлис лично выставил за ворота.

Остальные же были запутавшимися парнями, которые мечтали забыть преступное прошлое и начать новую жизнь. На данный момент в гарнизоне находилась только половина воинов, остальные отправились к границе Эльфийского альянса. Крестьяне из окрестных деревень все чаще замечали в лесах эльфов, преступавших границы, и Мэлис распорядился навести порядок. И хотя гарнизон нельзя было считать совершенно безопасным местом, вряд ли за один день что-то может случиться.

– Хорошо, – поддался на уговоры Ивонны Хартвиг. – Думаю, на один день можем задержаться.

Но не успела Ивонна уйти со двора, как к нему подскочил Вернер.

– Харт, нельзя нам здесь оставаться. Нужно немедленно уезжать.

– Это еще что за новости? – нахмурился Хартвиг.

Однако молодой маг выглядел не на шутку встревоженным.

– Поверь мне, Харт, так будет лучше, – упрямо повторял он. – Поехали отсюда.

– Послушай, парень, тебя нанимали как мага, – сурово осадил его воин. – Но ты не

говорил, что ты еще и провидец.

– Я не провидец, – понурился Вернер.

– Тогда что ты ко мне привязался? – рассердился Хартвиг. – Слышал – Ивонна устала. Останемся здесь до завтра, а потом продолжим путь.

– Харт, – с отчаянием воскликнул Вернер, – послушай меня. Я не провидец, но я чувствую опасность. Нам нужно отсюда убираться. Немедленно.

Хартвиг пристально взглянул на паренька. От волнения тот побелел, на лбу выступили бисеринки пота. Было понятно, что его слова – не обычная блажь. Вернеру что-то стало известно, но по какой-то причине он не желал открыть всю правду.

– Слушай, парень, – строго сказал Хартвиг, – или ты сейчас выкладываешь мне все, что знаешь, или мы никуда с места не сдвинемся.

Во взгляде Вернера промелькнуло отчаяние.

– Хорошо, – он тряхнул головой так, будто прощался с жизнью. – Я тебе все объясню.

Он повертел головой, потом вдруг шагнул к распахнутым дверям конюшни и поманил его за собой.

Заинтригованный Хартвиг вошел следом. Внутри пахло сеном и влажной шерстью. Вернер подошел к стоявшей в крайнем стойле пегой лошади, протянул к ней руку в широкой перчатке, и та с испуганным ржанием попятилась назад. Тут же волнение передалось другим лошадям.

Маг обернулся к нему, губы его тронула горькая улыбка.

– Должно быть, ты замечал, что с некоторых пор кони стали волноваться при моем приближении?

Хартвиг молчал, не понимая, куда тот клонит.

– Только моя Звездочка не боится меня, – продолжил Вернер. – Потому что я превращался постепенно. – Превращался? – Хартвиг настороженно взглянул на парня. – О чем ты говоришь?

– Смотри.

Вернер стянул с руки перчатку, и Хартвиг оцепенел при виде покрытой густой серой шерстью лапы, которая высывалась из рукава плаща. А Вернер тем временем ослабил лямки плаща и задрал рубаху, обнажив бок, покрытый все такой же серой шерстью.

– А еще у меня есть хвост. И звериные лапы вместо ног. Я уже волк больше, чем человек, – горько усмехнулся молодой маг.

Рука Хартвига невольно метнулась к поясу, но он не нащупал верного оружия – Карающий Меч Императора остался в комнате.

– Не бойся, – срывающимся голосом произнес Вернер, поправляя одежду. – Я не причиню тебе зла. Я такой уже не первый день.

– Но кто ты? – настороженно спросил Хартвиг. – Кому ты служишь?

– Я – ученик, на которого наложил заклятие его учитель. И я служу Ивонне. И никому больше, – сухо ответил Вернер.

– Что за заклятие? – напрягся Хартвиг.

Вернер объяснил.

– Никогда о таком не слышал, – с недоверием протянул воин.

– Мой учитель оказался искуснее, чем я о нем думал. – Вернер понуро повесил голову. – О подобном заклинании не слышал ни один волшебник в тех городах, в которых мы останавливались.

– Зачем ты мне это говоришь?

– Я превращаюсь в волка, Харт. – Вернер вскинул подбородок, и глаза его в полумраке конюшни вдруг сверкнули желтым светом. – И не только внешне. Мое зрение обострилось. У меня просыпается звериный нюх и звериное чутье. И сейчас все мое звериное существо вопит об опасности, которая ждет нас в этих стенах.

– Но что же это за опасность, – помедлил Хартвиг, – если даже стены охраняемого гарнизона не смогут ей противостоять?

– Я не знаю, что это будет, – качнул головой Вернер. – Но я чувствую, что она уже близко. У нас еще есть время спастись. Как мне еще было убедить тебя в своей правоте? Теперь ты все знаешь.

– Ты уверен, что за стенами гарнизона нам будет безопаснее? – уточнил Хартвиг.

– Чем дальше мы отсюда окажемся, тем лучше, – убежденно сказал Вернер.

– Хорошо, – кивнул Хартвиг. – Я дам приказ отправляться.

Он шагнул в сторону выхода, но потом развернулся. Вернер смотрел на него с обреченностью узника, приговоренного инквизицией к казни.

– Я сохраню твою тайну, – пообещал Хартвиг. – Что бы с тобой ни происходило, я знаю, что ты не причинишь зла Ивонне. Ты не передумал сопровождать нас до Левенделла?

Вернер помотал головой, выражая свою готовность продолжать путь.

– Хорошо, – одобрил Хартвиг. – До Левенделла мы доедем вместе. А после тебе придется исчезнуть.

Вернер с грустью кивнул и натянул на звериную лапу перчатку.

Уговорить Ивонну оказалось непросто – она заартачилась так, будто в конце пути ее ждал не отчий дом, а подземелья инквизиции. Но все же Хартвиг справился. Сложнее оказалось объяснить Мэлису, почему, пообещав остаться до завтра, они вдруг спешно засобирались в путь.

– Приятель, будь начеку, – посоветовал Хартвиг ему напоследок. – Сам видишь, какие нынче времена! – Прорвемся! – в своей привычной манере отшутился Мэлис. – Недолго длиться этому безобразию. Всевышний нас не забывает – ангела нам во спасение послал. Да помогут ей небеса исполнить его волю. А ты гляди, не забудь пригласить на свадьбу сына. Да и сам заезжай, не забывай!

Хартвиг крепко обнял старого товарища, и отряд выехал за ворота гарнизона.

К середине дня без приключений добрались до Локслестера, где и остановились на ночлег. До Левенделла оставался всего день пути, и воины оживились, предвкушая щедрое вознаграждение, которое ждет их уже следующим вечером. Только Ивонна была невесела, словно скорое возвращение домой ее совсем не радовало.

А наутро город потрясла страшная новость. Выежая из Локслестера, отряд Хартвига в воротах столкнулся с насмерть перепуганным крестьянином. Тот рассказал, что увидел дым со стороны гарнизона, которым командовал Мэлис, и вместе с соседями бросился узнать, в чем дело. В крепости с недавних пор служил его младший сын, и обеспокоенный отец поспешил к месту пожара.

– Легион Проклятых, – потерянно повторял крестьянин. – Все выжгли, все дотла... Сколько людей полегло.

– А командир? – Хартвигу пришлось тряхнуть мужчину, чтобы добиться ответа.

– Никого в живых не оставили, – громко всхлипнул крестьянин, – ни единой души...

А Хартвиг понуро опустил голову, скорбя о погибшем товарище. После трагических известий от царившего оживления в отряде не осталось и следа. Воины, понурившись, вспоминали вчерашних знакомых по гарнизону. Бенедикта беззвучно плакала, глотая слезы. Ивонна словно впала в оцепенение.

– Только благодаря тебе мы живы, – тихо шепнул Хартвиг Вернеру.

Вернер ничего не ответил, только дрогнула рука в перчатке, и он выронил поводья.

Хартвиг, озабоченный тем, что где-то поблизости бродит отряд демонов, гнал коней. Вскоре Локслестер остался далеко позади, потянулись бескрайние изумрудные леса, их разбавляли заплатки полей, примыкающих к деревьям. Иногда в стороне от дорог возникали изящные силуэты замков местной знати, и в каждом из них Вернеру мерещился дом Дамариса, куда вскоре переедет Ивонна. Хотя она и разорвала помолвку сгоряча, Вернер был уверен, что свадьба состоится. Дамарис не из тех людей, что отступаются от своей цели.

А за короткое время знакомства с ним Вернер понял, что заполучить Ивонну – для него вопрос чести. То, что Дамариса влечет к Ивонне, вовсе не любовь. Уж Вернер-то знает. На месте Дамариса он бы ни за что не бросил невесту в пути, особенно после тех испытаний, которые уже выпали на ее долю.

Пускай инквизитор бы отправлялся в погоню за ангелом, что может быть важнее для влюбленного, чем безопасность любимой? Дамарис же бросил Ивонну на произвол судьбы, понадеявшись, что если большую часть пути она проехала в целости и сохранности, то и в окрестностях дома с ней ничего не случится. Дамарису важнее выслужиться перед дядькой, который в будущем может занять пост Великого Инквизитора. А Ивонна для него лишь ценный приз, красивое украшение его замка, достойная зависти друзей супруга, не более.

То и дело навстречу им попадались отряды инквизиторов или просто одинокие Охотники за ведьмами. Неподалеку от Левенделла находилась резиденция Великого Инквизитора Иоганна, и они торопились туда или возвращались оттуда. По мере приближения к городу Хартвиг потихоньку расслабился: из-за близости инквизиции здешние места считались довольно безопасными и спокойными. В окрестности Левенделла редко заходила нежить, зеленокожие обходили город стороной, да и разбойники предпочитали держаться отсюда подальше.

А вот Вернер беспокоился за Ламберта и Иноэль, следовавших этим маршрутом. Хотя Себастьяна и Дамариса удалось пустить по ложному следу, по пути в Левенделл была велика опасность столкнуться с другими служителями церкви. Оставалось надеяться, что Всевышний не допустит беды. И что Альвиан со своим отрядом не отстает от ангела и ее спутников и в случае опасности придет им на помощь. Здешние леса послужат остроухим надежным укрытием. И, возможно, Иноэль даже не узнает о тех угрозах, которые в пути отведет от нее эльф.

Торопясь добраться до дома засветло, Хартвиг даже не стал делать привал на обед, пообещав воинам, что в замке их ждет королевский ужин. Все с воодушевлением согласились, лишь Вернер отвернулся в сторону, чтобы скрыть захлестнувшее его отчаяние. Выходит, вчерашний ночной разговор с Ивонной был последним, и у него не будет даже полуденного привала, чтобы напоследок налюбоваться ее милым профилем и сияющим золотом волос, нечаянно встретиться с ней взглядом, услышать тихое журчание ее голоса...

Вынужденный ехать в начале отряда, Вернер невольно придерживал кобылу, чтобы хоть ненадолго поравняться с каретой, если повезет, перекинуться словом с Ивонной. Но занавески были закрыты, и девушки не было видно. Она тяжело переживала нападение на гарнизон и, должно быть, никак не могла выкинуть из головы мысль о том, что она и ее спутники чудом избежали смерти.

– А вот и замок! Мы почти на месте.

Хартвиг указал на богатый замок из светлого камня, круглые башни которого высились над пышным лесом. Вот и все, сердце Вернера принялось отбивать последние мгновения его недолгого счастья. Конец пути принял реальные очертания красивого замка. До разлуки с Ивонной – рукой подать.

Внезапно закатное солнце словно озарило замок алой вспышкой, окрасив светлые стены цветом крови. И зверь внутри Вернера забился от предчувствия смертельной опасности.

– Смотрите! – раздался испуганный вскрик кого-то из мечников.

Впереди на дороге, у самой кромки леса, вспыхнул багровый квадрат адского огня. Словно прорвалась грань между миром людей и Преисподней. И из прорехи повалили устрашающие черные фигуры с рогами, венчающими голову, и оскаленными зубастыми мордами.

– Демоны! – предупреждая выкрикнул Хартвиг. – Уходим!

Но поздно – их заметили.

Со свистом рассекли воздух Полумесяцы Мрака. Одновременно вскрикнули Дин и Гаррис, когда изогнутые лезвия легко, словно бумагу, пробили их стальные доспехи. Гаррис

упал замертво, Дину лишь вскользь задело плечо. Но оплакивать смерть товарища было некогда.

Черным вихрем вылетел из портала Темный паладин, на ходу вынимая Меч темного разочарования. И завязалась схватка.

– В атаку! – яростно рявкнул Хартвиг. – Вперед!

Предводитель бросился вперед, ведя за собой воинов, чтобы по возможности сдерживать демонов и не дать им добраться до кареты, которая осталась позади. Бенедикта бегом припустила туда и забила за колесо. Испуганные глаза следили за сражением, руки сжимали посох верующего, готовясь немедленно оказать помощь раненым.

Вернер, оставшись посередине между воинами и каретой, послал несколько защитных заклинаний, которые отразили мощные удары демонических мечей и сбили вторую волну метательных Полумесяцев.

Выпустив последним некроманта в развевающемся черном плаще, портал с хлопком закрылся. Больше противникам взяться было неоткуда. Вернер почувствовал облегчение. Демонов было не так много: восемь, может, десять. Значит, есть шанс спастись! Добавив своему отряду силы и швырнув несколько молний в Темного паладина, который теснил Хартвига, занявшего место в круге силы, Вернер едва не пропустил атаку демонолога.

В последний момент успел отвести удар огня, выставив защиту воздуха. Хотя магов разделяли десятки шагов, Вернер отчетливо увидел красное пламя, полыхнувшее в глазах его противника. Лицо мага было скрыто под глубоким капюшоном, и нельзя было понять, молод тот или стар. Похоже, тот не ожидал достойного отпора от ученика мага. Но бездействовал демонолог недолго, и вот уже целая цепь проклятий полетела в воинов Хартвига. «Проклятье демонов» – и мощный удар мечом, нанесенный Дином с той же силой, что и прежний, лишь вскользь прошел по доспеху неистового Молоха. «Отвод глаз» – и следующий удар Хартвига не достигает цели, слепо пронзая воздух, тогда как меч Темного паладина входит воину в плечо. «Адские муки» – и Меч Стальной Листвы с легкостью рассекает крепкий доспех Ральфа. Молодой мечник, еще за завтраком мечтавший, как обнимет жену, замертво падает на землю.

– Это тебе за Ральфа! – Вернер швырнул в убийцу молнией.

Покинув круг силы, Хартвиг с криком бросился на противника, поразившего товарища. Карающий меч Императора с оглушительным звоном скрестился с Мечом Стальной Листвы. Закатное солнце отразилось от листьев на изогнутом клинке, окрасив их в цвет крови. Зачарованный лучшими магами Проклятых, этот меч разил наповал и почти не знал неудач. Что ж, если Хартвиг способен противостоять подобному клинку, значит, еще можно побороться.

А перед глазами Вернера между тем замелькали страницы книги демонических заклинаний, сожженной в гневе Гидеоном. И Вернер оцепенел при мысли, что его противник использует заклинания из той книги. Да в том же порядке, в каком они были записаны. И следующим в книге было атакующее заклинание магии Земли...

Увидев, как полыхнули красным пламенем глаза демонолога, Вернер успел выставить защиту, блокируя его атаку. Противник вскрикнул от ярости, капюшон слетел с его головы, и Вернер узнал путника, чью книгу он нашел у потухшего костра... Покрасневшая кожа словно опалена жаром Преисподней, в глазах полыхают костры ада, растрескавшиеся губы изогнуты в ярости, правую щеку до самого рта пересекает глубокая трещина кривого шрама.

За время с их первой встречи маг, кажется, еще больше приблизился к облику демона. Быть может, как облик Вернера меняет каждое несущее смерть заклинание, так и облик демонолога неотвратимо изменяется с каждым применением магии Бетрезена?

Раздался отчаянный крик, и Вернер перевел взгляд на Дина. Юный воин схлестнулся в неравном бою с мощным демоном, вдвое превосходившим его по размерам. В руках демона искрился Пламенеющий Гарпун, который Вернер узнал по рассказам Кайла. С дрожью Вернер вспомнил легенду о том, что душа человека, убитого раскаленным острием этого гарпуна, сразу попадает под власть Бетрезена, и поторопился придать Дину силы.

Однако Пехотный Меч Империи в руках Дина был почти беспомощен против грозного оружия демона. И Вернер ударил по врагу молнией. Потом еще и еще. Дин, ободренный подмогой, нанес демону несколько серьезных ударов. Но смертельной для противника оказалась очередная молния Вернера. Демон рухнул к ногам Дина, гарпун с шипением упал на землю, и его острое мгновенно выжгло траву, оставив неровное темное пятно на поверхности земли. А правую руку Вернера скрутило болью. И вот уже на месте руки – волчья лапа.

Вскрикнул Хартвиг, терпя поражение от Меча Стальной Листвы. И Вернер атаковал его противника стихией воздуха. К счастью, он еще не утратил способности к магии... Но теперь нужно быть предельно осторожным, ведь от полного превращения его отделяет всего один шаг. Он уже волк по самые плечи. Удивительно, что тело еще сохраняет человеческие навыки.

Совсем рядом полыхнуло жаром, с шипением рассек воздух массивный меч, лезвие которого раскалилось докрасна. Клинок Повелителя Бездны! Эти мечи носят самые свирепые воины Бетрезена. А его лезвие пышет жаром огненной геены. Вернер едва увернулся от огромного демона, возникшего словно из-под земли. В следующий миг противник как подкошенный рухнул к его ногам. Вернер увидел бледное лицо Дина, опустившего Пламенеющий Гарпун. Парень догадался сменить свой меч на трофейное оружие врага и одним ударом уложил демона.

– Надеюсь, он отправился к Бетрезену, – срывающимся голосом произнес Дин, а за его спиной на пригорке из-за леса показался отряд имперских стражников.

– Дин, мы спасены! – с облегчением выдохнул Вернер.

Темный паладин был значительно ослаблен, четверо демонов – не столь серьезная угроза для двух десятков рыцарей, которые уже пришпорили коней, спеша к ним на подмогу.

А демонолог словно под землю провалился, должно быть, понял, что бой проигран, и сбежал. И вдруг за спиной раздался тревожный крик Бенедикты.

Тело выбросило пружиной. Вернер уже со звериной скоростью мчался к карете, куда хищной птицей в развевающемся за спиной плаще летел демонолог. Но спасти монахиню он уже не успел: девушка закрыла лицо руками, пытаясь спрятаться от неминуемой гибели, но стена огня обрушилась на нее, не оставляя шансов на спасение.

А демонолог, переступив через прах Бенедикты, уже наклонился к карете.

Вернер бросил короткий взгляд за плечо: рыцари были уже близко, атака демонов будет разбита, оставшиеся в живых спутники вне опасности. Но у Ивонны нет шансов на спасение. К тому времени, когда рыцари уничтожат демонов и достигнут кареты, спасать будет уже некого...

И есть только один способ остановить демонолога, уже тянущего руку к Ивонне. Только бы она осталась жива, только бы была счастлива! За это не жалко и жизнь отдать.

Не медля ни мгновения, Вернер сбил мага с ног и, покотившись с ним по траве, ударил молнией ему в самое сердце. Глаза демонолога закатились, сердце, придавленное волчьей лапой Вернера, стукнуло в последний раз. А в следующий миг шею самого Вернера стиснуло стальной хваткой, и он почувствовал, как вспарывает шею и щеки жесткая шерсть, вытягивается лицо, изменяясь в звериную морду и завершая превращение.

Серый волк выскользнул из ставшего ему большим дорожного плаща, повернул шею с висевшим на ней серебряным медальоном, наблюдая за ожесточенной схваткой, завязавшейся между большим отрядом людей и несколькими фигурами демонов, и, не понимая, как тут оказался, помчался к лесу.

Глава 13 Отчаяние

«И доблестный рыцарь Торвальд, одолев всех врагов, обвенчался со своей возлюбленной Донателлой. И жили они долго и счастливо в окружении любящих детей».

Ивонна закрыла книгу, и на кожаный переплет упала слезинка. Одна, вторая... Слезы текли по щекам, и Ивонна уже не могла их сдерживать. Почему в жизни все не так, как в книгах? Почему у нее никогда не будет долгой и счастливой жизни рядом с любимым человеком?

С возвращения домой прошло уже три дня, но Ивонна никак не могла прийти в себя. Из всего отряда в живых остались только она, Хартвиг и молодой мечник Дин. Да и они спаслись чудом, благодаря тому, что рядом проезжала имперская стража.

Еще больше беспокоило Ивонну то, что Вернер как сквозь землю провалился. Плащ мага остался лежать на поле боя, а тела его среди погибших не нашли. Раз за разом Ивонна прокручивала в памяти события того дня. Вот приближается к карете демонолог со страшным, перекошенным от лютой злобы лицом. Вот вспыхивает стена огня на том месте, где только что стояла Бенедикта, и Ивонна едва не теряет сознание от тошнотворного запаха жженой кожи и волос. Вот кто-то сзади набрасывается на демонолога и отшвыривает его от кареты. И с волнением высунувшись из окна, Ивонна видит коричневый плащ Вернера, нависшего над отчаянно сопротивляющимся демонологом. Потом вспышка, отчаянный стон, перешедший в волчий вой, и тело демонолога остается неподвижно лежать на земле. А серый волк выскальзывает из-под плаща Вернера и торопится укрыться в лесу. Привиделось ей это, примерещилось?

От вопросов, на которые у нее не было ответов, Ивонна старалась убежать в придуманный мир книги. До конца романа оставалось еще несколько глав, и только чтение помогало ей отвлечься от тягостных мыслей, хотя бы ненадолго забыть трагические события последних дней: нападение эльфов, гибель гарнизона, страшную схватку с демонами. И вот теперь перевернута последняя страница. Рыцарь Торвальд обрел свое счастье, а Ивонна потеряла того, кто был ей так дорог, и сознание этого повергало ее в отчаяние.

Так больше нельзя. Отложив книгу, Ивонна решительно поднялась с места. Она немедленно все выяснит у Хартвига. Воин проводил много времени с Вернером, во время пути они следовали впереди отряда, разговаривали. Если кто и знает правду о том, что случилось с молодым магом, то только Хартвиг.

Воин выслушал ее рассказ о волке, отвел глаза.

– Харт! Я должна знать правду! – настойчиво воскликнула Ивонна.

– Ты уверена? Что ж... – Хартвиг тяжело вздохнул. – Тебе не привиделось. Полагаю, все произошло так на самом деле. А я-то еще сперва удивился, откуда тогда на месте схватки взялся волк! – Он покачал головой. – И только потом, когда Вернер пропал, понял, что...

Воин замолчал, и Ивонна нетерпеливо вскрикнула:

– Понял что? Говори же, Харт!

То, что Хартвиг поведал ей о заклятии, наложенном на Вернера, повергло Ивонну в оцепенение.

– Выходит, превращение завершилось, – закончил свой рассказ Хартвиг.

На глазах Ивонны закипели слезы, голос дрогнул:

– Получается, что, отводя от меня удар, он понимал, что окончательно превратится в зверя?

– Уверен, что так, – подтвердил Хартвиг и добавил: – Он ведь уже не в первый раз готов был отдать жизнь за тебя. Вспомни, как он исцелил тебя после нападения орков и чуть не погиб от ран сам, как спас тебя тогда на озере. Думаю, увидев, что тебе грозит опасность, он даже не сомневался.

Ивонна отвернулась, не желая показывать слезы, которые покатались по ее щекам.

Хартвиг отступил назад, чтобы не тяготить девушку своим присутствием.

– Подожди, Харт, – остановила она его.

Воин подчинился, подождал, когда молодая хозяйка возьмет себя в руки.

– Скажи, есть ли надежда, что заклятие можно снять?

Помолчав, Хартвиг вымолвил:

– Если кто и может сделать это на всем белом свете, то только волшебник, который его

наложил.

– Как его найти? – Влажные от слез глаза Ивонны сверкнули решимостью, девушка подалась вперед, и Хартвиг вновь узнал в ней ту отважную и упрямую Ивонну, какой она предстала перед ним в Трамории, когда искала гостиницу, нанимала для Вернера лучшую целительницу, отдавала распоряжения, связанные с путешествием. Неужели этот парень стал влиять на Ивонну еще тогда? Неужели это ради него в ней просыпается желание свернуть горы?

– Думаю, найти его будет несложно, – рассудил Хартвиг. – Сомневаюсь, что в деревне, откуда родом Вернер, живет много волшебников.

Глаза Ивонны засияли надеждой.

– Харт, – взмолилась она, – ты сделаешь это ради меня? Найдешь учителя Вернера? Прошу, найди его и привези сюда.

– Но почему сюда? – удивился Хартвиг.

– Я чувствую, Вернер где-то поблизости, – взволнованно пробормотала Ивонна, и на ее щеках вспыхнул лихорадочный румянец. – Он не мог уйти далеко.

– Он волк, – со скепсисом заметил Хартвиг. – Мы не сможем изловить всех волков в округе и предъявить их волшебнику.

– Прошу, Харт, ты только привези его сюда! А там мы уже разберемся.

Наутро Хартвиг выехал в окрестности Меласема, откуда был родом Вернер. А к полудню воины Корнелия разнесли по всей округе новый указ господина: отныне в землях Корнелия запрещалась охота на волков.

Предприняв все, что было сейчас в ее силах, Ивонна принялась ждать. Каждый день на закате она выходила на балкон, откуда была видна дорога, ведущая на Фергал, и до боли в глазах всматривалась вдаль. Хартвиг еще не успел добраться до деревни Вернера, а Ивонна уже отчаянно ждала его возвращения.

В один из вечеров на дороге показался всадник, а за ним еще пятеро. Мужчины гнали коней во весь опор, направляясь к замку, и Ивонна взволнованно вцепилась в поручень балкона. Сердце отчаянно забилося: а вдруг среди них Харт с волшебником? Но когда первый всадник приблизился, Ивонна с досадой закусил губу. Дамарис! Зачем он здесь? Девушка нервно обхватила себя за плечи и заходила по балкону. Спускаться к нему она не станет. О своем нежелании видеть бывшего жениха она заявила отцу весьма твердо. И услышав, как Дамарис поступил с ней, встретив в пути и не проводив до дома, Корнелий сильно разгневался. Ведь самое страшное испытание – нападение демонов – было еще впереди! И отец, пришедший в ужас от того, что пришлось пережить дочери в получасе езды от замка, не мог простить Дамарису, что тот не позаботился о безопасности Ивонны и отпустил ее одну.

– Я всегда считал, что с Дамарисом ты будешь, как за каменной стеной, – с горечью сказал тогда отец. – Верил в то, что, когда меня не станет, он сможет защитить тебя, будет беречь от всех опасностей. Но то, как он поступил, просто возмутительно. Служение дяде для него оказалось важнее твоей безопасности. Даже если бы ты сейчас принялась его оправдывать, я бы не стал тебя слушать и разорвал помолвку.

Ивонна и не защищала Дамариса. А после слов отца только вздохнула с облегчением, что нежеланной свадьбе не бывать. Она даже не надеялась, что убедить отца будет так просто, ведь прежде тот всячески одобрял союз с Дамарисом и считал его лучшей партией для нее.

«Надеюсь, что отец выставит его вон. Даже видеть его не хочу!» – подумала Ивонна.

Чтобы как-то успокоиться, она взяла книгу про Торвальда и раскрыла наугад. Книга открылась на странице с картинкой, на которой рыцарь стоял в профиль, освещенный лунным сиянием. И в памяти Ивонны мгновенно ожила та ночь в гарнизоне, когда она встретила Вернера во дворе... Вспомнилась игра теней на лице молодого мага. Неспроста тогда у нее возникла мысль, что Вернер наполовину принадлежит свету, а наполовину – тьме. Он уже тогда подвергся действию заклятья и скрывал превращение под просторным

плащом.

Вот почему его походка была нетвердой и неуклюжей, а последние дни путешествия он не расставался с перчатками. Недаром Бенедикта считала его странным и не раз делилась с ней своими подозрениями.

– Госпожа Ивонна...

Она, вздрогнув, захлопнула книгу. На балкон вошла юная служанка, и глаза ее взволнованно блестели.

– Да, Тина? – с недовольством спросила Ивонна.

– Там ваш жених, – с придыханием доложила та, – господин Дамарис...

– Он мне не жених, – резко ответила Ивонна.

Служанка взглянула на нее с обидой. Благородный и видный Дамарис для деревенской простолюдинки был идеалом мужчины, и Тина не могла поверить, что Ивонна в самом деле решила ему отказать.

– Зачем он приехал? – уже мягче спросила Ивонна, видя, что служанка не трогается с места.

– Он спрашивает про мага.

– Мага? – Ивонна в волнении встала с места. – Про какого мага?

– Ну, того, который сопровождал вас в дороге и потом пропал.

– Зачем ему Вернер? – резко спросила Ивонна.

– А мне почем знать? – На лице Тины отразилась скука.

Ей явно не было никакого дела до деревенского мага, которого она в глаза не видела.

– Иди, Тина, – в смятении промолвила Ивонна.

– Вы не спуститесь, госпожа? – разочарованно протянула служанка.

– Иди, Тина, – строго повторила Ивонна, и служанка с расстроенной миной удалилась.

Но побыть долго в одиночестве Ивонне не удалось. На лестнице послышался шум, в котором она расслышала разгневанный оклик Корнелия, и вот уже на балкон вошел Дамарис.

– Разве отец не сказал тебе, что я не желаю тебя видеть? – холодно спросила Ивонна.

– Я хотел услышать это от тебя лично, милая, – усмехнулся Дамарис. – Неужели ты до сих пор злишься на меня?

– Я не злюсь на тебя. Ты мне совершенно безразличен.

Ивонна повернулась к Дамарису спиной. Ветер ворошил верхушки зеленых деревьев, которые подступали к самым стенам замка. Солнце, клонившееся к закату, освещало небольшую яблочную рощицу, которая росла на холме неподалеку. Ивонне на миг показалось, что она видит серую шкуру волка, неподвижно сидящего у корней яблони и неотрывно смотрящего на замок. Сердце забилося чаще, но Дамарис не дал ей разглядеть зверя. Подойдя к ней сзади, он положил ей руки на плечи и развернул к себе.

– Прости меня, прошу, – зашептал он, глядя ей в глаза с тоской и раскаянием. – Я сглупил, но я и представить не мог, что тебя ждет впереди. Если бы я только знал, я бы бросил все и помчался вслед за тобою. Я же люблю тебя, люблю, люблю...

Ивонна замерла в смятении. Сейчас бывший жених был так похож на прежнего, заботливого и нежного Дамариса, которого она любила. Серые глаза смотрят с тоской и раскаянием, руки обнимают бережно и ласково, голос дрожит в волнении, задыхается от отчаяния, тоскует, волнуется, ласкает, умоляет. А губы все ближе, так что от поцелуя отделяет всего мгновение. И легко поверить, что сейчас это будет не жадный грубый поцелуй, как при их последней встрече, а поцелуй легкий, нежный, пьянящий и оттого коварный. Такой поцелуй помутит разум и сотрет все обиды, заставит забыть о Вернере и привяжет к Дамарису крепче оков.

– Нет! – Ивонна нашла в себе силы разорвать объятия. – Не надо, прошу.

Дамарис не тронулся с места, это она сама отступила на шаг, возводя незримую стену между ними. И в тот же миг с Дамариса словно слетела маска нежного возлюбленного. Глаза сверкнули сталью, впились ей в лицо острыми кинжалами, словно мстя за нанесенное оскорбление. Рот Дамариса искривился в злой гримасе, прямой нос заострился, сделавшись

похожим на клюв хищной птицы.

Ивонна вздрогнула: показалось, что перед ней не Дамарис, а инквизитор Себастьян, принявший личину племянника для встречи с ней, и теперь, когда визит завершился неудачей, смысла в мороке больше нет, и инквизитор предстал перед ней в своем обычном облике.

Но нет, это был все тот же Дамарис. Его родинка на виске, его едва заметный шрам на щеке, который сейчас побелел от гнева. Но как же он сейчас похож на своего дядю Себастьяна! И легко предположить, что, достигнув возраста Себастьяна, он станет двойником своего дяди. Неприятным, внушающим страх, жестоким, бездушным двойником. Ивонна в страхе отступила назад, но Дамарис тотчас же оказался рядом. Она попятилась еще и еще, пока не уперлась в решетку балкона. А Дамарис, видя, что ей некуда отступать, со злорадной улыбкой надвигался на нее.

– Уходи, – вымолвила она с неприязнью. – Немедленно оставь мой дом и никогда не возвращайся сюда.

– Ты все равно будешь моей! – Голос Дамариса показался ей карканьем ворона.

– Никогда! – с отвращением выговорила Ивонна и увернулась от его объятий, когда он метнулся к ней.

Из комнаты донеслись шум и взволнованные голоса, на балконе показались воины, которых привел отец. Ивонна вздохнула с облегчением. Теперь Дамарису не останется ничего, кроме как уйти.

– Дочка, – обратился к ней Корнелий, не глядя на Дамариса, – вы закончили разговор?

– Да-да, – торопливо кивнула Ивонна. – Дамарис уже уходит.

– А вот и нет, – дерзко отрубил Дамарис. И хотя он уже не делал никаких попыток приблизиться к ней, уходить тоже не собирался.

Ивонна сердито вскинула глаза.

– Мы побеседовали о личном, – вкрадчиво заметил Дамарис, – но не дошли до самого важного. Я здесь по поручению инквизитора Себастьяна, – официальным тоном подчеркнул он, – и хотел бы задать Ивонне несколько вопросов о преступнике, который сопровождал ее в пути.

– Преступнике? – Ивонна растерянно моргнула.

– Твой маг по имени Вернер, – Дамарис скривил губы, – который направил нас по ложному следу. Где он?

– Я не знаю, где он, – сердито отрубила Ивонна. – И как ты можешь называть преступником того, кто меня спас? – Она с вызовом взглянула в лицо Дамарису. – Спас, когда тебя не оказалось рядом?

Дамарис вздрогнул, как от пощечины, но взгляда не отвел.

– Значит, ты не знаешь, где его найти и что с ним стало? – сухо уточнил он.

– Не имею ни малейшего представления, – холодно отчеканила Ивонна.

– Тогда, должно быть, тебе будет интересно узнать, что один из рыцарей, которые пришли вам на помощь и отбили атаку демонов, уверяет, что видел, как ваш маг превратился в волка и скрылся в лесу.

– Что за сказки! – Ивонна попыталась скрыть замешательство под насмешливой гримасой, но голос дрогнул, выдав ее истинные чувства.

Ноздри Дамариса хищно раздулись, как у гончей в предвкушении охоты.

– Что ж, – скучным тоном произнес он, – тогда тебе, должно быть, все равно, что я отдал приказ истребить всех окрестных волков до единого.

– Ты не посмеешь! – ахнула Ивонна. – Отец запретил охоту на нашей территории.

– А кто меня остановит? Что мне указ твоего отца, если приказ подписан моим дядей? – Дамарис зло сощурился. – Двух волков я уже загнал, и это не конец. Я не остановлюсь, пока не изведу их всех до последнего в окрестных лесах. А потом отправлюсь дальше. Можешь мне поверить, в Невендааре не останется ни одного волка!

И в этот миг со стороны леса донесся волчий вой – надрывный, горький, грозный,

яростный.

Услышав его, Дамарис изменился в лице, вновь сделавшись точной копией своего дяди-инквизитора.

– А вот и новая жертва, сама в руки идет, – прошипел он, коршуном срываясь с места.

– Дамарис, прошу, не надо! – воскликнула Ивонна ему вслед.

Дамарис обернулся на пороге:

– Ты выйдешь за меня?

Ивонна в смятении промолчала. Дамарис желчно усмехнулся:

– Если выйдешь, я прекращу охоту и сообщу дяде, что преступник наказан. Подумай над этим. А сегодня в окрестностном лесу станет на одного волка меньше.

И он стремительно вышел вон. Лишь донеслись со двора крики – Дамарис приказывал своим спутникам поторопиться. Незваные гости покинули замок. А затем за воротами раздался пронзительный звук охотничьего рога, знаменующий начало охоты. И от его рокового, неумолимого, тягостного звучания Ивонна горько разрыдалась...

За час до этого, не разбирая дороги, по нехоженным тропам густого тенистого леса мчался молодой волк. Высокая трава хлестала бока. Сильные мышцы перекачивались под серой шерстью, в открытой пасти виднелись острые клыки. Волк бежал. Птицы и мелкое зверье, почуяв приближение хищника, спешили укрыться.

Он бежал прочь, подальше от леса с его густой листвой, с его залиvistым пением птиц, с его волнующими запахами живности. Но волк не обращал на нее внимания, ему было не до охоты.

Лишь однажды, когда молоденький заяц выпрыгнул на тропинку неподалеку, волк замедлил шаг и с интересом повел носом. Косой уже попрощался с жизнью, когда волк внезапно отвернулся и потрусил мимо – туда, где заканчивалась кромка благодатного леса и начинались земли человека. Волку было не до охоты. На обратном пути он непременно загонит пару-тройку зайцев, а если повезет, то и кабана. Но сейчас он торопился прочь из леса с его густой тенистой листвой, с его залиvistым пением птиц, с его щекочущими ноздри запахами живности.

Выскочив из леса, волк стремглав пронесся по полю к яблоневоу саду почти у самых стен человеческого жилища. Появляться здесь было опасно – повсюду шастали люди. Одни косили сено вилами, остроту которых он уже однажды проведал на собственной шкуре. Другие, прикрытые стальными пластинами и вооруженные мечами, частенько проезжали по дороге вдоль замка. Третьи облюбовали яблоневый сад для стрельбы по мишеням из лука. Но сегодня ему повезло: вокруг не было ни души. Лишь у самых ворот человеческого жилища вилась пыль, словно во двор за каменной стеной только что въехал целый отряд всадников.

Волк скользнул в яблоневый сад, промчался по знакомой ему тропинке и остановился на пригорке у старого, кряжистого дерева, ветви которого сгибались под тяжестью медовой спелости плодов. Отсюда был хорошо виден большой балкон дома, стоявшего за высокой каменной стеной. И на этот балкон на закате солнца часто выходила светловолосая девушка. Тогда волк замирал в тени старой яблони и мог часами неподвижно следить за Солнечной – так он ее называл.

Он и сам не знал, зачем сюда приходит. Словно какая-то неведомая сила тянула его к Солнечной. Стоило не увидеть ее хотя бы день, как волк терял покой и начинал хандрить. Вид Солнечной доставлял и радость, и тепло, такое же, каким дарила волка волчица, которую он в жестокой схватке отвоевал у соперника. Рваная рана на боку, отметина того боя, еще давала о себе знать, хотя молодой месяц уже успел превратиться в щербатую луну, и за это время округлился живот волчицы.

Но если волчица согревала ему тело, то Солнечная грела душу. Волк не задумывался, почему так происходит. Просто чувствовал, что наблюдать за Солнечной для него так же жизненно важно, как дышать, пить, есть, охотиться. И прогулка в яблоневый сад

превратилась для него в ритуал, который он исполнял изо дня в день.

Сегодня ему повезло. Солнечная уже была на балконе. Волк нахмурился: рядом с Солнечной появился высокий человек в стальных пластинах. Это не понравилось волку. В Стальном чувствовалась угроза. Да и Солнечная явно не обрадовалась появлению человека. Своим зорким зрением хищника волк увидел, как напряглось ее лицо. Стальной заговорил, Солнечная что-то запальчиво возразила.

Волк нервно дернулся, раздавив лапой лежалое яблоко. Запахло яблочным соком. Волк досадливо тряхнул головой: дом был слишком далеко, чтобы он мог услышать, о чем говорят люди. Оставалось только наблюдать за тем, как Солнечная отвернулась и закатное солнце розовым светом окрасило ее милое лицо, обращенное к лесу. Стальной не смутился. Он подошел к Солнечной, положил руки ей на плечи, а затем рывком развернул к себе и что-то заговорил. Волк гневно зарычал. Но тут Солнечная что-то сказала и выскользнула из рук Стального. Однако Стальной не отступил. И волк заволновался, глядя, как Стальной неумолимо надвигается на Солнечную, а та беспомощно пятится к краю балкона.

Волк заскулил от бессилия и, вскочив на ноги, в тревоге заметался по пригорку. Волку хотелось защитить Солнечную от Стального человека, прогнать его далеко-далеко, чтобы больше никогда не возвращался, не причинял Солнечной горя. И это желание было таким сильным, таким естественным, словно защищать Солнечную было его предназначением, словно в прошлой жизни он уже служил ей – верно и преданно.

На балконе появились люди, и Стальной остановился в стороне от Солнечной, не решаясь больше к ней приблизиться. Волк одобрительно взвизгнул, приветствуя защитников девушки.

Внезапно Стальной отшатнулся и как будто переспросил Солнечную. Та что-то гневно бросила ему в ответ. Стальной широко раскрыл рот и сделался похожим на каркающего ворона. Солнечная побледнела и что-то крикнула с надрывом так громко, что ветер донес ее слова:

– Ты не посмеешь!

Волк не понял смысла человеческой речи, но его сердце заныло от боли, звучащей в красивом, как журчание лесного родника, голосе Солнечной.

– А кто меня остановит? – хрипло раскаркался в ответ Стальной.

И этого волк уже стерпеть не мог. Он поднял морду к небу, на котором медленно умирало солнце, и завыл. Протяжно. Звучно. Долго. Сначала ему хотелось поддержать Солнечную своим воем, утешить ее, а затем в его голосе отчетливо зазвучала угроза. Злой человек не смеет обижать Солнечную. Волк ему этого не позволит.

Когда волк замолчал и взглянул за каменную стену, Стальной уже исчез. Солнечная стояла на краю балкона, вцепившись пальцами в перила, и до боли вглядывалась вдаль. Тщетно. Для ее человеческого взора расстояние было слишком велико, чтобы увидеть волка. А вот волк своим звериным чутьем почуял опасность прежде, чем ворота крепости поднялись и на дорогу выехал вооруженный отряд охотников во главе со Стальным.

Волк уже не слышал задиристых криков Стального, знаменующих начало травли. Он торопился в лес, в свое надежное укрытие под поваленной сосной, где его уже ждет, тревожась, волчица. Солнечной сегодня уже ничто не угрожает. А ему надо беречь себя. Ради волчицы и будущих волчат.

Вслед ему неся звук охотничьего рога.

Глава 14

Искушение

Волк возвращался с охоты, неся в зубах кабанью ногу для своей брюхатой волчицы. Накануне вечером ему удалось увести глупых людишек от своего логова и скрыться самому. Волк испытывал гордость победителя оттого, что ему удалось перехитрить Стального, он оказался удачливее и умнее человека. Однако Стальной со своими спутниками злым и

беспощадным ураганом пронесся по лесу, срывая свою злость на мелкой лесной живности. Напуганные вчерашним вторжением, зайцы и птицы в панике забивались в свои норы и гнезда или стремились очутиться как можно дальше от этих мест.

Поэтому, выйдя поутру на охоту, волк без толку прослонулся по казавшемуся вымершим лесу. В поисках еды ему пришлось бежать в соседний лес, где было полно непуганой дичи. Проведя полдня вдали от своего логова, волк возвращался с богатой добычей – мясом кабана. Он уже представлял, как положит трофей к ногам своей волчицы и та ласково ткнется теплым носом ему в шею, выражая свое одобрение. Но чем ближе он подходил к лесу, тем тяжелее становилось у него на душе.

Родной лес встретил его гнетущим скрипом деревьев, потревоженных чьим-то злым вторжением. Где-то рядом беспокойно крикнула сойка. Издалека донеслись неистовые, задиристые крики людей. Азартных возгласов охотников, настигших свою добычу, не спутаешь ни с чем. Понимание того, что крики доносятся со стороны его логова, пришло мгновением позже.

Выронив из зубов добычу, волк ринулся вперед, запетлял по нехоженным человеком тропам, ведущим в самую чащу леса, где была спрятана его берлога. На середине пути волк споткнулся на ровном месте, сраженный горестным, полным невыразимой муки воем, в котором узнал голос своей волчицы. Лапы не слушались, волчья тропа, вспоротая корнями деревьев, казалась незнакомой. Неужели родной лес делает все, чтобы замедлить его бег? Жесткие ветки хлестали бока, сосновые иглы кололи морду, словно хотели задержать его. В волнении он проскочил нужный поворот, не стал возвращаться и рванул напрямик, через бурелом, не чувствуя, как острые шипы кустарника впиваются в бока, как осколок камня до крови располосовал лапу...

Он опоздал. Его волчица была мертва. Ее растерзанное тело заставило дрогнуть даже привыкшего к жестокой охоте волка. Серебристо-серая шкура его подруги сделалась багряной от крови, вместо хвоста остался только обрубок – охотники забрали с собой трофей. Откуда-то издалека донесся торжествующий гогот. Мутным от боли взглядом волк увидел, как отряд людей удаляется от логова, и среди них волк заметил знакомый силуэт ненавистного Стального. Нагнать бы сейчас Стального, впиться бы ему в глотку, чтобы тот больше никому не смог причинить зла, а там и умереть не страшно.

Раненая лапа замедляла скорость, волк безнадежно отставал, а всадники все погоняли коней, увеличивая расстояние между собой и невидимым преследователем. Припадая на лапу, не обращая внимания на все возрастающую боль, волк упрямо бежал следом. Остался позади лес, пришлось свернуть с дороги в поле, чтобы не выдать себя раньше времени.

Поэтому волк не сразу сообразил, куда движется отряд. Понимание пришло в яблоневом саду, где он неожиданно для себя очутился. Чувствуя, как его захлестывает тревога, волк выскочил на дорогу, уже не таясь, что его заметят. И как раз увидел, как Стальной въехал в ворота замка Солнечной.

Ивонна была вне себя от радости. Хартвиг вернулся, привез с собой учителя Вернера. Оставшись с ней наедине, волшебник Гидеон внимательно и участливо выслушал ее историю и в заключение с горечью промолвил:

– Не думал я, что все так обернется. Ведь накладывая заклятие, я желал уберечь Вернера от увлечения запретной магией, которая влечет чужую погибель. Разве мог я помыслить, что мальчик сбежит из дома и примкнет к отряду путешественников на правах боевого мага?

– Но вы же понимаете, что у него не было другого выхода, кроме как убивать тех, кто угрожал нашей жизни? – пылко воскликнула Ивонна. – Зеленокожие, разбойники, эльфы, демоны, некромант, чернокнижник, вампир – ведь они хотели убить нас. И не все наши люди выжили в этих схватках, – со слезами на глазах добавила она.

– Знаю, дитя мое, – мягко промолвил Гидеон, – Хартвиг рассказал мне. Я хотел выслушать тебя, чтобы убедиться в его словах. И в том, что Вернер не причинял вреда

невинным.

– Никогда! – горячо подтвердила Ивонна. – Вернер не такой. Он не раз рисковал жизнью, – она на миг запнулась, – ради нас.

– Ты хотела сказать – ради тебя? – мягко поправил волшебник.

– Какое это имеет значение теперь? – смутилась Ивонна.

– Именно сейчас и имеет, – возразил Гидеон. – Ты разыскала меня затем, чтобы убедить снять заклятие и вернуть моему ученику человеческий вид. Но решила ли ты, что станешь делать потом?

Ивонна в смятении отвела взгляд. Ответа на этот вопрос у нее не было. Она знала, что обязана отплатить Вернеру добром за все, что он для нее сделал. Она сосредоточилась на том, чтобы помочь заколдованному юноше вновь стать человеком. Но что будет потом – она не знала. Если бы только Вернер происходил из благородной семьи! Пусть даже обедневшей – не беда! Ее денег хватит на то, чтобы вести привычный образ жизни до конца дней.

Увидев, что они любят друг друга, ее отец дал бы согласие на этот брак. Но о том, чтобы выйти замуж за деревенского мага, не может быть и речи. Корнелий никогда не одобрит подобный союз. А тайно сбежать из замка и провести остаток жизни в деревенской избе Вернера Ивонна была не готова. Хотя что может быть хуже, чем всю жизнь провести в роскошном замке, тоскуя о настоящей любви?

– Я вижу, что ты равнодушна к нему, – деликатно заметил Гидеон. – Хартвиг поведал мне, что во время путешествия ты разорвала помолвку с женихом. И уверен, на то были и другие причины, кроме того, что жених тебя оскорбил.

Отеческий и добрый взгляд волшебника, казалось, проникал в самое сердце, и Ивонна не посмела ему возразить.

– Не сомневаюсь, Вернер тоже полюбил тебя, – продолжил волшебник. – До того, как он сбежал из дома, на свете не было юноши эгоистичнее и честлюбивее. Вернер был одержим амбициозными мечтами. После его бегства его товарищ признался мне, что Вернер мечтал стать самым могущественным волшебником в Невендааре. И трудно поверить в то, что юноша, которого я знаю, готов пожертвовать своей жизнью и своими мечтами ради кого-то другого. Я бы сказал, что без чуда здесь не обошлось. И это чудо, без сомнения, зовется любовью.

Ивонна заалела от смущения.

– Дитя мое, – мягко начал Гидеон, – я знаю Вернера лучше, чем ты. И я знаю, как важно для него достичь своей цели. Именно поэтому я наложил на него заклятье зверя, в надежде, что это уберет его от плохих поступков. Когда Вернер полюбил, то желание любви пересилило в нем желание славы и могущества. Если я верну ему человеческий облик, он будет глубоко несчастен оттого, что не сможет быть рядом с тобой. Быть может, остаться волком – лучший выход для него?

– Вы не понимаете! – воскликнула Ивонна. – Вернеру грозит страшная опасность! Дамарис поклялся истребить всех волков в Невендааре. Если только...

– Если только – что?

– Если только я не выйду за него замуж, – еле слышно прошептала Ивонна.

– Тогда твой жених еще более бесчестный человек, чем я себе его представил по твоему рассказу, – строго заключил Гидеон.

– Так вы вернете Вернеру человеческий облик? – взволнованно спросила Ивонна.

– Конечно, – кивнул Гидеон. – А когда сделаю это, то увезу его с собой. Мать Вернера вне себя от волнения. Я верну его домой. А ты станешь жить своей жизнью, со временем забудешь все, что произошло, и встретишь человека своего круга, которого полюбишь всем сердцем.

«Никогда! – хотела выкрикнуть Ивонна. – Никогда не забуду Вернера и никогда никого так не полюблю». Но лишь покорно кивнула, соглашаясь со словами волшебника, и спросила:

– И как вы собираетесь это сделать?

Но Гидеон не ответил – во дворе раздался шум, и, подойдя к краю балкона, Ивонна увидела, как во двор замка въехал Дамарис со своими воинами. Среди них Ивонна заметила инквизитора, лицо которого было ей незнакомо. Но при виде его синей мантии сердце девушки сжалось в предчувствии беды.

Спустившись во двор и обнаружив среди незваных гостей Дамариса, Корнелий покраснел от гнева.

– Кажется, я ясно сказал, что тебе здесь больше не рады! – вскипел он.

– Зачем же так строго, Корнелий? – Дамарис попытался перевести все в шутку. – У меня ведь серьезные намерения. Я люблю твою дочь и так просто не отступлюсь.

– Убирайся вон! – рявкнул взбешенный хозяин замка.

– Не очень-то почтительно встречают здесь родственников Великого Инквизитора, – раздался лязгающий, как ржавый дверной засов, голос, и из-за спины Дамариса выступил незнакомец в плаще инквизитора. Корнелию сразу не понравились его острые черты лица, мелкие крысиные зубы в прорези тонких серых губ, буравящий осуждающий взгляд и подобострастные нотки в голосе, когда тот вступился в защиту Дамариса. Оцепенев при виде столь неприятного человека, Корнелий не сразу осознал смысл его слов.

– Великого Инквизитора? – недоверчиво переспросил кто-то из людей за его спиной, и Корнелий запоздало узнал голос Хартвига. – Разве Дамарис приходится родственником и преподобному Иоганну?

– Святейший Иоганн вчера погиб. – Лицо инквизитора превратилось в маску скорби: уголки бескровных губ опустились вниз, веки прикрылись, словно он собирался заплакать. – Теперь Великим Инквизитором Невендаара стал почтенный Себастьян.

Хартвиг недовольно кашлянул, а сердце Корнелия тревожно забилося, почуяв неладное. Уж если прежде Дамарис постоянно подчеркивал высокое положение своего дяди и кичился властью, которой тот располагает, то теперь и вовсе почувствует себя безнаказанным. Доказательство чему – его сегодняшнее вторжение в замок, где ему не рады.

– И чем же я, скромный житель Империи, обязан визиту столь высокопоставленной персоны, как племянник Великого Инквизитора? – пытаюсь скрыть тревогу за неприкрытой иронией, поинтересовался Корнелий.

Дамарис, приняв его слова за приглашение, спешил и подошел ближе. За его спиной неуклюже слез с коня инквизитор и засеменял следом за Дамарисом, остановившись рядом.

– Корнелий, тебе известны мои намерения в отношении Ивонны. Давай забудем этот нелепый инцидент в пути и пожмем руки.

– Нелепый инцидент?! – Корнелий проигнорировал протянутую ему руку и с гневом взглянул в лицо наглецу, которого он еще недавно считал лучшей партией для своей дочери. – Ты бросил ее, оставил без своей защиты. Она чуть не погибла в получасе езды от дома. Где ты был тогда, а, Дамарис?

Тот выдержал его взгляд спокойно. Чуть опустил голову, выражая раскаяние.

– Корнелий, я понимаю твои чувства. Я сам сильно сожалею о том, что все так произошло. Если бы я только мог представить, что такое может случиться...

– Ты мог представить, Дамарис, – сердито перебил его Корнелий. – И если бы ты любил мою дочь, то представил бы себе это очень ясно. Моя дочь неоднократно подвергалась смертельной опасности в пути. Ты знал об этом с ее слов. И тем не менее допустил, чтобы она продолжила путь в одиночестве!

– Я сожалею об этом, Корнелий, – повторил Дамарис. – Дай мне шанс, и я искуплю свою вину и докажу свою любовь. Я готов немедленно обвенчаться с Ивонной.

В это время инквизитор выступил из-за его спины, и Корнелий замер, ошеломленный неприятной догадкой.

– Для этого я здесь, – подтвердил инквизитор, сцепив руки на выпирающем, как у беременной бабы, животе.

– Этому не бывать! – рявкнул Корнелий и, подавшись к Дамарису, схватил его за

грудки.

Дамарис был выше и сильнее, он мог легко сломать ему кости, отшвырнув в сторону, но ослепленный гневом отец забыл обо всем на свете.

– Убирайся вон, – процедил Корнелий. – Я не отдам за тебя Ивонну.

Дамарис осторожно отцепил его руки и двинулся на него могучей махиной, вынуждая попятиться. Лицо молодого человека миг лишилось того виноватого выражения, которое тот прилежно демонстрировал только что. Черты лица заострились, рот решимо сжался, глаза полыхнули одержимостью.

– Что ж, – в исступлении процедил он, – не хочешь по-хорошему, так я возьму ее силой. Ивонна принадлежит мне. И она станет моей женой сегодня же. Винсент! – бросил он инквизитору. – Следуй за мной. Мы поднимемся к моей невесте, раз уж она не пожелала спуститься сама.

– Ты не пройдешь! – прорычал Корнелий.

– А кто меня остановит? – расхохотался Дамарис и непочтительно ткнул его в грудь. – Ты, старик?

Воины Хартвига выступили вперед, преграждая путь Дамарису и его людям.

– Что ж, – Дамарис криво усмехнулся и вытащил меч, – как пожелаете.

– Ты нападешь на меня в моем доме? – не поверил Корнелий. – Нарушишь закон?

– Это ты нарушаешь закон, старик, – оскалился Дамарис. – Уже нарушил его. Сопrotивление доверенному лицу инквизиции – это раз. Признание самозванки небесным ангелом – это два. Укрывательство опасного преступника, каким является беглый маг Вернер, это три. Никто не осудит меня, если мои люди перебыют твою охрану. А Винсент подтвердит мои слова. Так, Винсент?

Инквизитор подобострастно кивнул.

– Хартвиг, – растерянно пробормотал Корнелий, поворачиваясь к верному воину. – Да что же это такое? В моем собственном доме?

Хартвиг, уже едва сдерживая гнев, воспринял слова Корнелия как приказ и обнажил меч.

– Вам лучше убраться отсюда по-хорошему, господа, – обронил он.

И в тот же миг Дамарис дал знак своим людям, и те бросились в бой. Закипела схватка, зазвенели, скрестившись, мечи.

Дамарис ловко отбил удар Хартвига, с силой отбросив воина в сторону. И, вырвавшись из центра потасовки, шагнул к крыльцу дома.

Увидев направлявшегося в дом Дамариса, за которым по пятам следовал инквизитор, Корнелий взбежал на крыльцо, преградив им путь.

– А вот и отец невесты, – криво усмехнулся Дамарис. – Желаете присутствовать на церемонии? Не имею возражений. Твое право.

– Остановись. Не совершай глупостей! – горячо воскликнул Корнелий, пытаясь достучаться до разума Дамариса. – Ивонна не любит тебя. А если ты сделаешь то, что задумал, она тебя возненавидит. Силой любви не добьешься.

– Любви? – Молодой человек скривился. – Кто говорит про любовь? Ивонна красива, воспитана и умна. Она – лучшая невеста в округе. А я привык к тому, что все самое лучшее достается мне. Правда, – заметил он, – раньше Ивонна была более добродетельна, отличалась покорностью и послушанием, как и положено идеальной жене. Но ее строптивость мне даже нравится. Тем интереснее будет ее укротить.

От этих откровений Дамариса у Корнелия похолодело внутри. «Значит, Ивонна для тебя – только вещь?» – хотел спросить он, но не мог вымолвить этих страшных слов. До последнего времени он считал Дамариса доблестным рыцарем, благородным по праву рождения. И вот теперь от благородства знатного жениха не осталось и следа. В почтенной семье вырос бесчестный разбойник, устроивший погром в доме невесты и готовый взять ее силой. А страшнее всего то, что на него не найти управы: родство с Великим Инквизитором делает его неуязвимым и безнаказанным. Лучше бы Ивонне умереть в пути, чем

подвергнуться подобному бесчестью. Его нежная чистая девочка все равно этого не переживет...

– В чем дело? Идешь на венчание или нет? – грубо спросил Дамарис и, заметив, что Корнелий не трогается с места, сильно толкнул его: – Тогда прочь с дороги.

Пересчитав спиной каменные ступени, Корнелий упал к подножию парадной лестницы. Голова раскалывалась от боли, из рассеченного затылка хлынула кровь, на глаза пала красная пелена. И сквозь нее, как в алой дымке, Корнелий вдруг увидел, что из толпы дерущихся выскочил серый волк, промчался мимо него, взлетел по ступеням и скрылся в доме. Корнелию показалось, что он слышит цоканье когтей по каменному полу, горячее, прерывистое дыхание зверя. И даже представил себе, как бешено колотится его сердце, точно так же, как у него самого.

Дамарис ворвался на балкон и, не замедляя шага, двинулся к Ивонне. Но тут ему преградил путь незнакомый волшебник в синей мантии, и Дамарис слегка опешил, словно споткнувшись о его спокойный строгий взгляд.

– Что вы себе позволяете, молодой человек? – строго спросил Гидеон, разглядывая бывшего жениха Ивонны.

– Для тебя господин Дамарис, – дерзко ответил тот, сердито сверкнув глазами. – Прочь с дороги. Я пришел за своей невестой.

– Я тебе больше не невеста, – дрожащим голосом ответила Ивонна.

– Ошибаешься, милая, – криво усмехнулся Дамарис. И его дальнейшие слова повергли девушку в оцепенение. – Ты моя невеста, которая сегодня же станет моей женой.

– Ты бредишь? – воскликнула Ивонна.

– Ничуть! – ухмыльнулся Дамарис и окликнул: – Винсент!

Из-за его спины выступил тот самый инквизитор, который не понравился Ивонне с первого взгляда.

– Надеюсь, у тебя все готово к церемонии? – нервно спросил Дамарис.

– К церемонии? – дрогнула Ивонна.

– Да, милая. Винсент сейчас обвенчает нас.

– Что за чепуху ты несешь? – со строгостью осадил его Гидеон. – Супругов венчают в храме перед лицом Всевышнего. Брак, заключенный в другом месте, не будет считаться действительным.

Дамарис вынул из-за пояса свернутую в трубочку бумагу и ткнул ею в грудь Гидеону. Волшебник, обиженный таким поведением, бумагу взял, развернул и замолчал.

– Что там? – с замирающим сердцем спросила Ивонна, заглядывая ему за плечо.

– Это разрешение Великого Инквизитора на домашнее венчание, – хмуро ответил Гидеон. – Подождите-ка, – он разгладил нижний край бумаги с подписью инквизитора. – Но здесь стоит имя Себастьяна! Этот документ не имеет никакой силы. Он подписан не Иоганном.

– Ошибаешься, маг, – подал голос инквизитор Винсент. – Себастьян теперь Великий Инквизитор.

– А что же Иоганн? – удивился волшебник.

– Умер, – изобразил на лице скорбь Винсент.

– Убедился? – Дамарис грубо выхватил бумагу у Гидеона. – А теперь не мешай мне соединиться с моей невестой.

– Думаю, тебе лучше уйти, – нахмурился волшебник, стиснув посох.

Но Дамарис отшвырнул его в сторону и протянул руки, пытаясь схватить Ивонну. Звонкая пощечина, которую влепила ему девушка, стала для него полной неожиданностью. На миг Дамарис замер от изумления и обиды, но затем с рычанием бросился на Ивонну, и его широкая сильная ладонь, покрытая бурыми пятнами крови убитой им волчицы, взметнулась вверх. В последний момент он сдержал себя и не ударил строптивую невесту.

Ивонна остолбенела от ужаса и не могла шевельнуться. Все произошло так быстро, что упавший Гидеон еще не успел встать на ноги, и защитить ее было некому. Инквизитор

Винсент с явным одобрением взирал на них со стороны, и на его губах застыла гадкая ухмылка. Ивонна уже заранее чувствовала жар пощечины на своей щеке, представляла жесткую хватку Дамариса, когда Винсент будет зачитывать слова бессмысленного ритуала. Она уже ощущала вкус крови, который оставит на губах злой поцелуй Дамариса, похожий на укус вампира... А потом хоть в реку с обрыва, только бы смыть это бесчестье...

Но внезапно сбоку мелькнула серая тень: крупный волк, отшвырнув Дамариса от Ивонны, сбил его с ног. Ивонна в изумлении смотрела, как зверь навис над Дамарисом, прижав его к полу и зло рыча.

– Вернер, – еле слышно вырвалось у нее.

Но волк услышал, повернул к ней большую голову и насторожил уши, ловя каждый звук. Желтые глаза уставились на нее пристально и изучающе. В волке не было ничего человеческого, но каким-то внутренним чутьем Ивонна понимала, что не ошиблась.

Она отыскивала взглядом Гидеона, торопясь рассказать ему о своей догадке, чтобы тот быстрее снял заклятье. Но волшебник не смотрел на нее: он с озабоченным видом перебирал костяные руны, которые высыпал на ладонь из синего тряпичного мешочка.

Воспользовавшись тем, что волк отвлекся, глядя на Ивонну, Дамарис ухитрился подобрать выроненный клинок и с неимоверной силой ткнул им волка в бок. Зверь с визгом отскочил, Ивонна с ужасом увидела, как серая шкура окрасилась кровью. А Дамарис, вскочив на ноги, бросился к Гидеону и выбил из его ладони руны. Костяные пластинки со стуком рассыпались по каменному полу. В следующий миг Дамарис, коснувшись острием меча шеи волшебника и наслаждаясь своей властью над ним, одним легким движением разрубил завязки плаща так, что тот упал к ногам Гидеона. Оставшись без плаща, Гидеон словно лишился своей магической ауры. В одной рубашке и штанах, заправленных в сапоги, он мгновенно утратил всю свою важность и солидность. А Дамарис, с превосходством глядя на побелевшего от оскорбления волшебника, вновь упер острие меча ему в шею.

– Хотел меня заколдовать? – с угрозой произнес он. – Зря. Я убью тебя, а Винсент подтвердит, что ты был чернокнижником и служил Мортис, и я сделал богоугодное дело. Правда, Винсент?

Дамарис обернулся, выискивая взглядом инквизитора, но наткнулся только на гневный взор Ивонны, которая присела рядом с волком и осматривала его рану.

– Винсент ушел, – вымолвила она с ненавистью. – Сбежал, как заяц, испугавшись волка.

– Ничего, – менее уверенно произнес Дамарис, не опуская меча. – Винсент подтвердит все, что я скажу.

– Тогда тебе придется убить и меня, – произнес Корнелий. Он ступил на балкон и прислонился к двери, чтобы не упасть. – Потому что я не стану молчать и поведаю всем, что ты – лжец и подлый убийца.

– Папа! – Заметив кровь на лице Корнелия, Ивонна бросилась к отцу.

Это отвлекло Дамариса. И волк, воспользовавшись моментом, бросился на него. Свистнул клинок, рассекая воздух. Гидеон едва успел отскочить назад... И вот уже зверь и человек, вцепившись друг в друга, покатались по балкону. А Гидеон, разжав кулак с той самой руной, которую он искал, торопливо забормотал заклинание.

Вспышка света – и в стальных доспехах Дамариса беспомощно барахтается крупный бурый волк. А другой, серый, с раной на боку, отскочив в сторону, в растерянности наблюдает за противником. По сравнению с бурым, серый кажется меньше и слабее.

– Ты превратил Дамариса в волка! – ошеломленно воскликнула Ивонна, переведя взгляд с бурого зверя на Гидеона. – Ты ошибся! Ты должен был расколдовать Вернера!

– Нет, я не ошибся, – веско произнес волшебник, набрасывая на себя поднятый с пола плащ.

Ему пришлось удерживать рукой разрезанные завязки, чтобы плащ не свалился с плеч. Он открыл рот, чтобы объяснить что-то Ивонне, но не успел вымолвить ни слова. Бурый волк освободился, словно от стальной скорлупы, от доспехов и бросился на Гидеона с явным

намерением вцепиться ему в глотку.

Волшебник в смятении вскинул руки, стремясь защититься. Плащ соскользнул к ногам. Запутавшись в нем, Гидеон упал прямо навстречу оскаленной волчьей пасти, с которой капала слюна. И живое воображение Ивонны тут же нарисовало страшную картину: острые волчьи зубы смыкаются на горле мага, не оставляя шансов на спасение.

Но за мгновение до ужасной развязки серый волк опередил бурого и отбросил его от волшебника. С воем и визгом покотившись по балкону, звери сцепились не на жизнь, а на смерть. Летели в стороны клочья шерсти, щелкали челюсти с острыми зубами, нанося противнику рваные раны. Словно ураган пронесся перед глазами Ивонны. Затем, стремительно откатившись в стороны, волки, взмыв в прыжке в воздух, бросились друг на друга, на мгновение заслоняя солнце, застывшее над лесом. И в следующий миг, вцепившись друг в друга смертельной хваткой, переваливались через ограду балкона и рухнули на плиты двора.

Ивонна с криком бросилась к парапету балкона: оглушенные падением с высоты волки лежали на расстоянии двух шагов друг от друга. Бурый, поскуливая, сучил лапами, пытаясь подняться. А серый лежал неподвижно, не подавая признаков жизни. Двор был пуст. Воины Хартвига оттеснили к воротам людей Дамариса.

Слева от Ивонны встал отец, успокаивающе положил руку ей на плечо. По другую руку остановился Гидеон. Свесившись с балкона, он посмотрел вниз. Внизу мелькнул синий плащ инквизитора – Винсент торопился покинуть замок.

– Только бы не опоздать, – воскликнул волшебник.

Его голос донесся до Ивонны словно издалека, будто они не стояли рядом, а находились на разных берегах того озера, из которого ее спас Вернер. А затем она услышала слова заклинания – быстрые, прерывистые, показавшиеся ей совершенно бессмысленными. Ивонна, не отрывая взгляда, смотрела на распростертого на земле волка. По щекам ее, застывая взор, текли жгучие слезы, они превращали силуэт зверя в бесформенную серую кляксу. И вдруг силуэт начал менять цвет, вытянулся, удлинился.

– Смотрите! Это не волк! – воскликнул Корнелий.

Ивонна торопливо вытерла слезы и увидела, что на месте серого волка лежит спиной к дому обнаженный мужчина. Его лица не видно, темные волосы растрепаны, но Ивонна почувствовала, что это...

– Да это же Вернер! – донесся со двора голос Хартвига.

Крайне удивленный воин склонился над юношей.

«Он жив?» – хотела спросить Ивонна, но от волнения не смогла вымолвить ни слова.

– Как он? – перегнувшись через перила, крикнул Корнелий.

– Живой! – с радостью ответил Хартвиг. – Только ранен. – Воин скинул с себя плащ, чтобы прикрыть наготу Вернера.

Со стороны ворот донеслись ликующие крики воинов – люди Дамариса были отброшены за пределы замка и отступали, смирившись с поражением.

Бурый волк, поднявшись на ноги и угрожающе рыча, сделал шаг к Вернеру, но Хартвиг выхватил меч, и волк, поджав хвост, попятился и обратился в бегство. Он вихрем помчался к закрывающимся воротам и в последний момент успел выскочить наружу.

Ивонна этого не видела. Она неотрывно смотрела на неподвижное тело, накрытое плащом Хартвига. «Он жив, – стучало ее сердце. – Он жив!»

Во дворе появился Гидеон, он склонился над Вернером, приподнял плащ, чтобы осмотреть юношу и исцелить его раны.

Ивонна отвела глаза и стыдливо отвернулась. И в тот же миг окрестности огласил громкий звук охотничьего рога, донесшийся со стороны ближайшей деревни. Ему вторил еще один – с противоположной стороны. Затем еще один и еще.

– Дамарис пообещал награду за каждого убитого волка, – тихо сказал Корнелий. – Похоже, на нее прельстились все окрестные охотники...

Ивонна промолчала, устремив взор на бескрайние луга, раскинувшиеся за оградой

замка. По густой траве через яблоневый сад мчался бурый волк, торопясь скрыться в лесу, который уже виднелся вдалеке. Но ему не уйти от охотников, которые уже заметили добычу и пришпорили своих коней. Ивонна не могла видеть, но представила себе выражение азарта на лицах мужчин, отчаяние в желтых глазах волка. Понимает ли он, что стал заложником собственного коварства? И теперь сам разделит судьбу зверей, на которых объявил беспощадную охоту.

Издалека донесся ликующий голос охотничьего рога. Ему вторил отчаянный вой затравленного волка. Ивонна повернулась и бросилась в комнаты, чтобы его не слышать. Воображение уже рисовало ей картину кровавой развязки этой драмы.

Глава 15 **Соединение**

Узкие манжеты сорочки непривычно сковывали запястья, высокий ворот камзола давил на шею. Вернер чувствовал себя неловко в костюме знатного господина, но забыл обо всем на свете, когда увидел, как загорелись глаза Ивонны при виде его. Дыхание перехватило от ее красоты. Белое платье невесты делало девушку похожей на принцессу, и Вернер никак не мог поверить в реальность происходящего. Ивонна выходит замуж... за него!

Как во сне, он взял узкую ладонь девушки. Чувствуя взволнованную дрожь ее пальцев, слушал слова священника, соединяющего их земной союз именем Всевышнего.

– Объявляю вас мужем и женой!

Длинные ресницы Ивонны затрепетали, как крылья бабочки, губы приоткрылись навстречу первому поцелую, и Вернер захмелел от вкуса ее губ. Голова закружилась от счастья, а все происходящее показалось сном.

– Поздравляю! – поторопился обнять их растроганный Корнелий, и Вернер, до последнего момента не веривший до конца в то, что Корнелий отдаст свою единственную и любимую дочь за него, бедняка дворянского происхождения, крепко обнял его в ответ, шепча слова благодарности.

В смутные для Невендаара времена, о которых на время сегодняшнего торжества все постарались забыть, Корнелий посчитал, что его дочь должна связать судьбу с любимым человеком, не раз спасавшим ей жизнь и готовым оберегать ее до последнего вздоха. Повлияло на решение Корнелия и то, что он сам видел, как Вернер, будучи волком, защищал Ивонну от Дамариса и спас от гибели Гидеона. Разочаровавшись в Дамарисе и убедившись в искренности чувств Вернера, Корнелий не сразу, но дал согласие на этот неравный брак.

Известие о том, что Вернер – сын погибшего во время крестьянского мятежа дворянина, стало полной неожиданностью как для Ивонны, так и для Корнелия. Очнувшись человеком и не обнаружив на шее медальона отца, Вернер в сопровождении Хартвига добрался до окрестного леса, отыскал в непролазной чаще разоренную берлогу и нашел в ней фамильное украшение. Герб, который он показал Корнелию, произвел на того неожиданное впечатление.

– А я-то все гадал, кого ты мне напоминаешь! – в волнении вскричал Корнелий.

Оказалось, что в юности Корнелий и отец Вернера жили по соседству и были друзьями. Отец Вернера, бывший на несколько лет старше, женился первым, и Корнелий был знаком с его женой Геленой, знал, что супруги ждут первенца. Но еще до рождения Вернера Корнелий женился и уехал на другой конец Империи, поселившись в замке жены и потеряв связь со старым другом. Когда Ивонна была маленькой, Корнелий по делам приехал в родные края, обнаружил замок друга разграбленным и обветшавшим, а местные крестьяне поведали, что во время мятежа вся семья погибла.

– Как ты похож на отца! – растроганно повторял Корнелий, обнимая ошеломленного Вернера. А потом, видя, какими взглядами обмениваются украдкой Вернер и Ивонна, вызвал их для серьезного разговора и, убедившись в искренности чувств молодых, дал согласие на свадьбу...

Вслед за отцом невесты подтянулись и остальные гости. Небольшой храм в окрестностях Левенделла был полон народу. Большинство из них Вернер не знал – они были родственниками и соседями Ивонны, но с тетушкой Нильдой, которая Ивонне как мать, невеста уже успела его познакомиться.

Совершенно не похожая на свою утонченную племянницу, полная невысокая женщина с невыразительным лицом, но железным, как уже успел убедиться Вернер, характером одной из первых поздравила их, бесцеремонно отодвигая других гостей. Вернер тепло улыбнулся ей в ответ: если бы не Нильда, у которой гостила его невеста, они с Ивонной никогда бы не встретились. И не было бы сейчас этого невозможного, неисчерпаемого, бездонного счастья, которое переполняет душу.

Следом за Нильдой подошли Гелена и Гидеон. Мать Вернера чувствовала себя непривычно в богатом платье и прятала в тонких шелковых перчатках натруженные руки, выдававшие привычку к тяжелому крестьянскому труду. Однако держалась с достоинством, и никто из родни невесты не догадывался о том, в каких условиях последние тринадцать лет жили мать и сын из благородной семьи.

Корнелий решил, что во избежание пересудов не стоит рассказывать родне всей правды, и представил избранника дочери знатным юношей из окрестностей Фергала, избравшим путь мага. А также сообщил, что с будущим женихом Ивонна познакомилась во время пути, когда он спас ей жизнь. Гидеон простил Вернера, признал несправедливость наложенного заклятия, и теперь все недоразумения между ними были разрешены, а родне Ивонны маг представился приемным отцом жениха и не слишком покривил против истины.

Судя по тем нежным взглядам, которые бросали друг на друга мать и учитель, по той заботе, с которой Гидеон оберегал свою спутницу от расспросов, бегство Вернера сблизило их и положило начало запоздалой любви. Вернер с улыбкой отвел глаза. Пусть и они будут счастливы.

Вдруг Ивонна в волнении стиснула его ладонь, и Вернер увидел, как в храм вошел высокий молодой мужчина в стальных доспехах и в шлеме, закрывающем лицо. Дамарис! Забывая о том, что в последний раз видел соперника в волчьей шкуре, Вернер уже подался вперед, торопясь закрыть собой невесту. Но тут незнакомец снял шлем, и с губ Ивонны сорвался радостных вздох:

– Таусенд!

«Показалось», – облегченно выдохнул Вернер. С того дня, как он вновь стал человеком, а Дамарис обратился в зверя, о бывшем женихе Ивонны ничего не было известно. Стражники рассказывали, что в тот вечер охотники загнали в окрестностях пятерых волков, один из которых был редкого бурого окраса. Узнав об этом, Вернер помрачнел.

Дамарис хотел убить его в волчьем обличье. Если бы не вмешательство Гидеона, вскоре Вернер мог повторить печальную участь своей подруги-волчицы. И все же такой страшной гибели он своему сопернику не желал. Не получив обещанной награды от без вести пропавшего Дамариса, охотники быстро прекратили преследование волков и вернулись к своей обычной охоте на дичь, приносящей стабильный доход. Даже инквизитор Себастьян не очень-то интересовался судьбой родного племянника, будучи увлеченным своими интригами и преследованием Ламберта и Иноэль.

Однако на смену облегчению стремительно пришло другое чувство.

– Ты знаешь его? – ревниво спросил Вернер невесту, разглядывая приятное лицо воина, который к ним приближается.

– Это мой кузен, старший сын Нильды, – бесхитростно объяснила Ивонна, и у Вернера сразу стало легче на сердце.

Нильда заметила сына, обняла его с возгласом:

– Явился все-таки! Я уж думала, что не приедешь!

– Путь из Фергала неблизкий, – заметил в оправдание тот. – Но как я мог пропустить свадьбу своей сестрички?

И, встретившись с Ивонной взглядом, он направился к молодым.

– Таусенд – имперский ассасин, – с гордостью за брата объяснила Ивонна, пока тот пробирался среди гостей.

– Поздравляю, сестренка! – воскликнул Таусенд и подмигнул Вернеру: – А ты береги ее, братишка.

– Таусенд, – торопливо спросила Ивонна, – скажи, что-нибудь слышно от капитана Ламберта и Иноэль?

На лицо ассасина набежала тень.

– От проезжающих рыцарей я узнал, что Ламберта и посланницу преследует инквизиция. Недавно они отбили одну из атак, и те, с кем я говорил, помогли им в этом. По возвращении в Фергал я постараюсь добиться аудиенции у императора, чтобы сообщить о бесчинствах инквизиции. Иноэль ведь уже была похищена инквизитором Себастьяном...

Ивонна ахнула, услышав это имя и вспомнив резкое, неприятное лицо старика с колкими глазами.

– Все обошлось, – успокоил ее Таусенд. – Ламберт нашел и вызволил ангела. Себастьян тогда еще не встал во главе инквизиции. Но сейчас, когда в его руках сосредоточена вся власть, он бросил все силы на преследование Иноэль...

– Да поможет им Всевышний! – взволнованно прошептала Ивонна.

А Вернер нахмурился, вспомнив о том, что Иноэль ищут и демоны. К счастью, страшный голос Бетрезена не преследовал его после обратного превращения. Гидеон, которому он рассказал об этом, предположил, что превращение в волка разорвало пагубную связь, возникшую между Бетрезеном и Вернером после того, как юноша призвал Белиарха, чтобы расправиться с орками. Не имея власти над волком, Бетрезен забыл о Вернере. И Вернер от всей души надеялся, что предводитель Легионов Проклятых никогда не напомнит ему о своем долге.

Таусенда оттеснили другие гости, которые желали поздравить молодоженов, и вскоре торжество переместилось в просторный замок невесты.

– Не хочу отпускать от себя дочь, – объяснял Корнелий на расспросы любопытных. – Пусть живут со мной. Буду рад понынчить внуков.

– Сынок, – выбрав удобный момент, прошептала Гелена, – завтра мы с Гидеоном уедем.

Ивонна с Корнелием пригласили мать Вернера поселиться с ними в замке, но та предпочла вернуться в деревню.

– Так быстро? Погостите еще, – радушно предложила Ивонна.

– Спасибо, дочка, но только это все не для меня, – с виноватой улыбкой ответила Гелена, обводя взглядом роскошное убранство зала. – Я уже отвыкла от этого. Да и Гидеону пора возвращаться к своим ученикам. Таусенд завтра отправляется в полк, он здесь со своими товарищами. Твоя тетя с семьей собирается с ними. Доедем вместе до Фергала – все спокойнее.

– Конечно, – одобрила ее решение Ивонна, – и мы не будем волноваться за вас.

Гидеон отвел Вернера в сторону:

– Что решил с магией? Продолжишь обучение?

– Обязательно, – кивнул с серьезным видом Вернер. – Корнелий согласен ехать с нами в Фергал и пожить там какое-то время, пока я буду набираться знаний в Башне Магии.

– По-прежнему желаешь стать самым могущественным волшебником в Невендааре? – Гидеон пристально взглянул на ученика.

Неужели в нем опять разыгрались амбиции и жизнь его ничему не научила?

– Каждый ученик мечтает стать белым магом, – с улыбкой заметил Вернер. – Только раньше я желал знаний ради власти и славы, а теперь они нужны мне только для того, чтобы защитить Ивонну и свою семью.

Гидеон кивнул, пряча улыбку в бороду. Все-таки путешествие серьезно изменило юношу. Он возмужал, стал взрослее, ответственнее, сильнее. И можно не беспокоиться о том, что магическая сила, данная его ученику, окажется на службе у темных сил. Отныне

сердце Вернера целиком принадлежало свету, который зажгла в нем Ивонна.

– Вернер, – после заминки спросил Гидеон, – помнишь, ты говорил, что обнаружил способ повернуть заклятье вспять и избавиться от звериного обличия? У нас тогда не было возможности обсудить это подробнее. Можешь сказать, что это было?

– К чему это теперь? – удивился Вернер и с подозрением взглянул на волшебника: – Или вы опять собрались кого-то заколдовать? Неужто старина Бейл проявляет интерес к запрещенной магии? Или малыш Сандр отличился?

– Да что ты! – с негодованием воскликнул Гидеон. – Ничего подобного. Бейл, кстати, здорово продвинулся в магии со времен твоего отъезда, – с гордостью за ученика добавил он. – Думаю, он может стать хорошим боевым магом, если не станет зарывать свой талант и не поддастся требованиям отца продолжить семейное дело. А у Сандра неплохие задатки элементалиста. Возможно, ты когда-нибудь встретишь его в Фергале в Башне Магии... Так что, расскажешь о том, как преодолеть заклятье? Ты говорил, что сделал это даже без помощи магии.

– Научный интерес? – понимающе улыбнулся Вернер. – Хорошо, слушайте...

– Значит, – в волнении уточнил Гидеон, дослушав до конца его рассказ о спасении Ивонны из озера, – спасение человека способно одолеть оборотные чары заклятья зверя?

– Похоже на то. Это случилось со мной дважды: когда я исцелил Ивонну от смертельной раны и когда спас ее из озера. Проверить это в третий раз не представилось возможности.

– Спасибо тебе. – Гидеон взволнованно пожал ему руку.

– За что? – удивился Вернер.

Но тут он услышал голос Ивонны и поспешил вернуться к невесте.

Какое-то странное, особенное чувство заставило его обернуться. Ошеломленный Вернер заметил, что плащ за спиной Гидеона вздымается, словно под одеждой учителя нервно подрагивает звериный хвост. Да нет, не может быть!

– Что случилось, любимый? – спросила его нежным голосом Ивонна и с беспокойством заглянула ему в глаза.

– Ничего. – Он привлек к себе невесту, касаясь губами светлого локона на ее виске и замирая при мысли о более смелых ласках, которые ждут их сегодня ночью. – Показалось.

Ивонна отстранилась и посмотрела на него с улыбкой, словно подслушав его мысли. В ее глазах вспыхнули звезды, похожие на ту, что упала с небосклона некоторое время назад, положив начало их приключениям. И больше ничто на свете не имело значения, кроме сияния этих глаз и сладости губ.

– Голубки, – умильно вздохнула тетушка Нильда, наблюдая за поцелуем молодых, и промокнула платком уголки глаз.

Наконец-то она могла быть совершенно спокойной за племянницу. Достаточно посмотреть на Ивонну и Вернера, чтобы понять, что эти двое любят друг друга так страстно, как только можно любить в этом мире. Сейчас глаза племянницы сияли любовью, и с их ослепительным блеском могли соперничать только обожающие взгляды, которые Вернер бросал на свою молодую жену. А когда молодые люди умеют любить так сильно, то Невендаару не страшны никакие испытания. Любовь спасет их мир. Как спасала уже не раз.